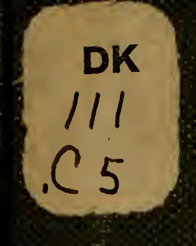

ЖИЗНЬ

КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО,

КЕЛАРЯ ПАЛИЦЫНА

И

ГРАЖДАНИНА МИНИНА.

Chicagov, N.

Сочиненіе Н. Чичагова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 iюня 1848 года.

Ценсоръ *И. Срезневскiй.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составляя описаніе жизни трехъ мужей, изображающихъ собою примѣръ любви къ отечеству, можетъ быть должно бы было показать краткими только чертами то бѣдственное положеніе дѣлъ, коему положили они конецъ великимъ своимъ подвигомъ. — Признано нужнымъ нѣсколько распространить описаніе предметовъ событій по тремъ причинамъ:

1. Въ Историческихъ сочиненіяхъ, доселѣ у насъ изданныхъ, смутное время Россіи показано большею частію по лѣтописямъ безъ точнаго сличенія ихъ съ Государственными бумагами и между собою. При отсутствіи такого сличенія весьма трудно избѣжать ошибокъ, между тѣмъ нужно же когда нибудь поправить эти ошибки для пользы исторіи, какъ науки.

2. Начертаніе картины смутнаго времени было бы уже слишкомъ неполно, еслибъ не объяснялись причины и связь ихъ между собою.

3. Изъ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ спасенію Россіи, Князь Пожарскій и Палицынъ

оказали заслуги не только въ этомъ событіи, но и въ разныхъ другихъ случившихся прежде и послѣ. — Притомъ говоря о главныхъ лицахъ и сложныхъ дѣйствіяхъ, нельзя бы было избѣгнуть темноты, еслибъ не было прибавлено нужныхъ понятій о тѣхъ препонахъ и противникахъ, съ коими долженствовали они выдерживать свою славную и опасную борьбу.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ положено лучше подвергнуться упреку за излишество, нежели за неполноту.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Стран.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ЗНАЧЕНІЕ СОКРАЩЕННЫХЪ СЛОВЪ, НАИЧАЩЕ УПОТРЕБЛЕННЫХЪ ВЪ СЕЙ КНИГѢ:

Кн.	Князь.
Лѣтоп. Ник. . . .	Лѣтопись Никонова, изданная при Академіи Наукъ.
Лѣт. о мят. . . .	Лѣтопись о многихъ мятежахъ, вышедшихъ въ Москвѣ 2 изданіемъ въ 1788 году.
С. Г. Г. и Д. . .	Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.
Рукоп. Палиц. . . Лѣт. Палицын. . .	Рукопись Палицына (по списку, хранящемуся въ Музеумѣ Гр. Румянцова) и Лѣтопись Палицына, которая содержитъ тоже, что рукопись, но съ нѣсколькими измѣненіями. Она печатана въ 1784 г.

ЖИЗНЬ

КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО, КЕЛАРЯ ПАЛИЦЫНА И ГРАЖДАНИНА МИНИНА.

ГЛАВА I.

Вступленіе. Очеркъ первыхъ лѣтъ Минина и Палицына. Смутное время. Избраніе Владислава на Русскій престолъ. Причины, неудобства и послѣдствія. Патріархъ Ермогенъ. Возстаніе Ляпунова. Пожаръ и раззореніе Москвы.

При размышленіи о дѣлахъ, достойныхъ памяти потомства, умъ и сердце прежде всего указываютъ на тѣ, коихъ источникомъ была чистая любовъ къ Отечеству. Въ этомъ чувствѣ благочестіе, мудрость, справедливость, признательность, мужество и щедрость, направляя силы къ одной цѣли, возвышаютъ себя взаимнымъ содѣйствіемъ и доходятъ до крайнихъ точекъ совершенства.

Если, по словамъ мудрецовъ древности, ни одна добродѣтель не оставляетъ земли безъ означенія на ней любезнаго слѣда: то отъ соединенія многихъ

силъ слѣды ихъ дожны быть явственнѣе и прелестнѣе. Отсюда слава, благотворная современности, дорогая потомству. Такая слава — удѣлъ нашихъ соотечественниковъ Князя Пожарскаго, Келаря Палицына и Гражданина Минина.

Трое совершили одинъ подвигъ, но заслуга такъ велика, что обращаетъ всю жизнь ихъ въ предметъ вниманія общаго.

Козьма Миничъ Сухорукій, болѣе извѣстный въ новой исторіи подъ именемъ Гражданина Минина, а въ старыхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Кузьмы, родился въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Полагать должно, что отецъ его принадлежалъ къ торговому сословію, былъ человѣкъ благочестивый, заботливый и небѣдный: поелику сынъ обученъ былъ грамотѣ, а такое знаніе въ его время бывъ исключительною долею духовенства, доставалось другимъ сословіямъ, какъ рѣдкость, доступная зажиточнымъ людямъ и то лишь при охотѣ до чтенія церковныхъ книгъ, при нуждѣ для купеческаго счетоводства.

Пришедши въ совершенный возрастъ, Мининъ, по обязанностямъ состоянія, переходилъ иногда отъ домашнихъ занятій къ трудамъ военнымъ и между товарищами завѣдывалъ хозяйствомъ, что поручалось людямъ испытанной смѣтливости и честности. Въ XVII вѣкѣ ополченія наши составлялись только при объявленіи войны. Послѣ каждаго похода ратники расходились по домамъ.

На родинѣ занятіе Минина было мясная торговля. Эта промышленность не считается въ обще-

ствѣ почетною, но вспомнить должно, что даже тѣ работы, кои своенравными повѣрьями включены въ число унизительныхъ, измѣняютъ свой видъ, когда наложатъ на нихъ печать свою здравый умъ, честность и благородство души. — Послѣднія качества доставили Минину не только довѣренность въ обществѣ ему равномъ, но и вниманіе отъ людей изъ высшихъ сословій. Плоды такихъ чувствъ могли быть пріятны добродѣтельному купцу: они могли способствовать умноженію достатка безъ упрековъ совѣсти, но ни друзья и почитатели, ни самъ Мининъ конечно не думали объ иной пользѣ, несравненно важнѣйшей. Ее знало одно провидѣніе до той поры, когда оно заставило Минина бросить его торговлю и пойти новымъ путемъ, указаннымъ событіями въ отечествѣ и призывнымъ голосомъ Келаря Палицына.

Палицынъ былъ потомокъ старинняго дворянскаго рода. Въ концѣ XVI вѣка, поступя въ братство Троицкой Сергіевой Обители, онъ нарѣченъ Авраміемъ. Безкорыстіе, умъ и честное исполненіе обязанностей доставили ему санъ Келаря. Такая степень была важна въ монастыряхъ, получавшихъ богатые вклады. Послѣ Настоятеля, который занимался церковными дѣлами и распорядкомъ въ иноческихъ должностяхъ, Келарь былъ второе лицо — ближайшій Правитель Хозяйства.

Старцу Аврамію поручено сверхъ того было управленіе Богоявленскимъ Монастыремъ, составлявшимъ подворье Троицкаго въ Москвѣ.

*

При всеобщемъ уваженіи къ святости Сергіевой Обители, при близости ея къ Столицѣ, значительности достоянія, качествахъ Келаря и надобностяхъ быть часто въ городѣ, — Палицынъ сдѣлался извѣстнымъ Царскому Двору и тѣмъ скорѣе, что встрѣчались нужды въ пособіяхъ изъ сокровищъ, скопленныхъ умѣренною жизнію монаховъ. Въ 1609 году Аврамій оказалъ особенную услугу Столицѣ. За пресѣченіемъ подвозовъ къ ней чрезъ возникшіе мятежи, сдѣлалась дороговизна хлѣба. Жадные перекупщики довели цѣну до 7 рублей за четверть, а деньги тогда были въ двадцатъ разъ дороже, чѣмъ нынѣ. Тутъ Царь и Патріархъ призвали старца Аврамія, предложили, чтобы продавалъ хлѣбъ изъ монастырскихъ житницъ по самой низкой цѣнѣ. Съ ревностію принято, съ умомъ исполнено предложеніе. Хлѣбъ вывозился на торговыя площади, продавался по 2 р. за четверть, разнесся слухъ, что всѣ запасы богатой Обители пойдутъ тѣмъ же путемъ. Перекупщики оцѣпенѣли отъ неожиданности, внушенъ страхъ, чтобы не подвергнуться имъ большему убытку, началось общее пониженіе цѣны и надолго установилась плата по 2 р. въ уровень съ тою, какую назначилъ Аврамій. Этотъ случай сдѣлалъ Палицына извѣстнымъ цѣлой Россіи, какъ человѣка, любящаго свое Отечество. Скоро важнѣйшія событія потребовали этого чувства во всей его полнотѣ.

По связи происшествій, нужно здѣсь нѣсколько краткихъ объясненій.

По кончинѣ Царя Іоанна IV, осталось два его сына отъ разныхъ супружествъ: старшій Өеодоръ, за которымъ была сестра Боярина Бориса Годунова, младшій Димитрій, котораго мать была еще жива. Первый былъ преемникомъ Престола, вторый въ самомъ нѣжномъ возрастѣ получилъ временнымъ удѣломъ себѣ городъ Угличь и тамъ убитъ. Изслѣдованіе о виновникахъ злодѣйства поручено было Боярину Князю Василью Іоанновичу Шуйскому, и кончилось тѣмъ, что вмѣсто открытія ихъ, осуждены мать и родственники Царевича за другіе опрометчивые поступки. Өеодоръ I скоро послѣ того умеръ, собраніемъ Государственныхъ чиновъ признанъ шуринъ его Монархомъ Россіи. Царь Борисъ умеръ въ 1605 году, оставя шестнадцатилѣтнему своему сыну Өеодору II самое опасное наслѣдство — спорный вѣнецъ.

Въ Украйнѣ наглый обманщикъ бѣглый Іеродіаконъ Григорій Отрепьевъ назвалъ себя Димитріемъ, сыномъ Іоанна IV, умѣлъ получить пособія отъ Польши, увѣрить многихъ Россіянъ въ своемъ чудесномъ спасеніи отъ смерти, требовалъ Московскаго Престола, какъ достоянія предковъ.

Неслыханное счастіе на время сопуствовало подлогу. Самъ главный вождь ополченій, посланныхъ противъ Самозванца, Бояринъ Петръ Басмановъ измѣнилъ и сдѣлался опаснѣйшимъ врагомъ тому Правительству, которое ввѣрило ему свою защиту. Өеодоръ II погибъ, Лжедимитрій объявилъ себя Московскимъ Царемъ и непобѣдимѣйшимъ Кесаремъ

вошелъ въ Москву, узнанъ и убитъ при народномъ возстаніи въ Столицѣ.

Предводителемъ возстанія былъ Князь Василій Іоанновичь Шуйскій, Вельможа Двора Борисова и Самозванцева, тотъ самый, который былъ слѣдователемъ убіенія истиннаго Царевича Димитрія; при походѣ же противъ ложнаго поступалъ нерѣшительно съ непріятелемъ, жестоко съ обольщенными жителями Украйны.

За гибелью Самозванца насталъ вопросъ, кому быть Государемъ Россіи.

Московскіе Бояре почитали нужнымъ собрать чины изъ всего Государства, дабы, подобно тому, какъ поступлено при переносѣ престола къ Царю Борису, дѣйствовать по общему совѣту, но нашлись люди, не столь медленные въ выборахъ. Они по внушеніямъ или, какъ говоритъ лѣтопись, по совѣту самаго Князя Шуйскаго, вывели его на лобное мѣсто, и провозгласили Царемъ, такъ что этому шагу не предшествовали не только совѣщанія съ цѣлымъ Государствомъ, но даже благовременное свѣдѣніе и согласіе многихъ жителей Москвы.

Послѣ такой рѣшимости, разосланы грамоты по областямъ, чтобы жители приведены были къ присягѣ новому Царю Василію.

Тутъ многіе города, гдѣ или преобладала мысль о силѣ новаго Правительства, или начальствовали друзья его, дали требованную присягу, но Украйна, гдѣ была памятна жестокость Князя Шуйскаго, колебалась; вообще же между Боярами и Вельможами

сперва родилась зависть къ возвышенію лица имъ равнаго, потомъ у многихъ заступили ея мѣсто страхъ и ненависть. Царь давши обѣтъ никого не казнить безъ совѣта Бояръ, скоро его нарушилъ по чувствамъ мести къ тѣмъ Вельможамъ и Дворянству, которые обнаруживали прежде несогласный съ нимъ образъ мыслей. Къ этимъ причинамъ смутъ прибавилось много другихъ отъ свойствъ новаго Царя. Объ умѣ, который былъ у него въ значительной, хотя и не въ превосходной степени, завистники его не говорили; но честность, по предшедшимъ дѣламъ, была сомнительна; жестокость и мстительность извѣстны, наружный видъ не выгоденъ; военныя дѣла и способности, коими въ старое время прикрывался недостатокъ прочихъ добродѣтелей, были не выше посредственности; простота пріемовъ предъ людьми, привыкшими прежде къ блеску двора, представлялась скупостью. Стали одни приводить себѣ на память былыя милости, награды, усердія; другіе жалѣть о расточительномъ Самозванцѣ, какъ о средствѣ къ пирамъ, къ обогащенію. Не многіе знали и никто не думалъ о томъ, что Отрепьевъ въ 11 мѣсяцовъ своего успѣха, такъ расточилъ огромныя сокровища, накопленныя Борисомъ, что во Дворцѣ большой казны вмѣсто денегъ, остались одни долговые счеты.

Отъ злыхъ сѣменъ росли пагубные плоды: начали носиться темные слухи, будтобы Лжедимитрій спасся отъ Крамолы Столицы. Молва поддерживалась легковѣріемъ и вѣстьми изъ Польши.

Взволновалась цѣлая Украйна. Никто еще не видалъ Самозванца, — а многіе вѣрили его праву. Ненависть къ Царю Василію не заботилась ни о разнорѣчіяхъ басенъ, ни о доказательствахъ истины.

Надъ толпами крестьянъ въ Украйнѣ принялъ начальство служитель Князя Телятевскаго Иванъ Болотниковъ, объявивъ себя наперстникомъ лица̀, существовавшаго пока еще въ обманутомъ воображеніи также, какъ его родъ и царское право. Къ мятежнымъ крестьянамъ пристали казаки; грабили домы дворянъ; припуждали дочерей ихъ вступать въ супружество съ слугами.

Едва пошли войска Царя Василія на Крамольниковъ, открылась измѣна по внутреннимъ областямъ. Города Рязань, Тула, Кашира признали власть невидимаго Димитрія; Владиміръ колебался; около Нижняго - Новагорода Мордва и Черемиссы возмутились; Калугу занялъ Болотниковъ; изъ Польши всѣ наглые негодяи съ предводителями, ихъ достойными, Княземъ Ружинскимъ, Яномъ Сапѣгою, удальцемъ Лисовскимъ—шли тысячами въ Россію, надѣясь наградъ за службу новому Димитрію, или богатства отъ грабежа.

Среди смятеній явился наконецъ и Лжедимитрій. Новое лицо, подобясь Отрепьеву въ одномъ безстыдствѣ, несходствовало ни въ чемъ другомъ, ни съ подлинникомъ присвоеннаго имени, ни съ невѣрнымъ его спискомъ—прежнимъ Самозванцемъ; тѣмъ не менѣе многіе не видавъ прежде истиннаго и мнимаго Царевича, не могли, многіе даже видѣв-

шіе послѣдняго, не хотѣли замѣчать разности. Сама жена убитаго Отрепьева, тщеславная Марина, не устыдилась признать новаго человѣка прежнимъ своимъ мужемъ.

У втораго Лжедимитрія собралось около 70,000 воиновъ. Онъ пошелъ къ Москвѣ; овладѣлъ селомъ Тушинымъ въ 12 верстахъ отъ столицы; встрѣтилъ препятствія къ дальнѣйшему пути, и рѣшился ожидать случая для покоренія Москвы обманомъ или силой.

Между тѣмъ на большой половинѣ Государства продолжалась междоусобная война со всѣми ея ужасами: селенія изчезали отъ пожаровъ, или заваленныя трупами прежнихъ обитателей, пустѣли; люди мѣнялись жилищемъ съ дикими звѣрями: первые спасаясь отъ смерти, скрывались въ дебряхъ, пещерахъ и дремучихъ лѣсахъ; послѣдніе по чутью обильной пищи, переходили къ мертвецамъ въ пустыя селенія людей. Тщетно Царь Василій посылалъ войска то противъ Самозванца, то противъ Литовской вольницы, разсыпанной для грабежа, то противъ отпадавшихъ областей и городовъ. Силы встрѣчались съ противными силами, упорныя битвы оставили слѣдъ свой насыпями частыхъ могилъ, но побѣды и пораженія не приносили рѣшительныхъ выгодъ ни для злополучнаго Венценосца, ни для искателя Царства.

Между тѣмъ Польскій Король Сигизмундъ III, желая воспользоваться несчастіями сосѣдней державы, объявилъ ей войну подъ самыми пустыми предлогами.

По сильному вліянію этого Короля на тогдашнія событія Россіи, нужно и — о немъ нѣсколько предварительныхъ свѣденій.

Сигизмундъ, сынъ Короля Шведскаго, получилъ престолъ въ Польшѣ и Литвѣ по избранію тамошняго Сейма. Перемѣня Лютеранское исповѣданіе предковъ на Католическое, онъ сдѣлался ревнителемъ послѣдняго и предался руководству Іезуитовъ. Лишь достался ему послѣ отца и тронъ Швеціи, начались покушенія обратить тамошнихъ жителей къ Римской вѣрѣ. Покушенія кончились тѣмъ, что дядя Сигизмунда занялъ мѣсто племянника въ Стокгольмѣ, съ именемъ Короля Карла IX. Послѣдовала война между дядею и племянникомъ; дѣйствія оружія по временамъ прекращались за истощеніемъ силъ, иногда же за вниманіемъ къ другимъ предметамъ, но вражда была непримирима.

Таже причина, отъ коей Сигизмундъ лишился Швеціи, увлекла его къ мысли обратить Христіанъ Грековосточнаго исповѣданія, обитавшихъ въ Литвѣ и Малороссіи, если не въ совершенныхъ Католиковъ, то по крайней мѣрѣ и въ Уніатовъ, признававшихъ духовное первенство Папы. Съ такимъ намѣреніемъ Король, Іезуиты и ихъ единовѣрцы употребляли противу диссидентовъ или несогласныхъ съ ними Епископовъ и паствы ихъ то коварство и лесть, то униженіе, отъятіе разныхъ правъ и выгодъ, даже личныя насилія и жестокость *.

---

* По Исторіи Россійской Іерархіи (т. I. ч. 1. стр. 105 и 423, изд. 1827 г.) даже Митрополитъ Кіевской Михаилъ

Не примирясь съ Швецiею и предпрiемля войну противъ Россiи, Король Сигизмундъ представлялъ въ себѣ общаго непрiятеля Дворамъ Московскому и Стокгольмскому.

Отпаденiе многихъ областей отъ Царя Василiя, дѣйствiя Литовской вольницы, приготовленiя Польши, опасность отъ Самозванца показавъ Василiю недостатокъ его способовъ къ оборонѣ, вели къ мысли требовать помощи отъ Карла IX.

По первому слову о томъ, Карлъ велѣлъ одному изъ своихъ Генераловъ съ корпусомъ войскъ идти на содѣйствiе Россiянамъ *.

Въ слѣдъ за тѣмъ подписанъ ** въ Выборгѣ договоръ, коимъ постановлено: Россiи и Швецiи помогать взаимно корпусомъ въ 2,000 конницы и 3,000 пѣхоты; Шведамъ, лишь перейдутъ нашу границу, получать отъ Царя жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ, какъ показаны оклады по росписи ***. Если нужда потребуетъ отъ нихъ похода въ Мос-

---

Рагоза и Епископъ Пинскiй Леонтiй были привлечены или принуждены къ Унiи.—Въ Малороссiи отдавались православныя церкви на откупъ Евреямъ.

* Грамота Карла IX къ Новугороду отъ 3 января 1609 (Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ т. II № 168.)

** 28 февраля 1609. Этотъ договоръ отъ слова до слова напечатанъ бывшимъ Вице-Канцлеромъ Барономъ Шафировымъ въ 1722 г., при разсужденiи о причинахъ тогдашней войны съ Швецiею.

*** Въ росписи назначено на мѣсяцъ:

Командующему Генералу	5,000
Начальникамъ конницы и пѣхоты . .	4,000
Прочимъ офицерамъ	5,000

кву, оклады удвоить. Сверхъ того Царь обѣщалъ уступить Королю городъ Корелу (Кексгольмъ) съ округомъ.

Исполняя договоръ, Шведы дошли до Торжка, но не хотѣли продолжать похода до отдачи Корелы.

Лишь приняты мѣры къ этой передачѣ, явились новыя требованія подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ Швеціи придетъ еще 4,000 вспомогательнаго войска. Царское Правительство обязалось дать Королю полное вознагражденіе военныхъ издержекъ, *какого онъ пожелаетъ*, *уступкою городовъ*, *земель или округовъ*, *на основаніи будущихъ особыхъ соглашеній* *.

По мѣрѣ уступокъ, по наемной платѣ, по тогдашней цѣнѣ денегъ, можно судить о тягости жертвъ, о жестокой необходимости.

Съ открытіемъ гласныхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи, Король Сигизмундъ началъ осаду Смоленска. Осада длилась отъ упорной обороны, между тѣмъ значительный корпусъ Польскій, подъ начальствомъ Гетмана Жолкевскаго пошелъ по Московской дорогѣ и встрѣтилъ соединенныя силы Россіянъ и Шведовъ между Гжатью и Можайскомъ у села Клушина. Союзники наши сперва слабо дѣй-

2,000 конныхъ солдатъ	каждому	25,	всѣмъ	.	50,000
3,000 пѣхотныхъ	—	12	—	.	36,000
					100,000

* Грамоты 21 и 27 августа и 27 декабря 1609, NN 188—190, 192, 193, т. II С. Г. Г. и Д.

ствовали противъ непріятеля, потомъ еще до окончанія боя, частію оставили поле его, частію перешли на сторону враговъ. Шведскій Полководецъ де-ла-Гарди приписывалъ эти дѣйствія своевольству Французовъ и Шотландцевъ, служившихъ по найму въ его корпусѣ. Признавая тѣмъ свою честь оправданною, и главнѣйше видя, что царская армія потерпѣла совершенное пораженіе у Клушина, онъ повелъ остатки своего войска къ областямъ, сопредѣльнымъ съ его отечествомъ. Тамъ располагался онъ дѣйствовать, смотря не столько на силу договора, сколько на сопряженіе обстоятельствъ.

При началѣ общихъ несчастій Россіи, Москва испытывала ихъ менѣе, чѣмъ другія мѣста; въ послѣдствіи развратъ проникъ и въ столицу. Военные люди просили жалованья отъ Царя Василія и расточали клятвы о своей вѣрности, но получа деньги, тотъ часъ переходили къ Самозванцу; граждане колебались между Царемъ Василіемъ и Тушинскимъ Царикомъ, какъ они называли втораго Лжедимитрія; лучшіе люди жаловались на Василія, говорили о его властолюбіи; несчастія приписывали неискуству; Вельможи думали спасти Государство, низведя Монарха съ престола и выбравъ на мѣсто его другое лицо.

Въ это время одинъ изъ знатныхъ людей Окольничій Михайло Глебовичь Салтыковъ, потому ли, что желалъ пріобрѣсти заранѣе благоволеніе Короля Сигизмунда, или же потому, что думалъ о пользѣ своего отечества и не видѣлъ другаго спо-

соба найти ее какъ посредствомъ соединенія выгодъ тогоже Государя съ выгодами нашими, осмѣлился даже заключить съ нимъ тайныя условія, о низложеніи Василія, о поднесеніи вѣнца его Владиславу, пятнадцатилѣтнему сыну Сигизмунда.

Прибывши въ Москву, Салтыковъ нашелъ умы Бояръ и народа готовыми къ его дѣлу.

Новая мѣра, по первому взгляду, обѣщала чрезвычайныя выгоды безъ большихъ затрудненій. Соединеніе Россіи, Литвы и Польши составляло издавна предметъ желанія многихъ умныхъ Вельможъ во всѣхъ трехъ Державахъ, какъ средство погасить взаимные споры по западнымъ и полуденнымъ Княжествамъ Русскимъ, отторгнутымъ Литвою во время Татарскихъ нашествій; уничтожить тѣмъ самую причину вражды народовъ единоплеменныхъ; обезпечить ихъ благоденствіе соединеніемъ огромныхъ силъ, удобствами торговли. Владиславъ получая Царство самодержавное, обширное, могъ употребить его способы къ тому, чтобы, въ случаѣ кончины отца, выборъ преемника въ Варшавѣ склонился въ пользу сына; чтобы коренныя постановленія трехъ Державъ были исправлены и соглашены; чтобы при самой жизни Сигизмунда распространены были его преимущества, слишкомъ ограниченныя Сеймами; чтобы вмѣсто препятствій, которыя соперничество Россіи полагало ему на пути къ возстановленію правъ его на Швецію, — явилось содѣйствіе сына и наслѣдника. Въ тоже время Россія переставши видѣть въ Польшѣ врага; оканчивала внѣшнюю

войну, опасную при смятеніяхъ внутреннихъ, избавлялась отъ тягостныхъ пожертвованій за чужеземную помощь; Литовская вольница должна была бросить оружіе и грабежи; Самозванцы лишась подпоры, легко могли быть подавлены силою Державъ соединенныхъ, даже причины къ безпокойствамъ, истекавшія отъ зависти Вельможъ къ возвышенію Василія, по роду имъ равнаго, теряли свою силу отъ пренесенія вѣнца въ домъ, искони Вѣнценосный.

Столь великія выгоды поражая своимъ блескомъ умы нашихъ политиковъ, видѣвшихъ ежедневно потери всякаго рода отъ войны внѣшней и внутренней, увлекали къ непомѣрнымъ надеждамъ и опасеніямъ, этимъ нравственнымъ пружинамъ, отъ коихъ мысль спѣшитъ къ цѣли съ ускоренною силою, забывая даже о вѣрнѣйшемъ направленіи пути.

Клушинское несчастіе, измѣна Шведовъ-союзниковъ, ускорили ходъ событія. Злополучный Василій надѣвъ Царскій вѣнецъ не по праву, долженъ былъ сложить его, когда время измѣнило шаткія основанія его власти. Онъ постриженъ въ иночество, отправленъ въ монастырь и скоро увезенъ въ Польшу, какъ Государственный плѣнникъ.

Съ низложеніемъ Василія образовалось Временное Правительство или Дума въ Москвѣ изъ 8 Бояръ, нѣсколькихъ Окольничихъ и Дворянъ. — Дума окружнымъ объявленіемъ возвѣстила о необходимости новаго избранія Государя *по общему совѣту всѣхъ городовъ* и требовала присяги въ повинове-

нiи ея приказамъ съ тѣмъ, чтобы не признавали Государемъ, ни бывшаго Царя Василiя, ни родныхъ его *.

Еще до приступа къ этому перевороту, главные вожди его согласились съ приверженцами Самозванца, чтобы такая же мѣра принята была и въ отношенiи къ послѣднему. Лишъ переворотъ совершился въ Столицѣ, какъ почитатели Лжедимитрiя прислали отзывъ, что Москва должна была оставить Царя незаконнаго, а они клянутся умереть за своего законнаго.

Между тѣмъ Гетманъ Жолкевскiй приблизя къ Москвѣ свое войско, сталъ на Хорошевскихъ лугахъ за нѣсколько верстъ отъ города, и немедленно началъ переговоры съ Временнымъ Правительствомъ о новомъ выборѣ Главы Государства.

Не ожидали *ни совѣта, ни полномочiй Городовъ и Земства* изъ другихъ частей Россiи, но отъ имени Патрiарха, освященнаго собора, Бояръ и всѣхъ сословiй, четыре Члена Думы *съѣзжались* съ Гетманомъ и *совѣтовались объ избранiи Монарха* на Государство Московское, Владимирское и иныя, съ ними соединенныя. Тутъ подписаны условiя **.

Проситъ Короля Сигизмунда, чтобы отпустилъ своего сына Владислава на царство въ Россiи. Коронованiю совершиться въ Москвѣ отъ Патрiарха.

* Грамоты 24 iюля 1610 NN 197 и 198 т. 2. С. Г. Г. и Д.

** Грамоты, $\frac{17}{27}$ августа 1610 N 199 и 200 т. 2. С. Г. Г. и Д.

Православная вѣра, честъ духовенства, законы, имущество церкви и частныхъ людей охраняются; еслибы встрѣтилась нужда въ перемѣнѣ законовъ или установленіи новыхъ налоговъ: рѣшать вопросы о томъ по совѣту Бояръ и Земскихъ Чиновъ.

Вины Бояръ подлежатъ суду лицъ, имъ равныхъ, но за вину осужденнаго не теряютъ ни имущества, ни правъ рода и состоянія жена и дѣти его, буде не участвовали въ преступленіи.

Владиславу не опредѣлять Поляковъ и Литовцевъ къ дѣламъ расправы и Земства, не давать имъ должностей Намѣстниковъ, Градоначальниковъ и Полководцевъ, также недвижимыхъ имѣній въ Россіи.

Польшѣ, Литвѣ и Россіи бытъ въ вѣчномъ союзѣ, имѣтъ общихъ непріятелей.

Тѣ города, которые принадлежали Россіи до смутнаго времени, какъ занятые подданными Короля, такъ находящіеся во власти Самозванца, очистить къ Московскому Государству, какъ были они до смуты.

Гетману оказыватъ содѣйствіе къ защитѣ Москвы, къ истребленію Самозванца; когда же злодѣй будетъ пойманъ или убитъ, отойти съ войсками къ Можайску до новыхъ распоряженій; отозвать отъ Самозванца Поляковъ и Литовцевъ; Марину Мнишекъ отвезти въ Польшу.

Безъ особыхъ соглашеній съ Боярами, Гетману не впускать въ Москву ни своихъ воиновъ, ни ратниковъ, принадлежащихъ къ вѣдомству другихъ Польскихъ Начальниковъ.

Плѣнныхъ Россіи, Литвы и Польши немедленно освободить взаимно безъ выкупа.

Королю прекратить непріязненныя дѣйствія противъ Смоленска и всякое стѣсненіе этого города.

Владиславу сдѣлать въ свое время вмѣстѣ съ Московскими Боярами приговоръ, въ какихъ пограничныхъ городахъ оставаться Польскимъ Начальствамъ вмѣстѣ съ нашими, дабы тамъ не было первыхъ безъ нужды.

Отправить изъ Москвы посольство къ Королю съ просьбою, чтобы сынъ его принялъ наше вѣроисповѣданіе и прибылъ въ Россію; съ уполномочіемъ войти въ соглашенія по предметамъ, *о коихъ Гетманъ науки и порученія не имѣетъ.* *

Въ исполненіи условій полномочные обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ по обычаю; но еще прежде окончательнаго утвержденія ихъ Королемъ, нѣсколько Бояръ спѣшили услужливостію и разчитанною и опрометчивою пріобрѣсти благовременно милости новоизбраннаго Государя, особенно же его родителя. Немедленно произнесена присяга Владиславу, посланы приглашенія о томъ же по другимъ городамъ и во многихъ тотчасъ послѣдовали примѣру Столицы. Приступлено къ назначенію Посольства и тутъ разочтено, какъ воспользоваться

* Изъ грамотъ N 203 т. 1 и N 7 т. 3 С. Г. Г. и Д. видно, что Сигизмундъ прислалъ съ Жолкевскимъ письмо къ Боярской Думѣ, въ коемъ содержались условія, въ Гетманской договоръ включенныя. Письмо было подписано Королемъ собственноручно.

случаемъ, чтобы отдалить отъ дѣлъ внутреннихъ, или отдать въ руки Сигизмунда въ видѣ залога за будущее спокойствіе тѣхъ сановниковъ, которые умомъ, связями, правомъ или видимою холодностію къ мыслямъ большинства, могли возбуждать опасенія. Это казалось тѣмъ удобнѣйшимъ, что предъ Патріархомъ, неохотно раздѣлявшимъ мысли о пользѣ условій, предъ Россіею, не вполнѣ довѣрявшею чужестранцамъ, нужно было показать, что общее великое дѣло отечества поручено людямъ, извѣстнымъ горячностію чувства къ нему, далекимъ отъ сомнѣнія на счетъ своихъ правилъ, подобныя же качества представляли въ одно время и надежныхъ защитниковъ дѣла и такія отношенія, которыя Иностранному Государю не надлежало терять изъ вида *.

Начальниками посольства избраны Митрополитъ Ростовскій Филаретъ и Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Филаретъ, въ свѣтскомъ званіи Бояринъ Федоръ Никитичъ Романовъ, былъ родственникъ Государей прекратившейся династіи Рурика; Голицынъ былъ соискателемъ престола при выборѣ Князя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Посольству придано много лицъ изъ дворянства и духовенства, между коими были Келарь старецъ Аврамій Палицынъ и Рязанскій дворянинъ

---

* Въ рукописи Гетмана Жолкевскаго сказано, что онъ почиталъ нужнымъ это назначеніе потому, что Патріархъ предлагалъ К. Голицына или сына Митрополитова Михаила избрать Государемъ Россіи. Митрополита Гетманъ считалъ залогомъ.

Захарій Ляпуновъ. О Палицынѣ сказано выше, Ляпуновъ замѣтенъ былъ Москвѣ по сильному характеру, по смѣлому вмѣшательству въ дѣла, и особенно по тому, что онъ былъ родной братъ другаго Рязанскаго дворянина Прокопія Петровича Ляпунова, которому разумъ, рѣшительность, величавость, желаніе участвовать въ дѣлахъ общественныхъ и сильныя связи доставили знаменитость не только въ сосѣдствѣ, но и въ цѣлой Россіи.

Когда посольство прибыло къ Сигизмунду, находившемуся въ арміи подъ Смоленскомъ: неминуемо должны были произойти затрудненія въ переговорахъ.

Сколь ни выгодны были для Короля условія Гетмана съ Московскою Думою; но при зависимости, въ какой Польскіе Государи находились отъ Сеймовъ или собраній Дворянства, располагавшихъ законодательствомъ и пособіями въ дѣлахъ политики, Сигизмунду предстояла необходимость испросить на Московскія соглашенія волю Сейма. Пользу соединенія трехъ Державъ постигали благоразумнѣйшіе изъ Вельможъ, но Большинство Дворянства, мало знакомое съ Государственными дѣлами, легче понимало выгоды ближайшія, чѣмъ отдаленнѣйшія. Ему не могли быть пріятны перемѣны тѣхъ правъ, по коимъ каждый Членъ его питалъ надежды, хотя большею частію несбыточныя, въ случаѣ смерти Короля занять мѣсто его, или же, когда вздумается, останавливать предпріятія Государя однимъ отказомъ въ своемъ одобреніи. Право этого отказа (li-

berum veto) почиталось главнымъ догматомъ, драгоцѣннымъ признакомъ и преимуществомъ благородства, которое не умѣло различать законную свободу отъ естественной, но могло по временамъ извлекать отъ голоса своего или утѣшеніе тщеславію, или прибыль какъ отъ вещи, не дорого стоившей продавцу. Людямъ съ такими понятіями казалось всего выгоднѣе продолженіе неустройствъ и безначалія въ сосѣдней Державѣ: тутъ завоеванія не трудны, добыча легка, пути къ отличіямъ, наградамъ и раздачѣ помѣстій въ новыхъ областяхъ открыты, личныя выгоды принимали видъ общественныхъ возгласами о славѣ, о вѣрнѣйшемъ обезпеченіи самаго мира чрезъ обезсиленіе сосѣда и распространеніе предѣловъ своего отечества.

Даже между Вельможами, лучше понимавшими соединеніе пользы Государя и Государства, появилась на то время мысль, что этой цѣли достигнуть можно вѣрнѣе тогда, какъ самъ Сигизмундъ, а не сынъ его юный и неопытный получитъ престолъ въ возмятенной Россіи; что въ противномъ случаѣ совѣты Московскихъ Бояръ легко наклонятъ новаго Царя къ однимъ выгодамъ земли его. Отсюда неминуемы разобщеніе видовъ, недостатокъ пособій отъ сына отцу, медленность въ соглашеніи коренныхъ правъ нашихъ и Польскихъ, возможность, что прежде этого соглашенія, природа потребуетъ отъ Короля послѣдняго его долга, и тогда по самой необходимости будутъ новые выборы, при коихъ Владиславъ можетъ встрѣтить счастливѣйшаго соиска-

теля въ Литвѣ и Польшѣ. Съ подобными событіями, вовсе невыходившими изъ предѣловъ вѣроятности, всѣ виды къ соединенію трехъ державъ изчезнутъ, какъ мечты, оставя только за собою сѣмена новыхъ обоюдныхъ требованій, споровъ и бѣдствій.

Къ источникамъ затрудненій отнести еще должно вліяніе Католическаго Духовенства на совѣсть Сигизмунда, замыслы чрезъ Царя Католика распространить ученіе Рима въ Россіи съ выгодами для проповѣдниковъ, опасеніе потери удобствъ къ тому, когда Владиславъ приметъ догматы нашей церкви.

Подъ вліяніемъ столь многихъ причинъ, трудно было политикѣ, даже болѣе дальновидной, чѣмъ была она при дворѣ Сигизмунда, согласить съ своими видами пользу Россіи. Не легко было остановить умъ и волю на одной какой либо мысли, при колебаніи же, новыя произшествія, какъ плоды незрѣлаго совѣта, или какъ случаи, ускользнувшіе вовсе отъ ограниченной мудрости человѣческой, слѣдуя одно за другимъ въ связи и отдѣльно, умножали препоны для сближенія видовъ.

Польская вольница, пришедшая въ Россію для добычи, не хотѣла повиноваться условіямъ, отнимавшимъ у нея средства въ обогащенію и мотовству. Въ станъ Сигизмунда прибывали ежедневно Русскіе искатели милостей. Король отъ одного своего имени, какъ бы онъ, а не сынъ его былъ Царемъ Россіи, присылалъ повелѣнія Московской Думѣ о раздачѣ почестей, денегъ и помѣстій. Въ повелѣніяхъ онъ называлъ Владислава не Царемъ, а своимъ сыномъ Королеви-

чемъ, Бояръ же Московскихъ именовалъ просто *нашими*. Дума исполняла Королевскія предписанія, а между тѣмъ по угодливости нѣсколькихъ ея Членовъ и вѣроятно по домогательству Гетмана, пригласила послѣдняго, чтобы онъ ввелъ своихъ воиновъ въ нашу столицу. Поставлены предлогомъ опасеніе происковъ Самозванца, перемѣнчивость народа.

Въ тоже время Король требовалъ, чтобы мѣстныя Начальства сдали ему Смоленскую крѣпость. На требованіе полученъ отказъ. Польскіе Вельможи начали и вели переговоры съ нашимъ Посольствомъ болѣе о Смоленскѣ, чѣмъ о главномъ предметѣ—Владиславѣ. Паны утверждали, что прежде нежели Король отпуститъ сына въ Москву, нужно *самому ему идти съ своею арміею во внутреннія области* русскія, успокоить Государство отъ мятежей, истребить Самозванца, города, признавшіе власть его, обратить къ порядку; что нельзя начать этого похода, оставя за собою крѣпость Смоленскую и сообщенія необезпеченными; что для того и для чести Короля необходимо или ввести его воиновъ въ Смоленскъ или взять присягу съ охраннаго войска и жителей города не на имя одного Владислава, на которое соглашались они сами произнести ее, но на имя Сигизмунда и его сына вмѣстѣ, и тѣмъ еще болѣе, что Смоленскія Власти дозволяли себѣ сношенія съ Самозванцемъ; что сверхъ того нужно опредѣлительно назначить капиталы на вознагражденіе Короля за военныя издержки и на платежи найма или жалованья ратнымъ людямъ Лит-

вы и Польши, вошедшимъ въ Россію, не исключая даже вольницы, пришедшей къ Самозванцу: поелику безъ денежныхъ выдачь нельзя наклонить ее къ повиновенію и возврату въ отечество.

Посламъ въ предварительномъ наказѣ отъ Боярской Думы предписано было настаивать въ одномъ исполненіи условій Гетмана и поставить при переговорахъ на видъ сперва то, что Король началъ дѣйствія не по предварительному призыву и договорамъ о вознагражденіяхъ, что назначеніе платы вольницѣ обидно для народа, который видѣлъ одни ея грабежи; по томъ же въ случаѣ не уваженія къ этимъ доводамъ объявить, что при настоявшемъ разстройствѣ Государства, вознагражденія лучше опредѣлены быть могутъ въ то время, когда прибытіе Владислава возвратитъ порядокъ: поелику соглашеніями Государей и взаимнымъ ихъ доброжелательствомъ легче рѣшить вопросы, подлежавшіе двусмысленнымъ объясненіямъ. Что касается до Смоленска, то Послы ссылаясь на условія и наказъ, отозвались, что они не могутъ принять на свою отвѣтственность того, чего имъ не дозволено; что самые жители города не послушаютъ ихъ внушеній, коль скоро увидятъ въ нихъ несходство съ предписаніями Боярской Думы; что впрочемъ они ручаются своими душами за благонадежность и законность поведенія Смольянъ и просятъ о скорѣйшемъ отправленіи Владислава въ Москву, *дабы нашедши не потерять*.

За такими объясненіями послѣдовали жаркіе споры, угрозы Пановъ, намѣки о бѣдствіяхъ, немину-

емыхъ при взятіи города силой. Послы имѣли тайное и небезосновательное опасеніе, что лишь дозволено будетъ Литовцамъ занять Смоленскую крѣпость, какъ этотъ городъ, старинное достояніе Россіи, отторгнутое отъ нея при Татарахъ Литвою, и потомъ за сто почти лѣтъ до наставшаго вопроса присоединенное къ прежнему отечеству, будетъ навсегда для него потерянъ, какъ предметъ, представлявшій споры о правѣ и бывшій нерѣдко цѣлію домогательствъ Польши въ прежнее время. Имъ сверхъ того на спросъ, какое число воиновъ предполагается ввести въ крѣпость, необъявлено этого числа, но данъ отзывъ уклончивый *.

Слыша угрозы, видя военныя приготовленія къ приступу, Посольство представляло, что кровопролитіе здѣсь произведетъ по цѣлой Россіи великія сомнѣнія и скорбь. Оно просило, чтобы Король по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней отложилъ исполненіе своего намѣренія, дабы можно было снестись съ Думою о новыхъ наказахъ и уполномочіяхъ.

Даже въ этой просьбѣ послѣдовалъ отказъ. Загремѣла пальба изъ осадныхъ орудій по крѣпости, взорванъ подкопъ, обрушившій одну городскую башню и часть стѣны, войска пошли на приступъ, но послѣ жаркаго дѣла отбиты съ урономъ.

Въ самый день приступа (21 Ноября 1610) Король послалъ грамоту Московской Думѣ.—Описывая

* Переговоры съ Послами заимствованы здѣсь преимущественно изъ донесенія ихъ Думѣ. См. N 201 и 215 т. 2 С. Г. Г и Д.

въ ней безуспѣшность переговоровъ, свои предположенія успокоить сперва Россію, потомъ предложить Сейму объ условіяхъ Гетмана и отправленіи Владислава въ Москву, Король присовокупилъ, что прежде всѣхъ этихъ мѣръ необходимо занять Смоленскъ его войсками; что впрочемъ доселѣ (до отправленія грамоты) *условія Гетмана исполняются, по городу не производится пальбы, не было приступовъ* *.

Неудача оружія побудила Сигизмунда и его Пановъ дать Посламъ нашимъ дозволеніе снестись съ Думою о новыхъ наказахъ.

Тутъ Послы описали ходъ переговоровъ, свои старанія отвратить кровопролитіе, безуспѣшность усилій, порядокъ приступа и конецъ его **.

Ходъ переговоровъ подъ Смоленскомъ имѣлъ сильное вліяніе сперва на судьбу Посольства, потомъ на событія цѣлой Россіи.

Дворяне и духовные сановники Посольства понимали, что отъ настойчивости и наглости Пановъ, отъ твердости нашихъ Пословъ, нечего другаго ждать, кромѣ бѣдственной участи послѣднимъ *** и тѣмъ, кои при нихъ служатъ.

---

* Грамота отъ 21 Ноября 1610 N 214. С. Г. Г и Д. Т. 2.

** Грамота отъ Ноября 1610 N 215, тамже.

*** Опасенія оказались весьма справедливыми. Сигизмундъ сперва жаловался Думѣ на Пословъ, потомъ отослалъ ихъ подъ стражею въ Польшу, гдѣ они томились въ заключеніи около 9 лѣтъ.

По чувствованіямъ, какія возбуждаетъ сторонняя несправедливость, привязанность къ родинѣ и забота о самоохраненіи, одинъ изъ значительныхъ сановниковъ Посольства Думный Дворянинъ Василій Борисовичь Сукинъ сталъ хитрить, сближаться съ Польскимъ Канцлеромъ, дабы съ его помощію получить дозволеніе возвратиться домой. Тщетно Митрополитъ и Князь Голицынъ напоминали ему о долгѣ не оставлять того мѣста, на коемъ великое дѣло отечества требовало его трудовъ. Онъ уклонялся отъ искреннихъ объясненій съ своими Начальниками и получилъ отъ Сигизмунда повелѣніе отвезти въ Москву грамоту его съ обнадеживаніемъ о скоромъ прибытіи Владислава *.

Въ одно время съ Сукинымъ сталъ проситься домой Келарь Аврамій Палицынъ. Онъ сказался больнымъ, чтобъ избѣжать объясненій съ Митрополитомъ о причинахъ своей просьбы.

Примѣру Сукина и Палицына послѣдовала почти половина свиты Посольской. Напрасно Митрополитъ и Князь представляли Панамъ, что возвращеніе сановниковъ свиты ихъ во внутреннія области можетъ вмѣсто пользы дѣлу произвести одни новыя замѣшательства.

Паны пріемля просьбы объ отъѣздѣ за знакъ разномыслія чиновниковъ съ тѣмъ ихъ Начальствомъ, коего твердостію сами они были недовольны, не уважили ни возраженій Пословъ, ни напоминаній,

* Королевская грамота 23 Декабря 1610 N 216 Т. 2. С. Г. Г и Д.

что увольненіе отъ мѣстъ принадлежитъ тойже власти, которая опредѣляла къ нимъ, или по крайней мѣрѣ ближайшему начальству.

Пропуски даны *, и тѣ политики, которые ихъ подписывали, конечно не думали, что они скоро должны будутъ подписывать приговоръ о конфискаціи имущества Сукина за дѣйствія противу Литвы **, что возвращеніе старца Келаря Аврамія въ его обитель будетъ имѣть великія послѣдствія для трехъ Державъ.

Когда пришли въ Москву вѣсти о Смоленскомъ приступѣ и Дума получила грамоты Сигизмунда и Посольства о новыхъ полномочіяхъ, переговоры же сдѣлались отчасти извѣстными, неминуемо долженствовало произойти разномысліе между Членами Думы и зловѣщія толкованія въ столицѣ.

Члены, Бояре, Князь Андрей Васильевичь Голицынъ, братъ Посла, и Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій не раздѣляли мнѣнія своихъ товарищей о нуждѣ въ новыхъ полномочіяхъ; споры до

---

* Келарю Аврамію пропускъ выданъ 18 Декабря 1610, какъ видно изъ списка грамотъ N 218 т. 2. С. Г. Г. и Д. л. 466.

** Грамота Короля отъ 26 Августа 1611 N 270, гдѣ Сигизмундъ называетъ Сукина своимъ измѣнникомъ л. 570 т. 2. С. Г. Г. и Д. Сукину приписывали измѣну противу Отечества: Никоновская лѣтопись (т. 8, стр. 148), Голиковъ (допол. къ дѣяніямъ Петра Великаго т. 2). — Карамзинъ (л. 274 т. 12) приписываетъ Сукину оглашеніе въ Россіи вѣроломства Ляховъ. Но грамота Короля служитъ лучшимъ оправданіемъ памяти Сукина. Тамъ сказано, что Сукинъ *уѣхалъ къ его измѣнникамъ.*

того разгорячились, что Дума, управляемая совѣтами Польскими, рѣшилась двухъ Членовъ, несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, отдать подъ стражу. Князь Голицынъ и подъ стражею не подписалъ грамоты о полномочіяхъ, но что всего важнѣе Патріархъ Ермогенъ отказалъ также въ своей подписи.

Замѣтя въ грамотахъ внушеніе Посламъ и Смоленскимъ Начальствамъ *слушать воли Короля, какъ подданнымъ* *, и дать ему присягу отъ города, Патріархъ отозвался, что эта безусловная покорность и присяга равносильны признанію Государемъ Россіи самаго Сигизмунда, а не Владислава.

Окольничій Салтыковъ стараясь поколебать рѣшимость Первосвятителя и доказывая ему пользу дать благословеніе народу на присягу Сигизмунду, раскрылъ нечувствительнымъ, но еще болѣе яснымъ образомъ новыя намѣренія, требовавшія и новыхъ осторожнѣйшихъ размышленій.

Для совѣщаній о столь важномъ предметѣ, явились на другой день къ Патріарху не одинъ уже Салтыковъ, но также и первый Членъ Думы Князь Мстиславскій. Произошелъ споръ и до того разгорячился, что Окольничій схватилъ ножъ и хотѣлъ зарѣзать Патріарха **.

---

* Эти выраженія видны изъ другой грамоты, посланной Думою къ Королю въ Іюнѣ 1611 л. 551 т. 2. С. Г. Г. и Д. Тамъ говорится, что было прежде писано.

** Событіе, здѣсь описанное, смѣшано Никоновскою лѣтописью (стр. 152 т. 8) и новѣйшими историками (Карам-

На тотъ разъ до убійства не дошло. Салтыковъ осыпалъ только ругательствами Первосвятителя, съ нимъ несогласнаго, грамоты же посланы за подписью однихъ согласныхъ Бояръ. Это происшествіе долженствовало поселить въ старцѣ Ермогенѣ большія безпокойства.

Самымъ естественнымъ образомъ приходили на мысль: медленность Короля въ утвержденіи условій Гетмана, предположеніе идти самому во внутренность Россіи съ большимъ войскомъ, отлагательства въ отправленіи Владислава на царство, вступленіе Гетмана въ Москву вмѣсто похода противъ Самозванца, приступъ къ Смоленску, настойчивыя требованія присяги отъ этого города на имя Сигизмунда, указы Думѣ отъ одного Королевскаго имени, именованіе въ нихъ Московскихъ Бояръ нашими, а Владислава не Царемъ, но Королевичемъ.

Совокупное припамятованіе такихъ предметовъ указывало, что Сигизмундъ мыслитъ о царствѣ лично для себя, между тѣмъ какъ покорность Московскихъ Бояръ его велѣніямъ и споры о грамотахъ открывали, что и между высшими сановниками нашими находятся помощники Королевскому замыслу.

зина Ист. Рос. Госуд. т. XII стр. 279) съ другимъ случаемъ, при коемъ требовалось увѣщаній Патріарха Ляпунову чтобы подчинился Думѣ. Возстаніе Ляпунова сдѣлалось извѣстно Думѣ не прежде Января 1611 (см. N 223 т. 2. Соб. Г. Г. и Д.) Споръ Патріарха съ Салтыковымъ и покушеніе послѣдняго происходили въ пятницу и субботу предъ Николинымъ днемъ, т. е. предъ 6 Декабря 1610. Это ясно видно изъ другой грамоты N 224, т. 2. С. Г. Г. и Д.

Отсюда возникалъ самъ собою вопросъ, могъ ли успѣхъ подобнаго замысла доставить благоденствіе Россіи.

Современныя событія Литвы и понятіе о свойствахъ Сигизмунда должны были рѣшить этотъ вопросъ. Въ Россіи было извѣстно, что преданность Сигизмунда ученію Рима и притѣсненіе совѣсти Лютеранъ лишили его наслѣдственнаго престола въ Швеціи, мѣста же при нашей западной границѣ наполнили угнетеніемъ Православію, громкими жалобами, сѣменами вражды и близкихъ мятежей.

Къ опасеніямъ за вѣру присоединялась мысль, что Гетманъ, какъ показывало отнесеніе нѣсколькихъ условій къ особымъ переговорамъ, заключилъ прочія по волѣ самаго Короля; что отказъ въ исполненіи постановленныхъ условій, особенно же дѣйствованіе въ явную противность многимъ изъ нихъ, есть или нарушеніе клятвы, которую давалъ полномочный Гетманъ или доказательство предварительнаго расчета, скрытность коего не служитъ предзнаменованіемъ добра для Россіи. Чего же добраго ждать въ послѣдствіи для нашей вѣры и церкви отъ людей, причинившихъ гоненія Православію въ другихъ мѣстахъ, и показавшихъ заранѣе личными оскорбленіями Первосвятителю крайній и опасный развратъ своихъ мыслей; чего ждать Государству отъ чужеземнаго властелина, отвергнутаго собственнымъ своимъ отечествомъ Швеціею, обнаружившаго предъ Россіею даже прежде полнаго успѣха въ первыхъ начинаніяхъ коварство, вѣ-

роломство и посягательство на права собственной своей крови?

Въ жестокомъ волненіи духа, Патріархъ рѣшился открыть жителямъ столицы споръ свой съ Салтыковымъ и намѣренія Короля быть Государемъ Россіи. Граждане приглашены въ Кремлевскій Успѣнскій соборъ. Отряды Литовской конницы расположились на площади у храма въ полномъ вооруженіи, но не препятствовали никому идти въ церковь, бывъ вѣроятно поставлены или для внушенія страха, или на случай мятежа. Тишина не была нарушена. Выслушавъ рѣчи Патріарха, граждане отозвались, что присяга Сигизмунду невозможна.

Послѣ совѣщанія, открывшаго мысли высшей духовной особы въ Государствѣ, новыя событія долженствовали ослабить или усилить несогласія Первосвятителя съ Думой.

Въ Москву на святкахъ пришла грамота Сигизмунда, коею положительно объявлена воля его отдать Владислава Россіи; обѣщано, что новый Царь не замедлитъ прибытіемъ въ Столицу, но ни слова не сказано перемѣнитъ ли свою вѣру на нашу и когда именно будетъ въ Москвѣ *.

Сколь ни мало надеждъ и довѣренности внушала подобная грамота, за всѣмъ тѣмъ Дума и самъ Патріархъ пріемля ее за начало къ сближенію видовъ, благодарили Короля за обѣщаніе, изъявляли

* Грамота отъ 23 Декабря 1610 N 214 т. 2. С. Г. Г и Д.

радость о близкомъ совершеніи своихъ обѣтовъ; но не скрывали и скорби, что народъ Русскій долго не видитъ своего Монарха. Прибавлено, что *такова времени продолжительнаго и тягостнаго* они болѣе терпѣть не могутъ *.

Съ грамотою Короля прибыло нѣсколько чиновниковъ посольства нашего изъ подъ Смоленска, стали пріѣзжать и другіе ихъ Товарищи, отпущенные Панами; а съ возвратомъ подобныхъ лицъ были неизбѣжны: разсказы о подробностяхъ переговоровъ, менѣе скромные, чѣмъ были они *въ письменныхъ донесеніяхъ* Пословъ; изустная передача примѣчаній о наглости Польскихъ Вельможъ, объ угрозахъ, о маломъ уваженіи къ условіямъ Гетмана, о тайныхъ намѣреніяхъ, при объясненіи коихъ намеки, догадки и выводы столь нерѣдко выдаются за истины.

Къ огню, которымъ начали воспламеняться умы народа, всегда недовѣрчиваго къ чужеземцамъ, скоро прибавились новыя горючія вещества.

Посольство и Смоленскіе жители получа отъ Думы грамоты, неподписанныя Патріархомъ, нашли ихъ неравносильными съ тѣми повелѣніями, которыя даны имъ отъ имени всѣхъ Государственныхъ сословій. Городъ не сдавался, между тѣмъ получено вѣрное извѣстіе, что вторый Лжедимитрій убитъ 11 Декабря близь Калуги. Это происшествіе вовсе

---

* Грамота отъ 23 Декабря 1610 N 215 т. 2. С. Г. Г. и Д.

уничтожало и нужду и предлогъ къ походу Короля во внутренность Россіи, къ требованіямъ сдачи или присяги Смоленска, къ пребыванію въ Москвѣ того Литовскаго корпуса, который вошелъ туда съ Жолкевскимъ.

При новыхъ свиданіяхъ нашихъ Пословъ съ Вельможными Панами, тотчасъ выражено первыми измѣненіе нуждъ, и тутъ къ крайнему изумленію они услышали повтореніе прежнихъ требованій, а громъ осадныхъ орудій выражалъ еще сильнѣе, что на Смоленскъ смотрятъ Ляхи не такъ, какъ должны смотрѣть на принадлежность союзной земли, на достояніе сына ихъ Государю.

Вѣсти о дѣлахъ у Смоленска достигали съ быстротою до Москвы, между тѣмъ два новыя лица обратили на себя невыгодное вниманіе Руской Столицы.—Жолкевскій, снискавшій доброе расположеніе нашихъ и Вельможъ и самаго Патріарха, отправляясь къ своему Двору, сдалъ военное Начальство свое Литовскому Рафферендаарю Пану Госевскому. Этотъ сановникъ былъ памятенъ Москвѣ по недавнему посольству къ Отрепьеву и Царю Василію, по спорамъ и рѣзкимъ словамъ, на которыя былъ онъ довольно щедръ при совѣщаніяхъ съ рускими Вельможами. Такія воспоминанія не могли возбуждать довѣренности къ преемнику Гетмана.

Другое лицо былъ Московскій житель, нѣкогда купецъ Федоръ Андроновъ, опредѣленный отъ Сигизмунда Государственнымъ Казначеемъ или сборщикомъ податей, получившій тогдаже высокій санъ

Боярина. Сограждане знали этого человѣка съ невыгодной стороны; когдаже поручены ему взысканія казенныхъ сборовъ, отсылка одной части ихъ въ Литву, отпуски другой на жалованье иноземному войску: эти дѣйствія возбуждали сильнѣйшую ненависть къ лицу, и безъ того подозрительному. Имя Андронова осыпаемо было проклятіями также какъ имя Окольничаго Салтыкова послѣ ссоры послѣдняго съ Патріархомъ.

Не видя прибытія Владислава въ Россію, страшась умысла иностранцовъ и ихъ приверженцовъ, Патріархъ, ветхій лѣтами, сильный чуствомъ долга къ вѣрѣ и отечеству, вошелъ въ сношенія съ знаменитѣйшимъ изъ своихъ единоземцевъ Прокопіемъ Ляпуновымъ, просилъ, чтобы мужъ ума и силы подалъ помощь родной землѣ, не попускалъ зломыслію положить ненавистное иго на цѣлое Государство.

Слова Первосвятителя, высокаго по сану, благочестію и чистотѣ души, нашли отголосокъ въ пылкомъ сердцѣ Ляпунова.

Послѣдній зналъ событія Москвы чрезъ своихъ друзей, дѣла у Смоленска чрезъ брата Захарія, бывшаго при посольствѣ. Захарій умѣлъ сблизиться съ Польскими Вельможами, пировалъ съ ними и при обильныхъ возліяніяхъ, которыя любило тогдашнее время, доводилъ ихъ до откровенности, охраняя свою.

При наступленіи второй половины Января 1611 года вдругъ получены въ Столицѣ вѣсти, что въ Переславлѣ и другихъ Рязанскихъ городахъ, поко-

рившихся имени Владислава, присяга забыта, Прокопій Ляпуновъ отложась отъ Правительства, увлекъ многихъ дворянъ и другихъ жителей къ единомыслію съ собою, разослалъ приглашенія къ соучастію въ иныя области, захватилъ казенные сборы хлѣбные и денежные, послалъ Казацкаго Атамана Заруцкаго для овладѣнія Тулою. *

Въ одно время съ вѣстями о Ляпуновѣ, прислана въ Москву грамота отъ имени жителей Смоленской области съ приглашеніемъ къ возстанію противу Ляховъ. **

Въ этой грамотѣ между прочимъ сказано «во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, коими Ляхи завладѣли, несчастные жители видятъ плѣнъ и явную гибель. Не вездѣли тамъ терпитъ поруганіе православная вѣра, не раззорены-ли Божіи храмы? Гдѣ наши головы, гдѣ жены, дѣти, братья и други? Не осталось-ли изъ нихъ десять отъ тысячи, одинъ отъ сотни и то съ одною душею и бѣднымъ тѣломъ? Нѣтъ жалости отъ иноземцовъ, нѣтъ пощады. Тѣ, кто милостынею собралъ деньги на выкупъ изъ плѣна матери, жены, дѣтей, ходили въ Литву и потеряли, что собрали. Они ограблены. Земля наша погибаетъ отъ предателей Салтыкова, Андронова и подобныхъ имъ. По убіеніи Самозванца радовались, что настало время требовать выхода всѣхъ Ляховъ и Литовцевъ

---

* Грамота Московскихъ Бояръ къ Сигизмунду отъ Января 1611 N 223. т. 2. С. Г. Г. и Д.

** Грамота Смольянъ отъ Января 1611 N 226 т. 2. С. Г. Г. и Д.

изъ Государства, требовать исполненія условій, утвержденныхъ клятвою самихъ чужестранцовъ. Начните дѣло своими головами и душами, бросьте страхъ, не смотрите на лесть. Ужель вы думаете другими средствами пріобрѣсти миръ и спокойствіе? Какимъ еще клятвамъ повѣрите? Не думайте, что Владиславъ будетъ у васъ Государемъ: Литва не дастъ, не попуститъ даже и потому, что видитъ у васъ непостоянство. На совѣтахъ ея положено только вывести лучшихъ людей нашихъ и опустоша землю, овладѣть всѣми ея областями. Мы пишемъ лишь то, что подлинно провѣдали.»

Сочинители грамоты не подписали именъ, оговоря, что не сдѣлали того отъ страха смерти; но по слогу, показывающему сильную душу, по свѣденіямъ о событіяхъ, условіяхъ и лицахъ, легко примѣтить, что такая бумага шла отъ кого либо изъ чиновниковъ Посольства. Московская Дума донося Сигизмунду о волненіяхъ, появившихся въ народѣ, указывала особенно на Захарія Ляпунова * и на сношенія его съ братомъ.

Смоленскую грамоту списывали и разсылали по всей Россіи при окружныхъ письмахъ Москвы къ прочимъ городамъ, съ увѣреніемъ, что всѣ слова грамоты суть точныя истины, съ приглашеніемъ, чтобы собирались люди для спасенія Государства. **

* Грамота Думы отъ Января 1611 N 223 т. 2 С. Г. Г. и Д.

** Окружная грамота отъ Января 1611 N 227 т. 2. С. Г. Г. и Д.

Самъ Патріархъ Ермогенъ прислалъ въ Нижній Новгородъ списки съ Смоленской грамоты и съ окружнаго письма Московскаго, приглашая идти поспѣшнѣе къ Столицѣ противу Ляховъ. *

Дума выслала отряды войскъ противу Ляпунова. Отряды разбиты. Зная важность Патріарха, подозрѣвая его участіе въ народныхъ движеніяхъ, Госевскій и Дума требовали, чтобы онъ писалъ къ Ляпунову, возпретилъ дальнѣйшія ополченія народа и походъ ихъ къ Столицѣ.

«Напишу, отвѣтствовалъ Патріархъ, если Владиславъ приметъ нашу вѣру и прибудетъ къ намъ, какъ законный Государь, иначе благословляю всѣхъ умерѣть за вѣру и отечество.»

Послѣ этого смѣлаго отвѣта отдали Патріарха подъ стражу иностраннымъ воинамъ.

Въ Москвѣ, угрожаемой дѣйствіями Ляпунова, начали принимать мѣры по обстоятельствамъ. Русскихъ военныхъ людей удаляли оттуда подъ разными предлогами, умножены Литовскіе отряды у воротъ и заставъ, отъ жителей отобраны оружіе, свинецъ и порохъ, свезены пушки и снаряды во внутренность Кремля и Китая города **, даже за-

---

* Грамота отъ Февраля N 229 тамъ же.

** Никон. Лѣтоп. т. 8 стр. 151. Грамота отъ Марта 1611. N 241 т. 2. С. Г. Г. и Д. Для тѣхъ, кто не бывалъ въ Москвѣ объясняется, что Кремль и Китай городъ суть внутреннія части Столицы, обнесенныя каменными стѣнами. Въ Кремлѣ соборы и дворецъ, въ Китаѣ гостиный дворъ.

прещено привозить въ Столицу тонкіе дрова, чтобы народъ не употребилъ ихъ вмѣсто оружія.

Съ этими распоряженіями не легко было согласить вѣрованіе въ ихъ необходимость. Большинству населенія представляли они въ блюстителяхъ спокойствія злоумышленниковъ, въ Москвѣ плѣнную Столицу, въ Ляхахъ не гостей и союзниковъ, но враговъ тѣмъ болѣе наглыхъ и опасныхъ, что имъ однимъ позволено ходить съ оружіемъ.

Король Сигизмундъ продолжалъ посылать Боярской Думѣ указы отъ своего имени, сыпалъ награды, назначалъ Членовъ въ Приказы, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ высшимъ судебнымъ и исполнительнымъ управленіямъ.

Тутъ неправильность или несообразность съ порядкомъ и временемъ представляли постыдную расточительность чужаго имущества, наглое злоупотребленіе, подкупъ къ измѣнѣ, плату за преступныя услуги иностранцамъ.

Подобными дѣйствіями, особенно взятіемъ подъ стражу Патріарха, свято чтимаго народомъ,—ненависть получала убѣжденіе въ справедливости.

Чувства Столицы безпрестанно сообщались другимъ городамъ. Появились всюду приглашенія къ единомыслію, къ оружію, народъ сбирался въ густыя толпы, требовались боевые припасы, отыскивались и предводители, войска же Ляпунова получили новую силу отъ самой гибели втораго Лжедимитрія.

Вдова Самозванца Марина, лишь убитъ ея мужъ, объявила о своей беременности и немедленно родила или нашла себѣ сына, давъ ему имя Ивана Димитріевича. Жители Калуги присягнули младенцу, какъ потомку Царей, но Московская Дума прислала къ нимъ увѣщанія, присяга забыта, дана другая Владиславу.

Тутъ послѣдователи Лжедимитрія страшась Владислава и Думы, пристали къ Ляпунову. Важнѣйшіе между ими были Князь Димитрій Тимофѣевичь Трубецкой, получившій Боярство въ Тушинѣ и имѣвшій большія связи, да казацкій атаманъ Заруцкій, о коемъ сказано выше.

Сверхъ того по грамотамъ Вождя народныхъ ополченій, по его славѣ и цѣли, многіе начальники и простые воины, служившіе прежде Царю Василію, собрались къ знаменамъ, поднятымъ по благословенію Патріарха на защиту родины, обѣщавшимъ честь и безопасность. Въ числѣ лицъ этого разряда былъ Стольникъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, дѣла коего ниже описаны въ подробности.

Съ увеличеніемъ войска, Ляпуновъ приближалъ его къ Москвѣ. Столица слышала объ его успѣхахъ и не скрывала болѣе недоброжелательства къ Ляхамъ. При встрѣчахъ съ ними обыватели принимали суровый видъ, при продажахъ купцы требовали двойной цѣны, въ спорахъ вылетали зловѣщіе намеки, слова оканчивались боемъ.

Для обезпеченія безопасности и видовъ на Россію, Госевскій искалъ предлога или случая захватить подъ ближайшій надзоръ свой тѣхъ обывателей Москвы, которые по роду и качествамъ, имѣли вліяніе на умы другихъ *. Въ этомъ намѣреніи внушались Ляхамъ смиреніе и кротость.

Людямъ, наглымъ отъ привычки къ своевольствамъ родины, отъ успѣховъ послѣдняго времени, доступны были не совѣты благоразумія, но порывы гнѣва и мести. Они не вѣрили и можетъ быть имѣли причину не вѣрить чистосердечію Намѣстника.

Во вторникъ страстной недѣли (19 Марта 1611) отряды, или какъ говоритъ лѣтопись, роты Ляховъ пошли по городскимъ площадямъ. У гостинаго (торговаго) ряда въ Китаѣ начался громкій крикъ, послышался стукъ оружія. Ляхи рѣзали купцовъ, грабили лавки, народъ бросился къ другимъ частямъ Столицы, его гнали и рубили. У дома Князя Андрея Васильевича Голицына выломлены затворы, бояринъ несогласный съ приверженцами Польской стороны, убитъ. Между тѣмъ за стѣны Китая вышло нѣсколько отрядовъ Литовскихъ. Одинъ отрядъ началъ убійства по Тверской улицѣ, дошелъ до стрѣлецкихъ слободъ и тамъ остановленъ. Другой отрядъ слѣдовалъ на Срѣтенскую улицу. Здѣсь былъ домъ Князя Пожарскаго, сподвижника Ляпунову. На ту пору Князь былъ въ

---

* Грамота 1613 г. N 203 л. 610 и 611 т. 1. С. Г. Г. и Д.

Москвѣ по порученію Ляпунова или по слухамъ о близкой бѣдѣ.—Успѣвши при началѣ тревоги привлечь на свою сторону пушкарей, онъ встрѣтилъ чужестранцевъ свинцомъ и желѣзомъ. Бой не былъ продолжителенъ. Ляхи прогнаны за стѣны Китая; для возпрепятствованія возврату ихъ поставлено наскоро укрѣпленіе у Введенскихъ воротъ. Такой же отпоръ нашли грабители близь рѣки Яузы и въ Замоскворѣчьѣ. Тамъ стояли Воеводы Бутурлинъ и Колтовскій, но битва уже кипѣла и по другимъ мѣстамъ на улицахъ Никитской, Чертольской, Арбатской и Знаменской.

Набатъ загремѣлъ по всей Столицѣ. Народъ сбѣгался отвсюду съ топорами и такимъ оружіемъ, какое оставалось еще у города, лишеннаго средствъ къ лучшей оборонѣ. Къ Полякамъ прибыли свѣжіе отряды, на сторонѣ ихъ было преимущество оружія и искуства; на сторонѣ жителей несмѣтное превосходство числа. Уже послѣднее начинало одерживать поверхность, какъ вдругъ перемѣнился ходъ битвы. Бояринъ Михайло Салтыковъ, тотъ самый, который прежде покушался на жизнь Патріарха, первый зажегъ свой домъ. Пожаръ вспыхнулъ въ двухъ другихъ мѣстахъ Бѣлаго или Каменнаго города и хотя истребилъ на тотъ разъ не много зданій *, однако былъ сильнымъ пособіемъ Ляхамъ. Жители бросились гасить огонь, спасать семейства

* Лѣтописи означаютъ, что 19 Марта 1611 сгорѣли только линіи домовъ отъ Калужскихъ воротъ до Покровки и отъ Чертольскихъ воротъ до Тверской улицы.

и имущества, противники ихъ тѣмъ воспользовались, наступленіе ночи освѣщаемой пожарами, не прекратило убійствъ. Ни сѣдины старцевъ, ни возрастъ юношей, ни невинность младенцевъ, ни красота женъ и дѣвицъ не спасали отъ безжалостной смерти. Всюду громкіе вопли, рыданія и стоны разносились по воздуху, отголоски ихъ вторились по окрестнымъ горамъ *. Погибло множество людей **. Трупы у гостинаго ряда и по улицамъ лежали стѣнами въ ростъ человѣческій. Къ разсвѣту новаго дня престало побоище. Нуженъ былъ отдыхъ для утомленныхъ рукъ, время для грабежа въ богатомъ торговомъ ряду, для захвата знатнѣйшихъ гражданъ и передачи ихъ Намѣстнику залогомъ будущаго спокойствія Россіи.

Въ часы ужаса, преступленій и несчастій, Боярская Дума, еще носившая имя Правительства, имѣла причины жалѣть о бѣдствіяхъ и страшиться успѣха согражданъ. Волнуемые чувствами противуположными, почти равносильными, не имѣя ни вещественныхъ способовъ, ни дарованій, необходимыхъ на время трудное и опасное, Члены Думы ходили взадъ и впередъ по Кремлю, какъ зрители печальнаго обряда, какъ призраки.

---

* Грамота N 202 л. 610 т. 1. С. Г. Г. и Д.; Никон. Лѣт. т. 8 стр. 152; лѣт. о мят. стр. 211.

** Такъ сказано въ лѣтописяхъ нашихъ; число убитыхъ не означено тамъ положительно, по словамъ же иностранныхъ историковъ оно было—по нѣкоторымъ, 60,000, по другимъ 100,000 человѣкъ.

Но при бездѣйствіи тѣхъ, кому ввѣрена была жизнь другихъ,—люди преданные или проданные Сигизмунду, почитая свои связи съ отечествомъ навсегда разторгнутыми, толпились около Госевскаго и ночью составили съ нимъ Совѣтъ, какъ бы другое Правительство. Салтыкову и Андронову, получившимъ барство не отъ своего законнаго Монарха, также лицамъ, раздѣлявшимъ ихъ мысли, дѣла и выгоды, не могли быть неизвѣстными общая ненависть Россіи, оглашеніе въ измѣнѣ по граматамъ, всюду разосланнымъ.

Съ сердцемъ, ожесточеннымъ страстями, съ совѣстію, обманутою другими, или обманывавшею саму себя, преступники, можетъ быть прежде мнимые, но послѣ злымъ рокомъ превращенные въ дѣйствительныхъ, они не предусматривали другой себѣ подпоры, кромѣ власти иностранцовъ; не отыскивали въ бѣдной душѣ своей другихъ чувствъ, кромѣ отчаянной угодливости покровителямъ, заботъ объ охраненіи ихъ и своей головы отъ кровавой разплаты съ тѣми людьми, отъ коихъ не было ни малѣйшей надежды на лучшее расположеніе.

При такихъ началахъ поданъ Госевскому совѣтъ разрушить столицу, обратить опасныхъ ея жителей, какіе остались еще на глазахъ, въ изгнанниковъ, озаботить ихъ пріискиваніемъ пищи и крова для безпріютныхъ семействъ въ отдаленности отъ мѣста наступавшихъ военныхъ событій, между тѣмъ какъ опору для послѣднихъ, какъ средство для вліянія на будущую судьбу Россіи, сберечь хотя

меньшую, но крѣпчайшую часть Москвы Кремль и Китай съ ихъ башнями, бойницами и стѣнами.

Совѣтъ, обѣщавшій новую пищу мести и жадности къ грабежу, принятъ. Послѣ бѣдственнаго дня и ужасной ночи, назначено первое утро для другихъ ужасовъ и бѣдствій.

Еще жители Столицы, особенно тѣ, которые потеряли родныхъ въ часы убійства, не думали о снѣ. Съ безпокойствомъ отыскивали они дорогую свою потерю, со слезами находили ее между трупами, окликали тѣхъ, кто еще не найденъ и не отвѣтствовалъ призыву, погруженный въ безмолвіе смерти. Настало утро весеннее, но холодное. Небо съ снѣжными облаками имѣло угрюмый видъ; разнесся слухъ о помощи, которой тщетно ждала Столица въ предшедшіе часы. Слухъ оказался вѣрнымъ. Посланный отъ Ляпунова Воевода Плещеевъ прибылъ съ своею дружиною. Блеснула надежда печальному городу,—но и тутъ краткій блескъ ея послужилъ только къ тому, чтобы горесть уступила свое мѣсто отчаянію. — Въ одно время съ Плещеевымъ пришелъ со стороны Можайска Литовскій отрядъ съ Полковникомъ своимъ Струсомъ. Тотъ часъ завязалась битва между новыми противниками. Плещеевъ обратился въ бѣгство, Струсъ присоединился къ своимъ. Тогда же Госевскій поставя пѣхоту и конницу въ стройные ряды, послалъ ее за стѣны Кремля и Китая. Вдругъ по разнымъ мѣстамъ обреченной Столицы зажжены чужестранными воинами церкви, монастыри, деревянные до-

мы. Поднялся вѣтеръ и разнесъ огонь. Злополучные жители не думали болѣе ни о личной защитѣ, ни о домахъ, ни о спасеніи другаго имущества. Задыхаясь отъ дыму въ тѣсныхъ улицахъ, отцы и матери съ дѣтьми у рукъ и грудей бѣжали отъ города, какъ отъ бурнаго пламеннаго моря, готоваго поглотить ихъ. Пошелъ снѣгъ и холодъ умножалъ страданія бѣгущихъ отъ огня. Только Князь Пожарскій съ своею дружиною ставъ близь укрѣпленія, построеннаго наканунѣ, встрѣтилъ зажигателей своимъ огнемъ, и не давалъ имъ въ той сторонѣ исполнять своего пагубнаго порученія. Усилія Князя продолжались съ успѣхомъ цѣлый день и часть ночи, доколѣ покрытый ранами не палъ онъ въ изнеможеніи на землю. Вѣрные сподвижники вырвали вождя своего изъ челюстей смерти и отвезли въ Троицкую Сергіеву обитель. Тамъ поданы язвеннику другія пособія и онъ могъ свести ближайшее знакомство съ настоятелемъ монастыря Архимандритомъ Діонисіемъ, причисленнымъ послѣ церковію къ лику святыхъ за добродѣтели,— и съ Келаремъ Авраміемъ Полицынымъ. Настоятель и Келарь питали тѣже чувства къ отечеству, которыми одушевленъ былъ защитникъ Москвы.

ГЛАВА II.

Первые лѣта жизни и службы Князя Пожарскаго. Защита Москвы противъ убійцъ и зажигателей почтена за измѣну. Новыя бѣдствія Россіи.

Дабы не прерывать разсказа о великихъ событіяхъ, въ коихъ небо предназначило участіе Князю Пожарскому, здѣсь помѣщено обозрѣніе прежней жизни этого мужа въ томъ же краткомъ обьемѣ, какъ сдѣланъ очеркъ о Мининѣ и Полицынѣ.

Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, отдаленный потомокъ Всеволода III *, отъ младшей его вѣтви, удѣльныхъ Князей Стародубскихъ, родился въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія, когда удѣльная система у насъ престала уже существовать и потомство старинныхъ владѣтельныхъ домовъ занимало высшія мѣста въ службѣ Государя Москвы и всей тогдашней Россіи. Ни изъ лѣтописей, ни изъ другихъ бумагъ не видно, какую именно службу отправлялъ родитель Князя и когда онъ скончался, извѣстно только, что сыну его достались послѣ отца два помѣстья волости Пурецкая въ 120 верстахъ отъ Нижняго Новагорода и Ландехская **,

* Всеволодъ III сынъ Юрія Владимировича Долгорукаго, братъ и Наслѣдникъ Андрея Боголюбскаго, дѣдъ Александра Невскаго, былъ Великимъ Княземъ Владимирскимъ въ исходѣ XII и началѣ XIII столѣтія не задолго до нашествія Татаръ на Россію.

** Это помѣстье пожаловано въ послѣдствіи Князю въ потомственное владѣніе, или по тогдашнимъ выраженіямъ, обращено въ вотчину.

состоящая въ нынѣшнемъ Гороховскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи. Въ селѣ Ландехъ показываются доселѣ развалины дома, въ коемъ живалъ Князь Дмитрій Михайловичь.

Съ имуществомъ вещественнымъ Князь получилъ отъ природы умъ возвышенный, дѣльный, но прямой, рѣшительность для предпріятій честныхъ, мужество для ихъ исполненія.

При такихъ запасахъ для жизни, молодой Князь, послѣдуя лицамъ одного съ нимъ званія, вступилъ на службу при Дворѣ Царя Бориса. Тамъ, особенно въ послѣдніе годы жизни Борисовой, было широкое поле доносовъ, хитростей, уклончивости, прибыльная нива для искусныхъ земледѣльцовъ, безплодная и иногда опасная для неискусныхъ. Сличая требованія времени съ природными свойствами Князя легко понять, что на скользкомъ пути его предлежало много испытаній ума и сердца, мало надеждъ, еще меньше успѣховъ. Прямодушный Царедворецъ оставался безъ особыхъ знаковъ вышняго вниманія до самой кончины Бориса. Можетъ быть эта невнимательность, въ свое время досадная, обратилась на пользу Князя, когда на царскій престолъ вступилъ губитель семейства умершаго Вѣнценосца, первый Лжедимитрій. При новомъ Царѣ пожалованъ Князю чинъ Стольника, соотвѣтствующій нынѣшнему званію Камеръ-Юнкера. Далѣе однако нечего было ждать ни отъ службы, которую онъ проходилъ, ни отъ такого Государя,

который достигнувъ трона обманомъ, унижалъ его развратомъ.

Настали бѣдствія при Царѣ Василіи, Князю Пожарскому порученъ военный отрядъ, посланный противъ мятежника Салькова. Сальковъ,—крестьянинъ,—получилъ себѣ извѣстность отвагою дерзкою и счастливою. Онъ съ многолюдными толпами грабителей пресѣкалъ на Коломенской дорогѣ подвозы припасовъ къ Столицѣ, стѣсненной съ другой стороны Тушинскимъ Самозванцемъ; разбилъ незадолго предъ тѣмъ Царскаго Воеводу Князя Масальскаго, другагоже Воеводу Сукина умѣлъ привести въ бездѣйствіе. Когда поискъ ввѣренъ Князю Пожарскому, Сальковъ съ его толпами потерпѣлъ столь великое пораженіе, что едва 30 человѣкъ осталось отъ всѣхъ его сборищъ.

За первымъ успѣхомъ послѣдовало новое порученіе; Князю ввѣрено начальство надъ отрядомъ, высланнымъ противъ Пана Хмѣлевскаго. Послѣдній съ Литовскою вольницею и приставшими къ ней измѣнниками готовился напасть на г. Коломну. Князь упредилъ непріятеля, занялъ городъ, выступилъ далѣе въ походъ, и у села Высоцкаго, въ 30 верстахъ отъ Коломны, напалъ на враговъ своихъ съ рѣшимостію, доставившею ему полную побѣду. Хмѣлевскій потерялъ множество плѣнныхъ, обозы съ запасами и деньгами.

Послѣ Клушинской битвы, во время коей Князь Дмитрій Михайловичь былъ уже не при войскѣ, а находился Воеводою или Градоначальникомъ въ

Зарайскѣ, — явился къ этому городу дворянинъ Федоръ Ляпуновъ и требовалъ присяги Тушинскому Димитрію. — Князь не любилъ шутить клятвами, Ляпуновъ захваченъ и отосланъ въ Москву. Вскорѣ однако мятежъ, какъ прилипчивая болѣзнь, распространился между жителями Зарайска. Они пришли къ своему Градоначальнику, грозили смертію за упорную вѣрность его Царю Василію. Видя невозможность усмирить крамолу силою, Князь удалился съ немногими ратниками въ городскую крѣпость, и какъ по тогдашнему времени, всѣ зажиточные люди укрывали свое имущество и самые запасы хлѣба въ крѣпчайшихъ мѣстахъ; то онъ воспользовался тѣмъ для укрощенія мятежа. Крѣпость заперта, у жителей города не было ни денегъ, ни хлѣба, но великодушный Начальникъ не желалъ несчастія подчиненнымъ. Поцѣловавъ предъ ними крестъ, произнеся обѣтъ служить безъ измѣны Царю Василію или его преемнику, онъ потребовалъ только, чтобы всѣ жители дали подобную присягу. Граждане раскаялись въ своемъ заблужденіи, начали ловить посланцевъ и поборниковъ Лжедимитрія, увлекли даже Коломну къ единомыслію съ собой.

По низложеніи Царя Василія, Князь Димитрій Михайловичь послѣдуя примѣру Москвы, далъ клятву вѣрности Царю Владиславу. Скоро открылось, что условія, на коихъ утверждалась эта вѣрность, не исполняются, и Князь предпочелъ ту сторону, на которой видѣлъ Патріарха съ лучшими людьми. Онъ присоединился къ Ляпунову.

У Ляпунова въ городѣ Пронскѣ было еще немного ратниковъ, между тѣмъ сюда явились Малороссійскіе Казаки, называвшіеся тогда Черкасами, зависѣвшіе отъ Польши. Они посланы были Сигизмундомъ препятствовать народнымъ движеніямъ. Казаки осадили Пронскъ, и Ляпуновъ, главный предводитель ополченій, еще несобранныхъ, былъ въ явной опасности. — Лишь узналъ о томъ К. Пожарскій, какъ полетѣлъ къ своему Начальнику на помощь. — Осада Пронска снята, Казаки отступили къ городу Михайлову, а чрезъ нѣсколько времени обратились къ Зарайску, чтобы овладѣть имъ. Князь бросился на встрѣчу Казаковъ, и они разбитые, пошли къ Украйнѣ.

При походѣ Ляпунова къ Москвѣ, Кн. Пожарскій первый съ своею дружиною вошелъ въ Столицу, сражался съ убійцами и зажигателями на Срѣтенской улицѣ, какъ сказано выше, весь израненъ и увезенъ въ Троицкой Монастырь, откуда переѣхалъ послѣ въ свою Пурецкую волость.

Сблизясь въ Троицкой обители съ Келаремъ, Князь какъ бы рукою таинственной судьбы перенесенъ на время въ отдаленнѣйшее изъ своихъ помѣстій, дабы увидѣть предъ собою другаго человѣка Купца Минина, важнаго не по званію, но по возвышенной душѣ, уму и довѣрію въ своемъ обществѣ. Мининъ являлся въ Пурецкомъ имѣніи, дабы съ его владѣльцомъ оплакивать бѣдствія отечества и вмѣстѣ думать * о способахъ, какъ спасти Госу-

* Ник. Лѣт. т. 8 стр. 175; Грамота N 281 т. 2 С. Г. Г. и Д.

дарство отъ близкой гибели. Какой умъ человѣческій могъ бы угадывать, что инокъ, отрекшійся отъ мира, воинъ, близкій отъ ранъ къ могилѣ, купецъ, занимавшійся мяснымъ торгомъ предпримутъ и совершатъ спасеніе Державы, обширнѣйшей въ мирѣ?

Оборона Москвы въ бою на Срѣтенкѣ почтена тамъ за преступленіе. Одинъ изъ приверженцевъ Литвы Григорій Орловъ просилъ Короля Сигизмунда и его сына, чтобы за вѣрную службу его, *и за измѣну Кн. Дмитрія Пожарскаго, который отъѣхалъ въ воровскіе полки и раненъ сражаясь съ Королевскими войсками, когда мужики измѣнили въ Москвѣ*, отдано б[illegible] просителю помѣстье Пожарскаго село Ланде[illegible] съ деревнями.

Это помѣстье, по предложенію [illegible] приговору Московской Думы, [illegible] просьбѣ Орлова и въ грамотѣ * о томъ *сл[illegible]зя названо или признано измѣной*.

Послѣ такого рѣшенія въ Москвѣ забыли сановника опальнаго, да и прежде извѣстнаго лишь по небольшимъ военнымъ успѣхамъ, слѣдовательно мало отличнаго отъ многихъ. Москвѣ и Россіи было на ту пору слишкомъ много другихъ важнѣйшихъ заботъ.

По зажженіи Столицы отъ иностранныхъ воиновъ, пожаръ продолжался два дни, доколѣ окрестности Кремля и Китая не покрылись грудами пепла. На огромномъ пространствѣ тамъ дымились развали-

* 17 Августа 1611 N 267 т. 2. С. Г. Г- и Д.

надѣясь или не желая найти виновниковъ: ибо не-имѣлъ довольно силы, чтобы наказывать значительныхъ дворянъ и военныхъ людей. Ограничиваясь холоднымъ сожалѣніемъ о событіи, Король въ грамотѣ къ Московской Думѣ благодарилъ ее и обѣщалъ награды за то, что Члены ея *обернули сердца свои къ нему*, повторялъ увѣренія въ постоянномъ доброжелательствѣ къ Россіи, требовалъ, чтобы повсемѣстно внушаема была вѣра къ благотворнымъ его намѣреніямъ, чтобы народъ оставилъ предводителей, нарушившихъ предъ сыномъ его клятву вѣрности и разошелся по домамъ, ожидая смирно прибытія Владислава *.

Дума, окруженная Польскими воинами, не могли сличать увѣреній Короля съ дѣйствіями у Кремля и Смоленска, но Ляпуновъ и его товарищи почитая несчастіе столицы новою, сильною и праведною причиною мести, извѣщали объ немъ окружными письмами всю Россію. Они заключили письма свои тѣмъ, что Король не отпустя Владислава въ Москву, производя приступы къ Смоленску, введя въ нашу столицу своихъ воиновъ, истребивъ ее, захватя многія порубежныя мѣста, подвергнувъ Патріарха бѣдственному заточенію, ограбя казну, отягощая народъ поборами, отправляемыми въ Литву, разрушилъ тѣмъ всю силу договора, постановленнаго съ Гетманомъ Жолкевскимъ. — За это вѣроломство, Предводители ополченій положили не

* Грамота N 255 т. 2. С. Г. Г. и Д. — таже, о коей сказано выше.

признавать ни Сигизмунда, ни Владислава Государями Россіи, избрать Монарха по общему совѣту въ послѣдствіи, между тѣмъ биться на смерть, пока иноземные враги не будутъ изгнаны изъ отечества, хранить единомысліе, защищать другъ друга противу самыхъ покушеній Московской Боярской Думы, состоящей подъ чуждымъ вліяніемъ.—Въ вѣрномъ исполненіи такого обѣта, дана самими Воеводами и требовалась повсемѣстно присяга, приглашали народъ къ новымъ усиліямъ и пособіямъ *, а между тѣмъ Ляпуновъ и его товарищи съ ополченіями прибыли 1 Апрѣля 1611 подъ Москву.

Ополченія представляли огромную массу 100,000 воиновъ поселянъ. У всѣхъ была одна цѣль, недоставало постоянства и единства въ дѣйствіяхъ, чтобы ее достигнуть. Властолюбіе предводителей, не зависѣвшихъ или не желавшихъ быть въ зависимости другъ отъ друга, породило множество безпорядковъ.—Подчиненные или младшіе вожди не слушали старшихъ, а по примѣру ихъ воины не всегда слушали вождей.

Такое состояніе дѣлъ не могло быть продолжительно. Общимъ рѣшеніемъ Полководцевъ при-

* Грамоты NN 251, 252 и 262 т. 2. С. Г. Г. и Д. Изъ лѣтописи Аврамія Палицына (л. 175, 177 и 179 рукописи его) видно, что въ Троицкомъ монастырѣ прежде другихъ мѣстъ получили свѣдѣніе о пожарѣ Москвы чрезъ гонца. Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій сообщая горестную вѣсть Русскимъ военачальникамъ,—послали окружныя письма по Россіи, въ коихъ между прочимъ говорили о предпочтеніи смерти предъ безполезною жизнію.

ны и виднѣлись черныя стѣны каменныхъ зданій безъ крышъ, безъ признака жизни людей. Чужестранцы спѣшили захватить во время пожаровъ золото, серебро и другія драгоцѣнности по церквамъ, монастырямъ и богатымъ домамъ до ихъ истребленія. — Гдѣ погасалъ огонь и не было больше добычи, тамъ зажигатели возобновляли свою пагубную работу. — Отдыхая послѣ дѣлъ губительства, грабежа и святотатства, упившись винами, неистовые воины проигрывали другъ другу свою добычу и въ числѣ ея красивыхъ отроковъ, отторгнутыхъ въ плѣнъ ихъ отъ знатныхъ и дотолѣ счастливыхъ семействъ. Госевскій, чужземный Намѣстникъ раззоренной Столицы, помышляя объ отвѣтственности частію предъ Сигизмундомъ и его сыномъ, которыхъ впрочемъ онъ, какъ потомокъ своевольнаго племени не слишкомъ много опасался, частію предъ приличіями Двора и свѣта — желалъ повидимому отвратить Короля и Вельможъ его отъ мыслей о послѣдствіяхъ своего ужаснаго дѣла. Со вниманіемъ къ духу времени, къ тщеславію недальновиднаго своего Правительства, избралъ онъ такіе предметы, которые могли его соотечественникамъ служить пищею разговоровъ, болѣе пріятныхъ, чѣмъ толки о пожарахъ и убійствахъ. — Посѣтивъ сокровища Кремлевскаго дворца, смѣтливый Намѣстникъ отправилъ оттуда къ Королю своему Царскія короны, скипетры, дорогіе оклады съ иконъ, цѣнную утварь, достояніе, собранное вѣками, какъ трофеи славнаго подвига, блистательные и пригодные на

замѣнъ казны тамъ, гдѣ Сеймы бережливо и неохотно давали ей средства къ покрытію нуждъ.

Въ расчеты Намѣстника и его воиновъ не входила повидимому награда отъ Короля за сожженіе столицы его сына, и потому они спѣшили сами наградить себя раздѣломъ прочей казны Царской и церковной, жемчуга, дорогихъ украшеній съ образовъ. Тутъ не позабыты также серебренныя гробницы, сооруженныя благочестіемъ для усопшихъ святыхъ его.

Объ убійствахъ и пожарахъ Москвы донесено Королю, какъ о праведномъ наказаніи за измѣну, при которыхъ лишь случайно пролито много невинной крови. О грабежахъ умолчано *.

Король не заботился о подробностяхъ **, не

* Содержаніе этого донесенія видно изъ Королевской грамоты, писанной подъ Смоленскомъ къ Московской Думѣ въ Маѣ 1611 (N 255 т. 2. С. Г. Г. и Д.)

Вотъ выписка изъ этой грамоты:

«Въ Россіи распространилась молва, будто-бы Сигизмундъ не хочетъ дать ей Владислава на царство, а думаетъ завоевать ее къ Польшѣ. Отъ умысловъ Патріарха и сношеній его съ Ляпуновымъ, началась великая смута, родилась великая *ненависть къ Ляхамъ и Литовцамъ*, *желаніе выслать ихъ изъ Москвы неволею*, *многія грубости*, надежда на Ляпунова и его товарищей, которые вступая въ битвы съ Королевскими войсками, хотѣли Думныхъ Бояръ довести до смерти. За тѣмъ пролилась многая кровь измѣнниковъ, вызженъ городъ, *и то осталось судомъ Божіимъ, что измѣна и воровство объявились, а для нихъ пролито и много невинной крови*».

** Подробности послѣ описаны Королю Посольствомъ, отправленнымъ отъ нашихъ Государственныхъ чиновъ уже по изгнаніи Ляховъ изъ Москвы (см. N 7 т. 3. С. Г. Г. и Д.)

словлю русскихъ военачальниковъ отойти; если здѣсь остаетесь, благословляю всѣхъ стоять противу васъ и умѣреть.» *

За великодушныя слова усилены стѣсненія и жестокости противу дряхлаго страдальца.

Въ битвахъ подъ стѣнами Москвы многолюдство русскихъ ополченій нерѣдко одерживало верхъ. Взято нѣсколько мѣстъ, башенъ и воротъ, составлявшихъ внѣшнія укрѣпленія за стѣнами, но упорная оборона послѣднихъ препятствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ осады, и заставляла выжидать, чтобы время и голодъ дали свою помощь воинамъ, усерднымъ, но неискуснымъ.

Ожиданіе было менѣе вредно защитникамъ города, чѣмъ ихъ противникамъ. Поселяне воины не получая правильнаго продовольствія, отыскивали его, гдѣ могли. Тутъ были неминуемы безпорядки. Полководцы отъ праздности, отъ властолюбія, отъ пересудовъ чужихъ дѣлъ перешли къ жалобамъ другъ на друга, кознямъ и новымъ замысламъ.

Грабитель Янъ Сапега за нѣсколько времени до осады предлагалъ имъ свои услуги, *какъ вольный человѣкъ, который не служитъ Королю и Королевичу, а стоитъ при своихъ заслугахъ,* ** но послѣ свиданія подъ Москвою, отказавшись отъ

* Ник. Лѣт. т. 8 стр. 161.

** Письмо Сапеги къ Калужскому Воеводѣ, посланное въ Февралѣ 1611 N 237 т. 2 С. Г. Г. и Д.

По словамъ Польскихъ историковъ, Сапега думалъ, что русскіе вожди самаго его изберутъ Царемъ.

прежняго слова за 3,000 р., которыя по волѣ Сигизмунда получилъ отъ Московской Думы, * открылъ военныя дѣйствія противъ русскаго стана. Дано сраженіе, Сапега прогнанъ, — но съ отрядомъ, какой у него еще уцѣлѣлъ, — направился онъ къ Переславлю-Залѣсскому, чтобы производить тамъ грабежи и препятствовать сношеніямъ сѣверныхъ областей съ войсками, у Москвы стоявшими.

Одинъ изъ трехъ Военачальниковъ Атаманъ, или какъ называлъ себя Бояринъ Заруцкій придумалъ, что вступя въ бракъ со вдовою Самозванцевъ Мариною, онъ можетъ въ качествѣ покровителя сыну ея получить верховную власть надъ Россіею.

Замыслъ, толь противный присягѣ цѣлаго войска и самаго Атамана Казаковъ, — скрывался до времени въ вѣроломной душѣ. Для успѣха его Заруцкій вошелъ въ тайныя сношенія съ Госевскимъ. Оба желали смерти Ляпунова, хотя по разнымъ причинамъ. Распространился слухъ, явились ложныя письма, будто-бы Ляпуновъ, недовольный поступками Казаковъ, задумалъ истребить ихъ. Послѣдствіемъ козни было паденіе Ляпунова подъ ножами убійцъ. **

Съ гибелью мужа, который былъ первымъ поборникомъ отечества, и одинъ въ свое время почи-

---

* Грамоты Сигизмунда отъ 27 Марта и 20 Маія 1611 № 246 и 257 т. 2 С. Г. Г. и Д. На послѣдней росписка Сапеги въ полученіи 10,000 золотыхъ *отъ Боярина и Казначея Федора Ивановича Андронова.*

** Никон. Лѣт. т. 8 ст. 167.

тался достойнымъ уваженія и довѣренности Россіи,* неминуемы были самыя печальныя послѣдствія. Лучшіе воины, его сподвижники частію по негодованію, частію по опасеніямъ отъ Казаковъ, бѣжали отъ стана, роковаго ихъ полководцу. Подъ Москвою остались К. Трубецкой съ своими Тушинскими товарищами, и Заруцкій съ Казаками. Воины перваго были большею частію сбродъ, привыкшій къ безпорядкамъ; воины втораго удальцы, почитавшіе грабежъ за подвигъ мужества, пьянство за пріятное употребленіе досуга. Ни Кн. Трубецкой, тщеславный саномъ, ни Заруцкій уже явный искатель распутной жены и неправедной власти, не могли обуздывать безпорядковъ между тѣми людьми, которые нужны имъ были какъ средство сохранить свое значеніе или достигнуть цѣли, уже раздѣлившейся въ своихъ основаніяхъ. Съ пьянствомъ и праздностію появились обычные ихъ спутники развратъ, буйство, шумныя ссоры.

Страдалецъ Патріархъ увѣщевалъ Россію не признавать *Царемъ своимъ проклятаго сына вдовы Самозванцевъ*; увѣщевалъ воиновъ, чтобы уняли пьянство и грабежи, хранили душевную чистоту, стояли за вѣру; но эти увѣщанія шли уже чрезъ отдаленныхъ посредниковъ и могли доходить по назначенію слишкомъ поздо. **

---

* Какъ Россіяне смотрѣли на Ляпунова, видно изъ грамоты N 269 т. 2. С. Г. Г. и Д., гдѣ называютъ его поборателемъ за вѣру и Государство.

** Грамота Патріарха Ермогена въ Нижній-Новгородъ, писанная въ Августѣ 1611 N 262 т. 2. С. Г. Г. и Д.

Между тѣмъ Нагайскіе татаре, прежде мирные подданные или союзники Россіи, слыша объ ея смятеніяхъ, пришли къ Рязанской области, нашли ее беззащитною, начали грабить, убивали жителей или брали ихъ въ плѣнъ для продажи въ рабство Туркамъ и Персіянамъ *. Вмѣсто унятія хищниковъ силою, К. Трубецкій и Заруцкій посылали къ нимъ увѣщательныя письма.

Подъ Смоленскомъ тамошній Архіепископъ Сергій, Бояринъ Шеинъ и лучшіе люди писали къ Гетману Жолкевскому и Польскимъ Вельможамъ, что они съ радостью даютъ присягу Царю Владиславу, другаго себѣ не желаютъ, лишь бы остаться за Россіею; не сносятся съ Ляпуновымъ, просятъ исполнять условія, съ Гетманомъ въ Москвѣ постановленныя. **

Отвѣтомъ на законную просьбу были пушечные выстрѣлы изъ Польскаго стана по городу. Осада, продолжавшаяся уже около 20 мѣсяцевъ, истребила многихъ защитниковъ крѣпости, голодъ и повальныя болѣзни довершали ея несчастіе,—наконецъ, измѣною одного жителя указано Ляхамъ слабѣйшее мѣсто укрѣпленій. Тутъ поведенъ жаркій приступъ, городъ палъ 3 іюня 1611 во власть непріятеля, мужественный Шеинъ, покрытый ранами, подвергся горестному плѣну вмѣстѣ съ сво-

---

* Грамота къ Нагайскимъ Агамъ отъ Іюля 1611 N 266 т. 2. С. Г. Г. и Д.

** Грамота отъ 5 Апрѣля 1611 N 250 тамъ же.

знано необходимымъ выбрать надъ всѣми одного главнаго Начальника; но выборъ былъ не легокъ. Ляпуновъ, достойнѣйшій по дарованіямъ и нравственности, былъ только Думный Дворянинъ; Князь Трубецкій превышалъ его тѣмъ, что назывался Бояриномъ; Заруцкій присвоилъ самъ себѣ такоеже имя, но что всего важнѣе, каждый изъ трехъ Военачальниковъ имѣлъ у себя столько послѣдователей и приверженцевъ, что силы ихъ были почти въ равновѣсіи. — Начался выборъ, и вмѣсто одного предводителя выбрали трехъ: лучшіе Ляпунова, Тушинскіе Князя Трубецкаго, казаки Заруцкаго.

Троеначаліе въ Русскомъ войскѣ, какъ тріумвираты Помпея и Октавія въ древнемъ Римскомъ, представляя различіе именъ и дарованій, имѣло много сходства въ началахъ и послѣдствіяхъ раздѣленія власти.

Власть въ Россіи представляла тогда Московская Боярская Дума и три Предводителя ополченій, но первая была Правительствомъ болѣе по смутному воспоминанію его имени, чѣмъ по кругу дѣйствій. Все ея поприще ограничивалось стѣнами, окружавшими Кремль и Китай, да и здѣсь чужестранный Намѣстникъ и его воины не препятствовали Думѣ только писать грамоты съ увѣщаніями городамъ о покорности, съ требованіями о высылкѣ денегъ, съ возгласами объ измѣнѣ Предводителей ополченій.

Предводители, доколѣ хранили единомысліе и приличія, представляли другую болѣе существен-

ную власть надъ Государствомъ, но эта власть имѣя основаніемъ нужду и силу, а не право, должна была встрѣчать разныя неудобства. Въ иныхъ областяхъ, — признавали ее, но мало слушали, въ другихъ почитали ее, чѣмъ была дѣйствительно, т. е. управленіемъ войска. Только въ общественныхъ богослуженіяхъ возносимы были молитвы за благовѣрныхъ Князей и Бояръ *.

Къ войску прислала знаменитая Троицкая обитель 250 ратниковъ, вооруженныхъ на счетъ ея имущества. Сверхъ того Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій приглашали обитателей Россіи спѣшить на помощь своимъ къ Москвѣ и дѣлами доблести снискать *себѣ вѣчное имя.*

Предводители ополченій вступали въ частыя битвы съ отрядами Ляховъ. — Госевскій, Салтыковъ и ихъ единомышленники видя стѣсненіе Столицы отъ осады, еще разъ вспомнили о Патріархѣ, находившемся подъ стражею. Явясь въ бѣдную келью, назначенную темницею для знаменитаго узника, они упрекали его тѣмъ, что по его письмамъ Ляпуновъ подъ Москвою; требовали, чтобы тою же властію, которая призвала ополченія, велѣно имъ было отступить, грозили злою смертію, когда не пошлетъ приказа.

Старецъ Ермогенъ отвѣтствовалъ съ прежнею твердостію: «что вы мнѣ угрожаете? Боюсь единаго Бога. Если вы и всѣ Ляхи оставите Москву, благо-

* Грамота отъ Мая 1611 N 256 т. 2. С. Г. Г. и Д.

имъ семействомъ и тѣми обывателями, которые не погибли еще отъ огня, желѣза, болѣзней и голода.

Сигизмундъ извѣстилъ Московскую Думу о своемъ вѣроломномъ торжествѣ. Ему отвѣтствовано, что Дума жалѣетъ о невинной крови ея братьевъ по отечеству, *радуется побѣдѣ надъ непокорными, приноситъ за нее благодарныя молитвы и поздравляетъ Короля на прибылыхъ Государствахъ* *.

Жители окрестностей Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа, ограбленные, разбрелись по Россiи, какъ жалкiе изгнанники изъ земли своей, оплакивая потери и разливая ненависть къ ихъ виновникамъ **. Нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ войскамъ нашимъ у Москвы, другимъ велѣно было поселиться въ Арзамазѣ и иныхъ мѣстахъ. Заруцкiй лишилъ многихъ и послѣдняго убѣжища, приказавши своимъ казакамъ прогнать ихъ.

Въ одно и тоже время Янъ Сапега производя грабежи на пространствѣ между Переславлемъ-Залѣсскимъ и Москвой, проводя обозы съ запасами въ Столицу, явился снова здѣсь, напалъ на нашихъ соотечественниковъ, занимавшихъ еще нѣсколько внѣшнихъ укрѣпленiй, прогналъ ихъ оттуда, захватилъ много казны и сталъ по близости особымъ лагеремъ ***. Малороссiйскiе казаки взяли городъ Козельскъ, произвели тамъ многiя убiйства, увлекли

* Грамота Думы N 263 т. 2. С. Г. Г. и Д.

** Никон. Лѣтопись т. 8 стр. 162 и 168 лѣтопись о мятежахъ л. 226.

*** Ник. Лѣт. т. 8. стр. 170 и 171.

многихъ жителей въ плѣнъ *, другіе же значительнѣйшіе отряды ихъ захватили нѣсколько Украинскихъ городовъ **.

Къ умноженію бѣдствій около Астрахани появилось нѣсколько Самозванцевъ подъ именемъ небывалыхъ царскихъ дѣтей, низовья Волги подверглись грабежамъ, — на сѣверѣ во Псковѣ появился третій Лжедимитрій, Шведскія войска заняли Новгородъ, а Польская армія съ Гетманомъ Хоткевичемъ шла къ Москвѣ.

Роковое имя Димитрія присвоилъ себѣ бѣглый Московскій Діаконъ Сидоръ, увѣрялъ, какъ и его предмѣстники, о чудесномъ своемъ спасеніи, набралъ у Эстляндской границы шайку бродягъ и признанъ во Псковѣ Царемъ.

Посылая отсюда грамоты по всему государству, Самозванецъ не забылъ и ополченій, стоявшихъ подъ Москвою. К. Трубецкой и Заруцкій тотчасъ повѣрили обману, дали присягу властелину, ихъ достойному, привели къ томуже своихъ воиновъ, отправили депутатовъ во Псковъ.

Одинъ изъ этихъ депутатовъ упалъ на колѣни предъ діакономъ и съ чувствомъ искренняго или поддѣльнаго восторга воскликнулъ: вотъ истинный нашъ Государь. Другіе примѣтили, что новый Димитрій не похожъ лицемъ на прежнихъ, скрыли свои мысли въ его присутствіи, но тайно пустили слухъ о подлогѣ.

* Тамъже л. 171.

** Тамъже — 173.

Шведскій генералъ де ла Гарди смотря на дѣйствія Польскаго Правительства въ отношеніи къ Россіи, думалъ тѣмиже способами доставить ей благоденствіе на словахъ, а землѣ своей пользу на дѣлѣ. Овладѣвъ городами Корелою, Орѣшкомъ (нынѣ Шлиссельбургомъ) Ладогою, Новгородомъ и тѣми областями, коими Россія могла еще чрезъ устья Невы и Балтійское море сообщаться съ Европой, онъ писалъ къ Ляпунову объ условіяхъ тѣснѣйшаго союза *, не получилъ отвѣта, и постановилъ договоръ съ Новгородскими властями, чтобы на Русскомъ государствѣ былъ Царемъ одинъ изъ Шведскихъ Принцевъ подъ покровительствомъ Короля Карла IX. Шведы называя Новгородцевъ своими союзниками, брали своею рукою, что хотѣли, грабили церкви, образа, имущество жителей.

Гетманъ Ходкевичь пришедши съ небольшимъ войскомъ къ нашей Столицѣ и не чувствуя ни силъ, чтобы прогнать оттуда Русскія ополченія, ни возможности держаться въ опустошенныхъ окрестностяхъ Москвы, ограничилъ на первый разъ дѣйствія свои доставленіемъ пособій своимъ соотечественникамъ, запертымъ въ Кремлѣ и Китаѣ. Кончивъ это дѣло, пошелъ онъ къ Волоколамску, чтобы выждать подкрѣпленій своему войску.

Въ горестномъ положеніи, которое представляла Россія при наступленіи второй половины 1611 года,

---

* Грамота Думы, въ коей описаны эти сношенія, N 263 л. 552 т. 2. С. Г. Г. и Д.

надеждою ея были одни нестройныя ополченія подъ Москвою. Сюда шли еще люди, призываемые къ защитѣ отечества, но виды главныхъ начальниковъ ихъ раздѣлились. К. Трубецкой признавалъ нужду избрать Государя для Россіи, но по видимому не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы за вліяніе на выборъ, сохранить себѣ высокое значеніе. Заруцкій не оставляя связей и мыслей о бракѣ со вдовою Самозванцевъ, продолжалъ заботиться о престолѣ для ея сына, дабы подъ именемъ покровителя младенцу управлять его царствомъ. Несогласіе въ цѣли вождей закрывалось обманчивою наружностію и между тѣмъ обращало послѣднія усилія благомыслящихъ Россіянъ въ новыя несчастія.

Заруцкій всюду разсылалъ казаковъ захватывать людей, хлѣбъ и казну, посланные къ К. Трубецкому изъ внутреннихъ областей. Казаки грабили безъ разбору церкви, монастыри, жителей, гдѣ что еще уцѣлѣло. Воины Трубецкаго начали оставлять своего полководца, не думали болѣе о приступахъ къ Москвѣ, о пособіяхъ, которыя по временамъ онъ еще получалъ, не умѣя сдѣлать изъ нихъ полезнаго употребленія и занимаясь болѣе спасеніемъ жалкихъ остатковъ своей силы отъ разброда, отчаянія, голода, враговъ — Ляховъ, друзей — сподвижниковъ Заруцкаго.

Такими событіями весь составъ государства потрясенъ былъ въ своихъ основаніяхъ: вездѣ лились слезы, говорили о пожарахъ, убійствахъ, грабежахъ и воззваніяхъ къ оборонѣ правъ. Державу простран

ную и дотолѣ могущественную готовились обратить Король Сигизмундъ въ бѣдную область Польши, Король Карлъ IX въ губернію сына, Самозванцы и Заруцкій въ добычу разврата. Всѣ пособія, посылаемыя истощенною землею на дѣло отечества, доставались въ руки ненадежныя или нечистыя; взаимныя воззванія городовъ къ единомыслію и пособіямъ продолжались, но уже близко было то время, когда съ ослабленіемъ довѣренности къ начальствамъ, ослабѣетъ усердіе къ пособіямъ и надежда уступить мѣсто унынію, предвѣстнику роковыхъ преобразованій въ государствахъ.—Для нанесенія послѣднихъ ударовъ, армія Гетмана Ходкевича оканчивала свои приготовленія и усилясь, должна была снова двинуться къ Москвѣ.

ГЛАВА III.

Слезное моленіе. Дѣйствіе Минина. Князь Пожарскій Предводителемъ Русскаго войска. Мининъ Выборный человѣкъ отъ всего Государства. Произшествія въ Казани.

Въ началѣ осени 1611 года по всѣмъ вѣроятностямъ казалось, что бѣдственныя событія приблизили къ самому краю гибели наше несчастное отечество, — и въ такое то время вдругъ пробилъ часъ, предназначенный провидѣніемъ для блистательнѣйшаго доказательства, что бѣдствія, порожденныя преступленіемъ и развратомъ, должны из-

чезнуть, когда на борьбу съ ними явится чистая добродѣтель.

Въ 6 день Октября 1611 * появилась окружная грамота отъ Архимандрита Троицкаго монастыря Діонисія и Келаря Аврамія. Вотъ ея содержаніе:

За умноженіе грѣховъ нашихъ возникло у насъ междоусобіе, самые узы естества разторглись: отецъ возсталъ на сына, братъ на брата, проливается единоутробная кровь. Предатели Салтыковъ и Андроновъ измѣнивъ вѣрѣ, приложась къ Латинству и Литвѣ, навели иностранцевъ на отечество и раззоряютъ Божіи храмы. Для обольщенія умовъ составленъ договоръ съ Польшею, чтобы Владиславъ былъ у насъ Государемъ, чтобы отецъ его вывелъ своихъ воиновъ изъ нашей страны, снялъ осаду Смоленска. Въ вѣрномъ храненіи условій дана клятва предъ Крестомъ Господнимъ,—и эта клятва нарушена. Москва сожена, Божіи храмы разграблены, Святѣйшій Патріархъ нашъ Ермогенъ въ темницѣ. Въ часы бѣдствій Воеводы наши К. Трубецкой, Заруцкій и другіе собрали людей, стали за отечество. Усилія ихъ не рѣдко вѣнчаются успѣхами, но къ Ляхамъ пришелъ на помощь Гетманъ Ходкевичь съ новыми войсками, чтобы отнять у нашихъ продовольствіе. Православное воинство среди всѣхъ лишеній еще стоитъ противу враговъ, жители Тулы, Калуги и Каширы вооружаются, ратники сходятся къ Переславлю Залѣскому. Братья,

* N 275 т. 2. С. Г. Г. и Д.

друзья, идите и вы къ нимъ. Мы всѣ дѣти православныхъ родителей, у насъ одинъ Богъ. Станемъ противъ измѣнниковъ, пойдемъ противъ Ляховъ. Посмотрите, что сдѣлали они въ нашихъ городахъ, какое раззореніе терпитъ земля наша. Гдѣ святыя церкви и иконы, гдѣ престарѣлые иноки, украшенные сѣдинами и добродѣтелью? Вы люди, доселѣ спасшіеся, сжальтесь надъ гибелью ближнихъ, чтобъ и васъ не постигла лютая смерть. Спѣшите къ Москвѣ, къ вашимъ братьямъ, настало время подвига — Положимъ наши головы, пострадаемъ за вѣру. Господь наградитъ наши усилія, не предастъ ни смерти, ни рабощенію Латинскому. Спѣшите. Мы со всемъ христіанскимъ народомъ плачемъ и просимъ васъ.

Грамота лицъ, уже извѣстныхъ по чистой душѣ своей, обновила чувства, начинавшія угасать. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ особенно было сильно ся дѣйствіе. Тамъ вспомнили, что прежде писали къ нимъ страдалецъ Патріархъ, жители Смоленска и Москвы; увидѣли сверхъ того, что умѣренныя пособія, оказанныя прежде страною нашимъ ополченіямъ, не достаточны для счастливаго окончанія дѣла. Множество выходцевъ Московскихъ и Смоленскихъ, удалившихся туда съ своей родины, дополняли предъ гостепріимными Низовцами описаніе мрачной картины, набросанной въ грамотѣ. Разсказы и слезы при живомъ и свѣжемъ чувствѣ, приготовили умы къ сильнѣйшимъ впѣчатленіямъ. Грамота Троицкихъ отшельниковъ читалась предъ

множествомъ народа, требовали вторичныхъ чтеній, слушали съ жадностію одно и тоже многіе дни,— всѣ говорили, что лучше умерѣть, нежели видѣть поруганіе вѣры, святыни и чести отечества *.

Среди подобныхъ разговоровъ явился材Мининъ предъ собраннымъ народомъ. Знали его умъ, дорожили словами человѣка, снискавшаго къ себѣ общую довѣренность и уваженіе. Мининъ началъ говорить о помощи, надобной для государства, рѣчь его одушевлялась отъ часу болѣе и съ жаромъ, съ неотразимою силою высокаго духа, онъ воскликнулъ: «если искренни желанія наши подать помощь отечеству, докажемъ ихъ, не пожалѣемъ имуществъ,— нѣтъ не только имуществъ,—не пожалѣемъ, продадимъ домы, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ, умолимъ достойнаго мужа вступиться за нашу вѣру, быть нашимъ Предводителемъ».

За словами великодушный гражданинъ бросилъ мѣшки съ своими деньгами предъ народомъ; порывъ его, какъ молнія, сообщился Нижегородцамъ,—понесли всѣ, что могли, на жертву отечеству, и положа тѣмъ основаніе народной казны для содержанія войска,— приступили къ выбору Начальника. Выборъ палъ на Князя Пожарскаго **, отправлено посольство—Архимандритъ тамошняго Печерскаго монастыря съ нѣсколькими лучшими людьми,—пригла-

* Рукопись Аврамія Палицына Л. 183. Никон. Лѣтоп. Т. 8. стр. 174, Лѣтоп. о мятеж. ст. 234.

** Грамота К. Пожарскаго, писанная въ Іюнѣ 1613. N 281 т. 2. С. Г. Г. и Д.

сить Князя, чтобы принялъ на себя дѣло святое, славное и опасное.

Выслушавъ Посольство, Князь Димитрій Михайловичь отъ радости забылъ свои раны. Онъ хотѣлъ тотъже часъ отправиться въ Нижній Новгородъ, но вдругъ вспомнивши о непостоянствѣ народныхъ движеній, еще недавно имъ виденномъ въ тогдашнее время смутъ, онъ просилъ пословъ, чтобы выбрали прежде хорошаго человѣка для помощи ему, для сбора и храненія казны.

Послы не были готовы къ этому предложенію и съ замѣшательствомъ отозвались, что у нихъ нѣтъ еще въ виду такого человѣка.—Нѣтъ?—возразилъ Князь,—у васъ есть Козьма Мининъ, онъ бывалъ въ службѣ и свыкся съ такими дѣлами.

Указаніе на человѣка, всѣми любимаго, произвело въ Послахъ и въ жителяхъ Нижняго Новагорода величайшую радость. Пришли къ Минину съ просьбами, чтобы принялъ должность, общимъ довѣріемъ ему назначенную, трудную по существу, еще труднѣйшую по сопряженіямъ обстоятельствъ. Мининъ колебался и для обезпѣченія себя просилъ приговора. *Приговоръ велѣно писать самому ему.*—Въ этой бумагѣ, достойной безсмертія, сказано, что Минину предоставляется не только братъ имущества гражданъ, но продавать ихъ * женъ и дѣтей на содержаніе войска. — Съ тѣмъ же духомъ, который водилъ рукою и мыслію со-

---

* Никонов. Лѣт. т. 8 стр. 175.; Лѣт. о мятеж. стр. 236.

чинителя, — приговоръ подписанъ всѣми сословіями города. Мининъ послалъ его къ Князю Пожарскому: онъ опасался, чтобы смуты не произвели раскаянія въ безграничномъ усердіи, сожалѣнія о дорогихъ жертвахъ. На этотъ разъ всѣ опасенія были напрасны. Общее мнѣніе Россіи скоро подтвердило приговоръ Нижегородскихъ сословій. Мининъ получилъ именованіе: *Выборнаго Человѣка отъ всего Государства* *

Слухи о движеніяхъ въ Нижнемъ, разнеслись по Россіи съ неимовѣрною быстротою. Выходцы Смоленской области, нашедшіе убѣжище въ Арзамазѣ, первые явились къ Князю Пожарскому. Изъ Нижняго Послы одинъ за другимъ шли къ нему съ вѣстями, съ приглашеніями ускорить прибытіемъ въ городъ.

На самомъ пути Князя къ городу стали подъ его знамена жители Вязьмы и Дорогобужа, избѣжавшіе плѣна и смерти на раззоренной своей родинѣ. Потерявъ домы и другое имущество, они сохранили еще силу и оружіе на месть за свои потери.

Сопутствуемый людьми, готовыми къ бою, Князь прибылъ въ Нижній Новгородъ. Жители бѣжали со всѣхъ сторонъ на встрѣчу Восначальника, — онъ принятъ съ восторгомъ, какъ надежда отечества, и пріѣздъ его далъ не только новую жизнь, но и правильнѣйшее движеніе порывамъ ревности.

Князь Пожарскій и Мининъ въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ составили одну душу, одинъ умъ

---

* Грамота № 203 л. 611 т. I. С. Г. Г. и Д.

сильный взаимными совѣтами и равною чистотою воли. Призывный голосъ ихъ и порядокъ въ раздачѣ жалованья собирающимся воинамъ, скоро поставилъ значительную силу подъ знаменами Вождей добродѣтельныхъ.

Стеченіемъ ратниковъ, ежедневно умножавшимся, начали истощаться способы, собранные усердіемъ Нижегородцевъ. Опасаясь недостатка въ деньгахъ и припасахъ, Князь Пожарскій и Мининъ послали грамоты къ другимъ городамъ Русскимъ съ просьбами о помощи. Куда ни приходили такія грамоты, вездѣ появлялись радостныя движенія народа, сносилась казна въ обиліи, готовилось оружіе, составлялись склады хлѣба и другихъ потребностей.

Жители городовъ Коломны, Рязани, областей Украинскихъ, Казаки и Стрѣльцы, служившіе прежде въ войскѣ Царя Василія, летѣли къ Нижегородскимъ своимъ братьямъ. Одинаковыя побужденія произвели единодушіе не обыкновенное. Не было ни зависти, ни вражды между воинами, равно усердными. Только изъ Казани, по проискамъ Дьяка Никанора Шульгина, не прислано пособій въ Нижній, хотя и оттуда были они обѣщаны.

Извѣстія о Нижегородскихъ вооруженіяхъ достигли и Москвы. — Здѣсь мѣсто Патріарха занималъ уже Игнатій Грекъ, возведенный на эту степень Лжедимитріемъ Отрепьевымъ, потерявшій ее съ покровителемъ и снова получившій по волѣ Думы и Ляховъ. Въ глазахъ Россіянъ Игнатій былъ

орудіе Чужестранцевъ, Старецъ Ермогенъ, узникъ и въ темницѣ, почитался истиннымъ Первосвятителемъ.

Намѣстникъ Госевскій и Дума знали общее уваженіе къ страдальцу, знали и прежнія сношенія его съ Нижегородцами. Думая если не поколебать, то по крайней мѣрѣ обезславить его, они покусились еще разъ предложить узнику, чтобы воспретилъ Нижегородцамъ движенія къ Москвѣ.

Духъ блиставшій надъ Россіею, какъ свѣтило во мракѣ ночи, не измѣнилъ ни своей славѣ, ни земному отечеству.

На коварное предложеніе старецъ Ермогенъ отвѣчалъ кратко: «благословляю воиновъ, защитниковъ отечества, кляну однихъ измѣнниковъ.»

Съ этого времени не давали Старцу болѣе никакой пищи и уморили голодомъ того человѣка, который одинъ былъ достоинъ жизни болѣе, чемъ всѣ его гонители. Ермогенъ скончался 17 февраля 1612, оставя безсмертное имя и примѣръ любителямъ благочестія, добродѣтели и отечества.

Въ Русскомъ станѣ подъ Москвою вѣсти о Нижнемъ произвели разныя впѣчатлѣнія. К. Трубецкой надѣялся близкой помощи, Заруцкій видѣлъ новые препоны своимъ замысламъ.

Покровитель вдовы Самозванцевъ послалъ толпы Казаковъ съ Атаманомъ Просовецкимъ къ Ярославлю, дабы захватить сѣверныя области и препятствоватъ соединенію силъ ихъ съ Низовскими.

Жители Ярославля дали знать въ Нижній о движеніяхъ Казаковъ. К. Пожарскій и Мининъ по-

слали къ нимъ отрядъ войска подъ начальствомъ К. Пожарскаго Лопаты. Отрядъ захватилъ въ расплохъ передовыя толпы Казаковъ. Просовецкій не пошелъ на Ярославль, узнавши, что Низовцы уже тамъ. *

Болѣе мѣсяца К. Пожарскій и Мининъ ждали въ Нижнемъ пособій, отъ Казани. Ожиданія не сбылись и вотъ причины того.

При первыхъ слухахъ о намѣреніи Сигизмунда быть самому царемъ Россіи, жители Казани взволновались и отложились отъ Московской Думы. Страшась власти зловѣрнаго чужеземца и не зная еще о смерти Тушинскаго Лжедимитрія, они объявили себя подданными послѣдняго. Правители города Воевода Богданъ Бельскій и Дьякъ Никаноръ Шульгинъ увлеклись общимъ порывомъ и начальники вмѣстѣ съ подчиненными дали (9 Января 1611) присягу Самозванцу. **

Бывъ равно хитрыми и бездушными, Шульгинъ и Бѣльскій имѣли отличіе въ другихъ свойствахъ. Воевода умѣлъ отыскивать причины, по которымъ всегда предпочиталъ сильную сторону справедливой; Дьякъ искусный въ промѣнѣ правъ и совѣсти на богатство, любилъ думать о возвышеніи себя въ будущемъ, какъ о прибавкѣ удобства для мѣновыхъ оборотовъ.

---

* Никон. Лѣт. т. 8 стр. 177; лѣт. о мятеж. стр. 238 Кн. Дмитрій Петровичь Пожарскій Лопата былъ двоюродный братъ Князю Димитрію Михайловичу.

** Грамоты Казани NN 224 и 225 к. 2 С. Г. Г. и Д.

При хладнокровнѣйшемъ размышленіи о времени, о событіяхъ Бѣльскому не трудно было убѣдиться, что на ту пору сильнѣйшею стороною въ Государствѣ была та, коей держалось большинство Московской Думы. Согласная съ этою мыслію свое поведеніе, воевода предложилъ городу замѣнить новую присягу его еще новѣйшею на имя *того, кто утвердится на Московскомъ престолѣ.*

Это предложеніе не соотвѣтствовало расчетамъ Шульгина. Послѣдній ждалъ большихъ выгодъ себѣ отъ царствованія Самозванца и ему не трудно было выставить предположенія Воеводы за измѣну. Вышелъ мятежъ, Бѣльскаго схватили, сбросили съ высокой башни и на третій день послѣ того получа вѣрныя извѣстія о смерти Лжедимитрія, Казань приносила безплодное раскаяніе какъ въ присягѣ Тушинской тѣни, такъ въ убійствѣ своего Начальника безъ вины *. Между тѣмъ пришли въ этотъ городъ, какъ и въ другіе, грамоты Ляпунова и предводителей Московскаго стана, о единомысліи, о пособіяхъ на общее дѣло **. То и другое обѣщано Казанью: тамъ молились за благовѣрныхъ Князей и Бояръ, отъ имени же ихъ управлялъ Шульгинъ и не спѣшилъ отправленіемъ людей и денегъ подъ Москву. — Въ Августѣ 1611 года стоя

* Никонов. лѣтоп. т. 8, стр. 150; лѣт. о мятежахъ стр. 201.

** Грамота Ляпунова въ Казань N 251; см. тамже Грамоты Ярославля и Костромы N 241 и 242 т. 2 С. Г. Г. и Д.

уже на первомъ мѣстѣ Казани, онъ писалъ грамоты по другимъ городамъ о смерти Ляпунова, указывалъ на одного этого Полководца, какъ на поборника Россіи, напоминалъ, что убійствомъ его нарушена клятва, данная предводителями ополченій не составлять злыхъ умысловъ другъ противъ друга. Тутъ же сообщалось, что Казань въ союзѣ съ Нижнимъ Новгородомъ и другими областями, что цѣль союза взаимная оборона и помощь, при условіи: *не впускать* въ единомысленные города *Воеводъ, Дьяковъ и воиновъ изъ другихъ мѣстъ*, *докол‍ѣ не будетъ избранъ Государь совѣтами всей земли* *, если же подобный выборъ сдѣлаютъ одни казаки: то его не признавать.

Уклонясь отъ пособій Московскому стану, оправдывая уклоненіе безпорядками, разрушившими всякія связи съ убійцами Ляпунова, замѣнивъ эти связи союзомъ Низовскихъ городовъ, Шульгинъ заботился о сборѣ денегъ для союза, и не предвидѣлъ, что Нижній Новгородъ скоро потребуетъ отъ него собранныхъ денегъ и пособій.

Между тѣмъ Кн. Пожарскій и Мининъ поручили подобное требованіе какому-то Ивану Биркину, вѣроятно незначительному, но расторопному чиновнику, придавъ ему нѣсколько думовныхъ особъ. Когда посольство Биркина явилось въ Казань, Шульгинъ до того жаркій на словахъ приверженецъ сою-

---

* Грамота N 256 т. 2 С. Г. Г. и Д.

за, находилъ уже выгоднѣйшимъ для себя, чтобы Москва оставалась въ рукахъ чужестранцевъ.

Сходствомъ качествъ и вѣроятно также деньгами, или обѣщаніями, Биркинъ увлекся къ замысламъ Шульгина; духовенство, бывшее въ посольствѣ, возвратилось въ Нижній и тамъ положено неждать болѣе пособій ни отъ Казани *, ни отъ другихъ мѣстъ. Время было дороже всего, при томъ расчитывалось, что и во время похода къ Москвѣ силы войска могутъ увеличиться отъ слуховъ и примѣра смѣлости.

ГЛАВА IV.

Походъ Русскаго войска къ Ярославлю. Умыслы Заруцкаго. Переговоры съ Шведами и Австрійцами. Палицынъ въ Ярославлѣ. Покушенія на жизнь Кн. Пожарскаго.

Отъ Нижняго Новгорода до Москвы были два пути: одинъ чрезъ Муромъ и Владиміръ; другой чрезъ Кострому, Ярославль и Ростовъ. Первый былъ короче, а вторый несравненно продолжительнѣе, но представлялъ свои выгоды. Содѣйствіе жителей, обитавшихъ по Волгѣ и ея притокамъ было важно потому, что они менѣе другихъ пострадали отъ смутнаго времени. Сверхъ того нужно было

* Никон. лѣт. 7, 8, ст. 177 и 178; лѣтоп. о Мят. стр. 237 и 239.

наблюдать за движеніями Шведовъ со стороны Новагорода.

Кн. Пожарскій и Мининъ предпочли вторый путь.

Низовское ополченіе, которому одному тогда могло быть справедливо присвоено имя Русской арміи, двинувшись вверхъ по Волгѣ, встрѣтило въ Балахнѣ Воеводу Плещеева, шедшаго на помощь ему съ дворянами ближайшихъ городовъ. Въ Юрьевцѣ Поволгскомъ соединились съ арміею Татары, зависѣвшіе отъ Россіи. Скоро потомъ пришли извѣстія: изъ Владиміра, отъ управлявшаго тамъ Окольничаго Артемія Измаилова, что онъ готовъ на содѣйствіе Кн. Пожарскому и Минину; *изъ Московскаго стана*, что тамошніе Начальники раскаиваются въ опрометчивой присягѣ Псковскому обманщику. Послѣдній уличенъ въ подлогѣ, привезенъ въ оковахъ подъ Москву и повѣшенъ *.

Достигши Плеса, располагалась армія слѣдовать къ Костромѣ.

Здѣсь управлялъ областію Воевода Иванъ Шереметевъ. Боярская Дума не задолго предъ тѣмъ прислала къ нему внушеніе, что Владиславъ скоро будетъ, а Гетманъ Хоткевичь уже прибылъ съ войсками въ Россію; что самъ Сигизмундъ еще съ большими силами явится у Смоленска. Дума увѣщевала Шереметева быть вѣрнымъ Владиславу, сноситься съ Хоткевичемъ, не входить въ связи съ Кн.

* Никон. лѣт. т. 8, стр. 178 о мятеж. стр. 239 — 241; рукоп. Палицына л. 186.

Трубецкимъ, Заруцкимъ и людьми имъ подобными *.

Шереметевъ и его Совѣтники положили не впускать Низовскихъ воиновъ въ Кострому, готовиться къ оборонѣ. Жители города не всѣ были однихъ мыслей съ Начальникомъ. Многіе изъ нихъ явились въ Плесъ съ вѣстями о замыслахъ, противныхъ арміи. Кн. Пожарскій и Мининъ растроили эти замыслы быстрымъ походомъ. Войска ихъ заняли предмѣстія Костромы. Тутъ во внутренности города произошло сильное волненіе. Одни держали сторону Шереметева, другіе Русской арміи. Къ послѣдней пристали даже тѣ ратники, которые собраны были для прегражденія пути ея. Народъ воспользовавшись превосходствомъ силы, окружилъ шумными толпами домъ своего Начальника, требовалъ его смерти.

Кн. Пожарскій остановилъ безпорядокъ, помогъ Шереметеву спастись отъ ярости народа, и по совѣту съ Мининымъ далъ городу другаго Начальника Князя Гагарина.

Тогда же по просьбѣ жителей Суздаля посланъ къ нимъ для охраненія отрядъ стрѣльцовъ. Тамъ боялись вреда отъ Просовецкаго и казаковъ. Лишъ появился отрядъ Низовцовъ, казаки пошли отъ Суздаля къ Москвѣ.

Получа отъ обитателей Костромы большія денежныя пособія, двинулась армія къ Ярославлю.

---

* Грамоты Январь 1612 N 276 и 277 т. 2 С. Г. Г. Д.

Переходъ ея сюда берегами широкой Волги представлялъ торжественный видъ. Жители Костромы провожали, обыватели Ярославля встрѣчали воиновъ на пути ихъ радостными привѣтами; городъ принялъ съ большими почестями, поднесъ Начальникамъ богатые дары. Полководцы отказались отъ даровъ: не корысть занимала ихъ душу.

Въ Ярославль прибыли наконецъ къ арміи пособія изъ Казани. Шульгинъ и Биркинъ повидимому приведены были къ исполненію своихъ обязанностей страхомъ и слухами объ умноженіи силъ Низовскаго войска. Чтобъ недостатку доброй воли придать благовидность, первый ввѣрилъ, вторый принялъ на себя Начальство надъ вспомогательными ратниками Казанской области. Биркину приданъ товарищемъ Татарскій старшина Лукьянъ Мясной. На походѣ къ Ярославлю ратники Биркина показали, что они достойны своего Начальника: они по городамъ и селеніямъ, чрезъ которые шли, брали своею рукою то, чего не предлагали имъ жители. Достигнувъ арміи, Биркинъ потребовалъ даже себѣ почетнаго Начальственнаго мѣста, какъ права, завелъ множество смутъ, поссорился съ Мяснымъ такъ, что едва не дошло между ними до настоящаго боя. Совѣтъ Русскихъ полководцевъ отказалъ въ домогательствахъ безстыднаго человѣка, послѣ чего ратники, прибывшіе съ нимъ въ Ярославль, пошли обратно къ Казани. На этомъ новомъ походѣ они какъ и на прежнемъ, дѣлали вредъ селеніямъ, сколько могли, не безпокоясь о томъ, что не ока-

зали помощи дѣлу, которое того требовало. Изъ всѣхъ Казанскихъ воиновъ осталось при арміи только 150 человѣкъ съ старшинами Мяснымъ и Неѣловымъ *. Эти усердные люди были послѣ съ Низовцами подъ Москвою и въ возмездіе за добросовѣстную службу ихъ, они по возвращеніи на родину должны были вытерпѣть отъ Шульгина множество притѣсненій и непріятностей. Мяснова и Неѣлова едва не уморили въ тюрьмѣ.

Силы Русской арміи въ Ярославлѣ возрастали, но еще были не довольно многочисленны. Тѣмъ не менѣе Кн. Пожарскій и Мининъ готовились къ походу подъ Москву. Походъ остановленъ однако извѣстіями, что множество Черкасовъ появилось въ окрестностяхъ Кашина, часть Казаковъ Заруцкаго заняла Угличь, другіе товарищи ихъ съ Начальникомъ Василіемъ Толстымъ пришли къ Пошехонью, Шведы заняли Тихвинъ **.

Столько непріятныхъ новостей заставило Русскихъ полководцевъ собрать совѣтъ, дабы опредѣлить будущія дѣйствія съ наибольшею выгодою для Государства.

Совѣтъ составляли Кн. Пожарскій, Мининъ, значительнѣйшіе послѣ ихъ вожди ополченій, мѣстныя Начальства духовныя и свѣтскія, почетнѣйшіе Граждане.

---

* Никонов. Лѣт. т. 8, стр. 182; Лѣтоп. о мятеж. стр. 244 и 245.

** Отъ Ярославля до Тихвина 490 верстъ.

Положено для обезпеченія городовъ и сообщеній съ ними, послать два корпуса противъ Черкасовъ и Казаковъ, а дабы Шведы во время движенія нашей арміи къ Москвѣ не захватили другихъ Русскихъ областей, завести переговоры съ Генераломъ де-ла Гардіемъ и Новгородскими Начальствами, подъ вліяніемъ его бывшими.

Корпуса поручены Князьямъ Черкаскому и Пожарскому Лопатѣ.

Первый шелъ на Черкасовъ, имѣлъ съ ними, также съ Ляхами и Литовцами нѣсколько удачныхъ дѣлъ, но когда расположился произвести общее рѣшительное нападеніе на непріятеля, одинъ изъ его воиновъ, Смоленскій урожденецъ Юрій Потемкинъ увѣдомилъ враговъ о приближеніи Россіянъ. Непріятель пошелъ обратно къ границамъ, Кн. Черкаскій остановился у Кашина до дальнѣйшихъ предписаній.

Кн. Пожарскій Лопата разбилъ Казаковъ у Пошехонья. Толстой отступилъ къ Кашину, побѣдитель шелъ по его слѣдамъ.

Соединясь въ Кашинѣ, Черкаскій и Лопата получили повелѣніе Князя Дмитрія Михайловича обратиться къ Угличу * и тамъ противъ Казаковъ испытывать кроткія мѣры прежде сильныхъ, убѣждать ихъ къ соединенію съ арміею въ Ярославлѣ.

---

* Путь берегами Волги составляетъ отъ Кашина чрезъ Калязинъ до Углича 63 версты, отъ Углича до Ярославля 100 верстъ. Тамъ нынѣ почтовая дорога.

*

Переговоры произвели колебаніе между Казаками. Едва послѣдніе вышли изъ Углича на битву съ корпусами, какъ четыре Атамана Поповъ, Березкинъ, Кукшинъ и Чекушниковъ съ ихъ дружинами отстали отъ своихъ товарищей и увѣдомили о томъ Кн. Черкаскаго. Корпуса напали на прочихъ, разбили ихъ, взяли множество плѣнныхъ. Побѣдители вмѣстѣ съ перешедшими на ихъ сторону противниками прибыли въ Ярославль *.

Сношенія Кн. Пожарскаго и Минина съ Новгородомъ и Шведами начались посылкою туда изъ арміи дворянина Татищева (12 Маія 1612) съ нѣсколькими довѣренными людьми союзныхъ городовъ.

Съ Татищевымъ отправлена грамота къ Новгородскому Митрополиту Исидору и тамошнимъ властямъ. Увѣдомляя о вооруженіяхъ, о намѣреніи выступить къ Москвѣ противу Ляховъ, а по изгнаніи ихъ выбрать общимъ совѣтомъ Государя для Россіи, Низовскіе Полководцы просили прислать къ нимъ надежныхъ людей съ вѣстями о событіяхъ на сѣверѣ, о намѣреніяхъ Шведской политики, объ условіяхъ, на коихъ могъ быть постановленъ договоръ, сообразный съ выгодами обѣихъ сторонъ. Тогдаже требовано списка съ тѣхъ соглашеній, какія могли уже состояться между Новгородомъ и Генераломъ де-ла Гардіемъ, дабы видѣть, кому предназначена Верховная власть въ тамошнемъ краѣ, гдѣ новый Государь приметъ Грекороссійское

* Никон. Лѣт. т. 8, стр. 180 и 181; Лѣтоп. о мятеж. стр. 242—214.

исповѣданіе, съ какими отношеніями къ внѣшней политикѣ, по разсмотрѣніи же какъ условій, такъ начальнаго исполненія ихъ отъ де-ла Гардія, войти въ сношенія съ послѣднимъ и отправить къ Королю его Посольство отъ имени всей Россіи о дарованіи ей одного съ Новгородомъ Государя изъ Членовъ его семейства.

Въ отвѣтъ на эту грамоту, прибыли послы Новгородскіе съ письмами тамошнихъ властей и Генерала де-ла Гардія къ Кн. Пожарскому. — Тутъ приложенъ списокъ съ договора, заключеннаго 11 Іюля 1611 года *.

Въ договорѣ, который, какъ сказано въ его началѣ, состоялся *въ то время, когда де-ла Гарди овладѣлъ Новгородомъ вооруженною рукою, и готовъ былъ осадить крѣпость*, объясняется, что условія заключены обѣими сторонами *добровольно и непринужденно* (non coacti sed sponte) и утверждены крестнымъ цѣлованіемъ въ томъ между прочимъ, чтобы

Новгородскому Княжеству быть въ мирѣ съ Швеціею, а Польшу и Литву почитать за общаго непріятеля (ст. 1).

Новгородцамъ просить у Короля одного изъ сыновей его Принцевъ Густава Адольфа или Карла Филиппа на тронъ въ Москвѣ и Россіи; признавать Короля за своего покровителя, сына его за Царя (ст. 2).

* Письма Новогорода и де-ла Гардія, также договоръ помѣщены подъ NN 278, 278, 280 и 281 т. 2, С. Г. Г. и Д.

Де-ла Гардію употребить свое ходатайство, чтобы Король принялъ Россію подъ покровительство (ст. 4).

Вѣра, имущество церкви, частная собственность неприкосновенны; прежніе законы остаются въ своей силѣ, но для *расправы будетъ равное число судей изъ Россіянъ и Шведовъ* (ст. 4, 6 и 7).

До прибытія новаго Царя все Княжество *обязывается повиноваться де-ла Гардію;* послѣднему занять Новгородскую крѣпость, защищать области Княжества, *приводить въ повиновеніе Россіянамъ окрестные непокорившіеся народы и города*, властямъ же Княжества объявлять ему о доходахъ, наличныхъ деньгахъ и запасахъ земли потому, что тѣ и другіе нужны на содержаніе войска (ст. 3, 4 и 10).

Шведовъ награждать въ Россіи жалованьемъ *и помѣстьями* (ст. 6).

Войскамъ ихъ получать жизненные припасы отъ мѣстныхъ обывателей (ст. 11).

Договору сохранять свою силу, *хотя-бы къ обязательствамъ Новагорода Государства Московское и Владимирское приступить не согласились* (ст. 12).

Прочитавъ эти *добровольныя* условія, не трудно было умнымъ Низовскимъ Полководцамъ проникнуть ихъ важность и силу. Татищевъ дополнилъ на словахъ, что въ Новгородѣ ничего добраго ждать нельзя *, положеніе же дѣлъ указывало само

* Никонов. Лѣтоп. т. 8 стр. 181; Лѣтоп. о мятеж. стр. 244.

собою, что прежде всего нужно было обратить главныя усилія противу опаснѣйшаго врага Россіи Короля Сигизмунда, исторгнуть изъ рукъ его Москву, чтобы соединились внутреннія разобщенныя области наши, а до того времени привести въ бездѣйствіе Шведовъ, *намѣревавшихся покорять окрестные города и народы*, какъ то открывали самыя условія договора, начертаннаго по ихъ волѣ.

Съ этими видами дано знать Новугороду, что всѣ будутъ рады сыну Шведскаго Короля, въ окружныхъ же грамотахъ, содержаніе коихъ легко могло дойти до свѣденія де-ла Гардія, — сообщая переписку объ этомъ предметѣ Россіи, Князь Пожарскій прибавилъ, что, *по извѣстіямъ*, нѣтъ утѣсненій нашей вѣрѣ въ сѣверныхъ областяхъ и Принцъ Филиппъ будетъ *на всей волѣ* Новгородцевъ; но что между тѣмъ нужно отъ всѣхъ городовъ прислать въ армію по нѣскольку надежныхъ людей для совѣтовъ о выборѣ общаго Государя, въ ожиданіи же выбора *ускорять пособіями* для успѣшной борьбы противу Литвы и Польши, хранить единомысліе съ войсками, не признавать Царемъ сына вдовы Самозванцевъ, имѣть осторожность отъ Заруцкаго *.

Переговоры съ Шведами тянулись до Августа мѣсяца. Новгородъ прислалъ тогда сановника Секерина съ вѣстію, что Принцъ Филиппъ уже въ Вы-

* Грамоты, писанныя въ Іюнѣ 1712 NN 281 и 282 т. 2, С. Г. Г. и Д. Никон. Лѣтоп. том. 8 стр. 184 и 185; Лѣтоп. о мятеж. стр. 248.

боргѣ, но о перемѣнѣ Лютеранскаго исповѣданія Королевича на Русское *, хранилось молчаніе.

Наблюдая противъ Швеціи туже политику, которая была съ ея стороны противъ Россіи, Кн. Пожарскій рѣшился воспользоваться еще однимъ неожиданнымъ случаемъ внѣшнихъ сношеній.

Чрезъ Россію проѣзжалъ Посолъ Персіи къ Римскому или Австрійскому Императору Рудольфу. Съ посломъ былъ Австрійскій сановникъ Іосифъ Грегори.

При извѣстности о сосѣдствѣ Австріи съ Польшею, о взаимномъ соревнованіи Державъ, неравнодушныхъ къ увеличенію или ослабленію сторонняго могущества, Князь Димитрій Михайловичъ не почелъ излишнимъ сказать сановнику Грегори, что отъ неправды Сигизмунда, губительная война обливаетъ Россію рѣками крови, что за нарушеніе Ляхами обязательствъ ихъ у насъ не думаютъ болѣе о допущеніи Владислава къ престолу Государей Московскихъ, но всѣ преимущественно заняты мыслію прекратить бѣдственное кровопролитіе и примириться съ Польскимъ Королемъ.

Это былъ вызовъ къ довѣренности. Австрійскій дипломатъ отвѣтствовалъ, что если бы пожелали отдать царскій вѣнецъ у насъ Максиміліану— брату Рудольфа: то Императоръ охотно бы отпустилъ его къ нимъ и примирилъ Россію съ Польшею.

---

* Отрывокъ грамоты N 284 т. 2, С. Г. Г. и Д.

Примѣтить должно, что Максиміліанъ искалъ прежде, и именно въ 1587 году, Польскаго престола и не получилъ его потому, что нашелъ счастливѣйшаго соперника въ томъ самомъ Сигизмундѣ, который былъ врагомъ Россіи. Отсюда сама собою раждалась мысль о нерасположеніи Австрійскаго Принца къ Королю Польши.

Выслушавъ предложеніе Іосифа Грегори, Князь Дмитрій Михайловичь отозвался, *что у насъ просятъ Императора объ его братѣ и какъ скоро Максиміліанъ прибудетъ въ Россію примутъ его съ великою радостію* *.

Искренны ли были послѣднія слова, или же истекали единственно изъ разчета озаботить Польшу съ западной стороны для отвлеченія силъ ея отъ востока,—можно судить потому, что самъ Русскій Полководецъ сообщая Россіи о сношеніяхъ съ Новгородомъ, относилъ столь важный предметъ, какъ выборъ Главы для великой Державы, къ совѣщаніямъ съ чинами всего Государства **.

Австрійскій сановникъ и Дворъ его принимали слова Князя съ другой стороны, потому что подавались ими слишкомъ пріятныя и рѣдкія надежды, въ такихъ же случаяхъ вѣроятное считается непреложнымъ.

---

* Эти переговоры описаны въ Наказѣ посольству, отправленномъ въ Іюнѣ 1613 г. изъ Москвы въ Вѣну съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Царя Михаила Феодоровича. См. N 15 т. 3, С. Г. Г. и Д.

** Грамоты N 281 и 282 т. 2, о коихъ сказано выше.

Императоръ немедленно предложилъ Русскій тронъ брату; Максимиліанъ отвѣчалъ, что при старости онъ желаетъ себѣ только спокойствія, но Рудольфъ тѣмъ неудовольствовался. По его порученію, Грегори писалъ къ Князю Пожарскому, что другой Принцъ двоюродный братъ Императора можетъ быть отпущенъ на Московское Государство, буде оно того пожелаетъ, а для дальнѣйшихъ переговоровъ о томъ отправлено будетъ знатное посольство *.

Рудольфъ скоро потомъ скончался. Преемникъ его Матіасъ не теряя изъ виду дѣла, обѣщавшаго огромныя выгоды, сдѣлалъ сильное внушеніе Польскому Правительству, чтобы прекратило непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

Внушеніе не осталось безъ послѣдствій, но объ нихъ, равно какъ о дальнѣйшихъ переговорахъ съ Шведами сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Доколѣ Русская армія стояла въ Ярославлѣ и его окрестностяхъ, безпрестанно присоединялись къ ней новые охотники. Пріемъ былъ радушный для каждаго соотечественника, но вспомнить должно, что казаки Заруцкаго были также Россіяне, а Московская Дума еще не вовсе лишена была средствъ покупать услуги для себя и Ляховъ.

Трудно было взять и постоянно хранить столько предосторожностей, чтобы между многими вѣрными сынами отечества не вкралось и нѣсколько

* Грамота N 15 т. 3, С. Г. Г. и Д.

людей съ противными видами. Между тѣмъ какъ истиннымъ, такъ и мнимымъ защитникамъ Государства было не мало такого времени, въ которое могли они предаваться праздности. Войску надлежало выжидать пособій и приготовленій, особенно сбора огнестрѣльнаго оружія, который требовалъ подвозовъ отдаленныхъ и затруднительныхъ; воиновъ же порознь тогда мало озабочивало повтореніе уроковъ службы, содержаніе одежды въ порядкѣ и чистотѣ.

Отъ праздности, отъ смѣси разнородныхъ элементовъ, естественнымъ образомъ долженствовали выходить злыя сѣмена, отъ сѣмянъ плоды. Появились несогласія между воинами и жителями. При долговременномъ постоѣ, при разности личныхъ свойствъ и надобностей, можетъ быть не всѣ младшіе, но къ простымъ ратникамъ ближайшіе начальники могли съ одинаковымъ искуствомъ упреждать своевольства, жалобы и раздоры,—отъ распрей же недалеко до ослабленія войска и упадка довѣрія въ народѣ.

Отличаясь всегда усердіемъ къ дѣлу отечества Троицкій монастырь получилъ съ горестію вѣсти о несогласіяхъ въ Ярославлѣ. Келарь старецъ Аврамій отправился немедленно въ армію *.

Казалось этой только души недоставало для совѣтовъ Князя Пожарскаго и Минина. Въ трехъ мужахъ различныхъ по званію, равныхъ по высо-

---

* 28 Іюня 1612. Рукопись Палицына л. 185 и 186.

кимъ чувствамъ, представлялось олицетвореніе качествъ, служащихъ красою земли своей.

Тогда же изъ того же Троицкаго монастыря прибылъ къ войску уволенный отъ паствы бывшій Митрополитъ Ярославскій и Ростовскій Кириллъ. Низовскіе Полководцы убѣдили его занять прежнюю кафедру, праздную отъ того, что преемникъ его Филаретъ уже былъ отправленъ Сигизмундомъ въ Литву, какъ узникъ.

При распряхъ между вождями, воинами и жителями Келарь Аврамій былъ посредникомъ и примирителемъ; гдѣ не имѣлъ онъ успѣха, тамъ Митрополитъ Кириллъ, какъ судія, рѣшалъ дѣла по жалобамъ. Рѣшенія уважались — по чистотѣ ихъ и потому, что благочестивые сыны Россіи никогда не были равнодушны къ словамъ высшихъ духовныхъ особъ *.

Келарь сверхъ того подалъ мысль, чтобы для помощи ополченіямъ подъ Москвою и вѣроятно для самаго облегченія жителей отъ военныхъ тягостей, отправить нѣсколько отрядовъ арміи къ столицѣ **.

Князь Пожарскій уважилъ совѣты разумнаго старца и тѣмъ скорѣе исполнилъ ихъ, что около тогоже времени прибыли послы изъ Переяславля-Залѣсскаго и Московскаго стана съ представленіями, требовавшими подобной мѣры. Переяславцы просили покровительства арміи противъ казаковъ Заруц-

* Никон. Лѣт. т. 8 стр. 183; Лѣт. о мятеж. стр. 247.
** Рукоп. Палицына л. 186.

каго, пришедшихъ въ страну ихъ. Князь Трубецкій и Заруцкій просили Низовскихъ Полководцевъ спѣшить къ Москвѣ, угрожаемой движеніями Гетмана Ходкевича.

Князь Пожарскій послалъ: къ Переяславлю отрядъ съ Воеводою Наумовымъ; къ Москвѣ полки съ Воеводами Дмитріевымъ и Кн. Лопатою. Предписано Дмитріеву стать у Петровскихъ, Кн. Лопатѣ у Тверскихъ воротъ *.

Благоустройство арміи возстановилось, къ ней прибыли отъ Кн. Трубецкаго новые послы, Кондыревъ и Бѣгичевъ, умоляли спѣшить походомъ потому, что ополченія, пришедшія къ Князю изъ Украинскихъ городовъ, готовы разсыпаться: къ нимъ недопускалось продовольствіе отъ Заруцкаго, вступившаго уже въ бракъ со вдовою Самозванцевъ.

Увидя обиліе и порядокъ въ Ярославлѣ, вспомня о бѣдствіяхъ, испытанныхъ подъ Москвою отъ казаковъ, Кондыревъ и Бѣгичевъ долго не могли отъ слезъ произнести ни одного слова. Кн. Дмитрій Михайловичь и его воины знали этихъ пословъ по прежней службѣ, но видя предъ собою людей со впалыми лицами, блѣдныхъ, покрытыхъ рубищами, едва повѣрили глазамъ своимъ, что предъ ними ихъ прежніе товарищи. Велѣно тотчасъ снабдить ихъ деньгами на путь, сукнами на одежду;

---

* Никон. Лѣт. стр. 186 и 187. Переяславль-Залѣсскій на половинѣ пути отъ Ярославля къ Москвѣ — отъ каждаго изъ этихъ городовъ почти во 125 верстахъ.

отпустить подъ Москву съ вѣстію, что армія быстро двинется за ними.

Когда послы возвратились въ станъ подъ столицею и разсказали, что видѣли, Заруцкій велѣлъ было умертвить ихъ, чтобы не распространялась молва объ устройствѣ Низовскаго войска. Они должны были скрыться въ полкахъ Воеводы Дмитріева *.

Приготовленія къ походу арміи подъ Москву, предъ самымъ окончаніемъ ихъ, едва было не расстроились отъ другаго злодѣйскаго умысла Заруцкаго.

Покусясь остановить движенія Низовскаго войска посылкою казацкихъ отрядовъ то въ смежности его къ Угличу и Кашину, то на перерѣзъ пути къ Переяславлю, представлявшему окрестными горами и лѣсами тѣснины, удобныя для обороны, Заруцкій видѣлъ неудачу военныхъ своихъ предпріятій, но неотчаявался въ успѣхѣ такого же опыта, какой удался ему противъ Ляпунова.

Нѣсколько приверженцовъ послано коварнымъ атаманомъ въ Ярославль. Одинъ изъ нихъ Семенъ Хваловъ успѣлъ даже опредѣлиться въ ближнюю дружину Князя Пожарскаго, жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ, получалъ отъ него пищу и одежду. Хваловъ долго думалъ съ своими единомышленниками, какъ исполнить порученіе Заруцкаго. Обѣщаніе награды за убійство не выходило изъ головы

* Никон. лѣт. т. 8, стр. 186; лѣт. о мятеж. стр. 252.

злодѣя. Особенно казалось ему удобнымъ умертвить Князя во время сна, но или страхъ, или совѣсть, или присутствіе стороннихъ людей удерживали руку, готовую нанести роковой ударъ. Время проходило въ ожиданіи другихъ случаевъ, между тѣмъ подвозы артиллеріи заставляли думать, что армія скоро двинется къ Москвѣ. Заруцкій страшился этого похода больше всего и посылалъ къ своимъ клевретамъ въ Ярославль одного повѣреннаго за другимъ, съ внушеніями, чтобы ускорили убійствомъ. Заговорщики и посольства къ нимъ находили всегда ласковый пріемъ въ Ярославлѣ и отъ того колебались въ исполненіи замысла. Нерѣшимость и колебанія продолжались до того времени, какъ пріѣхали въ армію отъ Заруцкаго казаки Обрѣзокъ и Степанъ (Стенька, прозванія неизвѣстно). Два новые клеврета привезли письма отъ своего атамана къ соумышленникамъ: жителю Смоленска Ивану Доводчикову, стрѣльцамъ изъ того же края и какому-то Шандѣ—вѣроятно казаку, съ ихъ товарищами. Склоняя заговорщиковъ къ поспѣшности, они однако больше слышали совѣтовъ, чѣмъ видѣли настоящихъ покушеній. Казакъ Стенька долго смотрѣлъ на нерѣшительность товарищей, наскучилъ ею и принялъ все дѣло на себя. Онъ ждалъ случая поразить Князя при собраніи народа, чтобы пользуясь тѣснотой, можно было укрыться въ толпѣ. Случай представился. Кн. Дмитрій Михайловичь долженъ былъ осматривать артиллерію, которая отправлялась уже подъ Москву. При выходѣ любимаго На-

чальника, стеклось около него по обыкновенію множество сановниковъ, простыхъ воиновъ и гражданъ. Въ толпѣ удалось Стенькѣ занять мѣсто по близости отъ Князя, и когда за тѣснотою и движеніями народа, казакъ Романъ для услуги ли Князю, или для пособія злодѣю, взялъ перваго подъ руку, послѣдній кинулся между ними, чтобы со всею силою ударить ножемъ въ животъ своей жертвы. Ударъ отъ торопливости и тѣсноты миновалъ цѣль и вмѣсто ея поразилъ казака Романа въ ногу. Онъ былъ столь тяжелъ и силенъ, что пораженный имъ упалъ и испустилъ стонъ. Относя случай къ нечаянности и тѣснотѣ, не подозрѣвая злыхъ умысловъ, Князь намѣревался продолжать свой путь, но воины около его бывшіе, замѣтили дѣло, остановили своего Полководца и сказали, что покушеніе направлено было именно противъ его жизни. Ножъ тотчасъ найденъ, убійца бросивъ его, стоялъ еще на прежнемъ мѣстѣ, чтобы бѣгствомъ не открыть себя, — но ужасъ на лицѣ—спутникъ преступленія—указалъ преступника. Тутъ воины и граждане стали его допрашивать съ криками ярости и пыткою. Устрашась мученій, виновный признался въ своемъ злодѣйствѣ и открылъ участниковъ замысла. Немедленно схвачены злоумышленники, приставлена къ нимъ крѣпкая стража, наряженъ судъ, но великодушный Полководецъ хотѣлъ не казни и несчастій, а обличенія истиннаго виновника дѣлу. Заставили подсудимыхъ раскрыть всѣ подробности вины ихъ предъ цѣлымъ Низовскимъ войскомъ. Разсказъ про-

извелъ такое негодованіе, что воины хотѣли тотъ же часъ предать заговорщиковъ смерти. Князь остановилъ безпорядочныя движенія своихъ сподвижниковъ, далъ имъ почувствовать, что судъ и месть за злодѣйское предпріятіе, лично противъ него умышленное, принадлежитъ начальству, — то-есть ему самому, что судъ свой оставляетъ онъ Богу, а месть его кающимся преступникамъ — прощеніе. Послѣ того многіе изъ подсудимыхъ отпущены въ свои домы *, нѣсколько людей, признанныхъ болѣе виновными или опасными, разосланы по городамъ для содержанія подъ стражею, нѣсколько взято съ войсками подъ Москву для улики главнаго соумышленника.

Выступая съ арміею къ Столицѣ, Князь Димитрій Михайловичь приносилъ теплыя молитвы Богу подателю побѣдъ. Рѣдко бывали столь важныя причины мольбамъ о помощи неба. Знакомый съ войною, Князь не могъ забыть, какъ много пораженія и побѣды зависятъ иногда отъ случаевъ, вовсе неожиданныхъ. Полководецъ имѣлъ войско усердное, но для обезпеченія успѣха не довольно многочисленное. Онъ шелъ къ Москвѣ, гдѣ кромѣ внѣшняго врага, ждалъ его приговоръ Думы, признавшій защитника столицы въ числѣ измѣнниковъ, противу коихъ и тайное злодѣйство считалось дозволеннымъ; — гдѣ съ воинами Князя Трубецкаго, подававшими слабыя надежды на помощь, стояли еще

* Никон. лѣт. т. 8, стр. 187; лѣт. о мятеж. стр. 252.

Заруцкій и его полчища съ ножами коварныхъ убійцъ. На пути къ столь опаснымъ мѣстамъ, вопросъ о жизни и смерти, къ коему не безъ усилій привыкаетъ мужество, не безъ трепета подходитъ самое отчаяніе, требовалъ томительныхъ размышленій даже отъ беззаботной головы. Надлежало не щадить жизни для побѣды, — и бояться смерти для торжества великому дѣлу. Вся сила ума и воли требовалась къ расчету, тамъ, гдѣ неминуемымъ его слѣдствіемъ выходило или безсмертіе, удѣлъ спасителя отечества, или позоръ, доля Государственнаго преступника. На вѣсахъ тогдаже лежали: съ одной стороны все, что любезно человѣку, спокойствіе и достоинство роднаго края, счастіе семейства, благоденствіе друзей и вѣрныхъ спутниковъ на полѣ чести; съ другой бѣдствія, слезы и проклятія, коимъ Предводитель войска могъ или сдѣлаться свидѣтелемъ на остатокъ горестной жизни, или почитаться виновникомъ по смерти даже тогда, какъ послѣдній часъ его далъ бы ему право на имя героя.

Молитвами въ Ярославлѣ, повидимому не вполнѣ было возвращено спокойствіе душѣ Полководца. Онъ желалъ повторить ихъ въ Суздальскомъ Ефимьевѣ монастырѣ и проститься тамъ у гробовъ своихъ предковъ. Неустрашимый воинъ стоялъ уже не разъ лицемъ къ лицу со смертію, но до наступившаго времени духъ его никогда еще не встрѣчался съ неизвѣстностію, суждено ли потомку положить свои кости безъ стыда подлѣ священнаго праха его предковъ.

Съ ночлега — въ 7 верстахъ отъ Ярославля — Полководецъ съ немногими спутниками отправился въ Суздаль, поруча войско Князю Хованскому и Минину. Имъ велѣно слѣдовать малыми переходами къ Ростову и собирать еще людей какъ можно больше.

Повелѣніе исполнено къ радости благочестиваго Вождя. При возвратѣ въ Ростовъ, онъ нашелъ тамъ всѣ свои полки съ новыми рядами товарищей, прибывшихъ изъ окрестностей. Тогда же по слухамъ о движеніи Шведовъ къ верховью Шексны посланъ сильный отрядъ съ Воеводою Образцовымъ на Бѣлое Озеро *. Умные Военачальники даже въ то время, когда увѣдомляли Россію о надеждахъ на сѣверныхъ сосѣдей, не забыли послать къ Устюжнѣ и Торжку наблюдательные отряды **. Этой мѣрѣ давался видъ предосторожности противу Литвы, между тѣмъ она предваряла Шведовъ, что пути отъ Новагорода къ Москвѣ и отъ Тихвина къ Ярославлю прикрыты.

Слыша о начатомъ движеніи арміи отъ Ярославля къ Москвѣ, Заруцкій, какъ заставляютъ думать свойства и дѣла его, — рѣшился испытать, не удастся ли ему пораженіемъ одного изъ Низовскихъ отрядовъ, прибывшихъ прежде къ Столицѣ, внушить страхъ къ своей силѣ, подать по-

---

* Никон. Лѣтоп. т. 8, стр. 188; Лѣтоп. о мятеж. стр. 253.

** Грамота Іюня 1612 N. 281, т. 2, С. Г. Г. и Д. Отъ Устюжны до Тихвина 210; отъ Москвы до Торжка 226 верстъ. Чрезъ эти города нынѣ почтовыя дороги.

водъ къ колебаніямъ, переговорамъ и потерѣ такого времени, послѣ коего ополченія истощивъ собранныя пособія и не надѣясь замѣнить ихъ въ мѣстахъ, уже опустошенныхъ, побуждены будутъ самою необходимостію разойтись по домамъ, какъ бывало въ старину, особенно предъ наступленіемъ зимы и при недостаткѣ въ подножномъ кормѣ.

Въ этомъ намѣреніи коварный Атаманъ сдѣлалъ внезапное ночное нападеніе на полки Кн. Пожарскаго Лопаты, стоявшіе у Тверскихъ воротъ.

Расчетъ злодѣя не удался и здѣсь, какъ въ Ярославлѣ, Казаки его нашли противниковъ осторожными и вмѣсто успѣха понесли пораженіе *. Тутъ уже стало понятно преемнику Самозванцевъ, чего должно ждать головѣ его при встрѣчѣ съ цѣлою эрміею и тѣми Полководцами, отъ коихъ дѣла его болѣе не тайна. Преступный мечтатель, обличенный и несчастный злоумышленникъ, ужасаясь возмездія за свои предпріятія, бѣжалъ къ Коломнѣ, взялъ тамъ достойную жену свою и ея сына, ограбилъ городъ, пошелъ за Оку, раззорялъ селенія на пути и расположился въ Михайловѣ **.

Съ Заруцкимъ ушли Казаки его, почти половина воиновъ Московскаго стана,—однакожъ не мало ихъ товарищей съ худыми и добрыми намѣреніями остались подъ Москвою. Изъ числа таковыхъ старшина Внуковъ съ дружиною имѣя на совѣсти

---

* Рукоп. Палицына.

** Ник. Лѣт. т. 8, стр. 188; Лѣт. о мятеж. ст. 153.

прежнее поведеніе, желалъ узнать благовременно, нѣтъ ли въ Низовскомъ войскѣ предположеній, вредныхъ имъ лично.

Явныя развѣдыванія были неудобны и потому Внуковъ закрылъ ихъ выдумкою, будто бы онъ и его спутники посланы отъ Московскаго стана съ просьбою, чтобъ армія ускорила походомъ.

Кн. Пожарскій и Мининъ не имѣли причинъ вѣрить этому посольству, но не желая взысканіями за неясныя дѣла возбуждать непріязнь вмѣсто дружбы, отпустили Внукова и Казаковъ подъ Москву съ дарами, деньгами и сукномъ. Армія продолжала походъ чрезъ Переяславль-Залѣсскій и Троицкій монастырь *.

Въ окрестностяхъ знаменитой Сергіевой Лавры войска остановлены. Между вождями, дотолѣ единодушными, произошло разномысліе.

Одни полагали спѣшить къ Столицѣ, чтобы упредить какъ прибытіе Гетмана съ пособіями для Кремля и Китая, такъ наступленіе распутицы и суроваго времени, когда осадныя работы и подвозъ продовольствія затруднительны, войскамъ грозитъ ослабленіе отъ болѣзней, отъ самой непривычки людей къ продолжительнымъ отлучкамъ отъ домовъ.

Другіе считали необходимымъ войти прежде въ переговоры съ Казаками, оставшимися при Кн. Трубецкомъ, дабы армія не имѣла двухъ враговъ и

---

* Ник. Лѣт. т. 8 стр. 189.

внѣшняго и домашняго; чтобы самая жизнь Главнаго Предводителя войска, отъ коей все зависѣло, не подверглась подъ Москвою, какъ въ Ярославлѣ, вторичнымъ покушеніямъ, вѣрнѣе разочтеннымъ или удачнѣе направленнымъ *.

Какъ доводы обѣихъ сторонъ были не безъ уважительныхъ основаній: то естественнымъ слѣдствіемъ ихъ выходила нерѣшимость, имѣющая часто самое невыгодное вліяніе на духъ войска. — Время не дозволило однако усилиться сомнѣніямъ.

Къ арміи начали прибывать изъ Московскаго стана Дворяне и Казаки одинъ за другимъ. Всѣ приносили вѣсть о скоромъ прибытіи Гетмана съ полками его къ Столицѣ.

Тутъ Кн. Пожарскій рѣшилъ, что нѣтъ болѣе времени для уговоровъ съ Казаками, послалъ передовый полкъ съ Кн. Туренинымъ подъ Москву и на другой день (18 Августа) двинулъ тудаже всю армію.

Между воинами, предъ походомъ ихъ распространился было особенный страхъ. Суевѣріе вывело зловѣщее предзнаменованіе изъ случайности. Сильный вѣтеръ дулъ на встрѣчу войска и поднималъ облака пыли.

За уничтоженіе столь неумѣстной боязни Полководцы преимущественно были обязаны Архимандриту Діонисію.

---

* Никон. Лѣтоп. т. 8 стр. 189; Лѣт. о мят. стр. 254 и 255; рукопись Палицына л. 187.

Съ крестомъ, иконами, св. водою и соборомъ иноковъ Архимандритъ вышелъ изъ монастыря и сталъ на возвышеніи у Московской дороги. Полки проходили мимо ихъ. Діонисій благословляя воиновъ кропилъ въ слѣдъ полкамъ св. водою и со слезами говорилъ имъ: «Богъ съ вами; да поможетъ вамъ Св. Сергій стоять крѣпко и сносить самыя страданія за истину и православную вѣру».

Въ этотъ часъ благочестивымъ воинамъ явилось какъ бы видимое знаменіе помощи Божіей. Вѣтеръ, дотолѣ бывшій въ лицо имъ, сдѣлался попутнымъ, подулъ съ такими порывами, что едва можно было держаться на коняхъ, и тѣ, кои выводили прежде злыя предвѣстія изъ явленій природы, удивляясь перемѣнѣ ихъ въ часы молитвы, шли уже въ путь свой съ криками радости и громкими обѣтами умереть за вѣру отцевъ *.

Келарь старецъ Аврамій пошелъ съ добродѣтельными вождями и войскомъ къ Столицѣ, какъ неразлучный другъ ихъ, какъ орудіе, избранное промысломъ къ пособіямъ великому дѣлу.

---

* Никон. Лѣт. т. 8 стр. 194; Лѣт. о мятеж. стр. 260; рукоп. Палиц. л. 188.

ГЛАВА V.

Прибытіе русскаго войска подъ Москву. Начало несогласій. Подвиги Кн. Пожарскаго, Палицына и Минина въ битвахъ подъ Москвою. Освобожденіе русской столицы отъ непріятеля. Новыя тревоги.

Къ ночи на 20 Августа расположилась армія на р. Яузѣ въ 5 верстахъ отъ Москвы. Кн. Трубецкой присылалъ къ ней многократно приглашенія стать въ окопахъ его табора. — Вечерняя темнота и усталость людей препятствовали на тотъ разъ новымъ движеніямъ войска и оправдывали отказъ его на приглашеніе. Между тѣмъ на совѣщаніе всѣхъ Низовскихъ Начальниковъ предложенъ вопросъ, должно ли вообще ставить армію въ окопахъ прежняго табора?

Этотъ вопросъ по времени былъ весьма важенъ. Кн. Трубецкой былъ по чину старѣе Князя Пожарскаго. Первый былъ еще недавно равнымъ Ляпунову, вторый подчиненнымъ этого Предводителя. Помѣщеніе Низовскихъ полковъ въ станѣ, устроенномъ не ими, ставя эти полки въ тоже состояніе, въ какомъ были пособія, присылавшіяся дотолѣ къ Москвѣ отъ другихъ городовъ, переносило власть надъ всѣми войсками къ одному прежнему Начальнику стана или по-крайней-мѣрѣ подавало видъ права къ требованіямъ подобной власти, основаннаго на недавнихъ примѣрахъ и старшинствѣ. Должно ли было признать такое право?

Для положительнаго и для отрицательнаго рѣшенія нужны здѣсь были большія усилія ума. То и другое сопрягалось съ чрезвычайными выгодами и неудобствами, оцѣнка коихъ принадлежала однимъ главнымъ участникамъ дѣла и слѣдовательно тутъ неминуемо было вмѣшательство страстей.

Единство власти легче соглашало сложныя дѣйствія войны и политики къ одной цѣли. При недостаткѣ единства трудно было избѣжать распрей между Начальниками и самыми ихъ подчиненными, какъ доказывалъ близкій примѣръ Ляпунова. Сверхъ того надлежало отъ младшаго по сану лица отклонить упреки въ гордости и несправедливости, отъ дѣла-же почти невозможно было устранить тѣ послѣдствія, коими угрожали ему несогласія въ войскѣ и совѣтахъ.

Этимъ уваженіямъ противурѣчили воспоминанія, тогда еще слишкомъ свѣжія. Кн. Трубецкой уже болѣе года находился у Москвы. Ратники, неоднократно прибывавшіе къ нему въ станъ, терпя крайность нужды за неумѣніемъ вождя обезпечить ихъ продовольствіе, или расходились по домамъ, или предавались своевольствамъ, не принеся пользы для ихъ страны. Такими дѣйствіями не внушалось ни довѣрія къ Начальнику, ни уваженія къ власти; наводились опасенія, чтобы своевольства стана не сообщились арміи, чтобы ея предводители не нашли въ сбродѣ табора скрытыхъ враговъ. Отсюда выходилъ расчетъ взять осторожность противу сомнительнаго поведенія Казаковъ табора, но стараться обратить

ихъ мужество въ пользу. Могъ ли Кн. Пожарскій дѣло, ему порученное, передать другому, безъ убѣжденія въ пользѣ, безъ тяжкой отвѣтственности предъ отечествомъ, сподвижниками и своею совѣстію; не лучше ли ему было подвергнуть себя упрекамъ за гордость и властолюбіе, чѣмъ умножать опасности для дѣла великаго и святаго? Духъ благороднаго Князя не колебался между личными уваженіями и пользою общественною.

Утромъ 20 Августа пошла армія въ Москву. Князь Трубецкой выѣхалъ ей на встрѣчу съ нѣсколькими воинами, повторилъ прежнія приглашенія въ таборъ и получилъ отказъ. Армія расположилась у Арбатскихъ воротъ, начала строить окопы. Князь Трубецкой и его казаки стали питать непріязненное расположеніе къ Князю Пожарскому, Минину и сподвижникамъ ихъ за отказъ въ тѣснѣйшемъ соединеніи силъ.

На другой день разъѣздами, посланными отъ арміи, донесено ея Предводителю, что Польскій Гетманъ выступя изъ села Вяземы, остановился на Поклонной горѣ въ 7 верстахъ отъ Москвы.

Ночью на 22 Августа Гетманъ перешелъ Москву рѣку подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и приблизился къ Чертольскимъ воротамъ. — Князь Пожарскій поставилъ войска свои въ боевой порядокъ. Кн. Трубецкой расположась у Крымскаго двора на другомъ берегу рѣки, предложилъ, чтобы отдано было отъ арміи въ его распоряженіе нѣсколько сотенъ или дружинъ конницы для удара непріяте-

лю во флангъ. Не подозрѣвая коварнаго умысла въ этомъ предложенiи, Князь Дмитрiй Михайловичь послалъ пять лучшихъ сотенъ къ своему товарищу. Битва началась въ первомъ часу дня *. Гетманъ съ конницею производилъ жаркiя нападенiя на Низовское войско. Первыя атаки встрѣтили твердую оборону. Онѣ отбиты, повторились, и въ тоже время вылазка изъ Кремля напала на Русскiе ряды съ боку. Упорная битва продолжалась до 8 часу дня. Замѣтивъ преимущества Литовской конницы, Князь Пожарскiй велѣлъ своей спѣшиться. Бой закипѣлъ съ новою яростiю. Войска такъ сблизились, что противники едва не схватывались руками. Уже Русское войско истощало послѣднiя усилiя, чтобъ удержать свое мѣсто. Князь Трубецкой не помогая ему, лишилъ только содѣйствiя отборной конницы, предъ боемъ отъ него испрошенной. Казаки говорили о Низовцахъ: «богаты пришли изъ Ярославля, одни отстоятся отъ Гетмана.»—Тутъ отборныя дружины Низовцевъ, съ казаками стоявшiя, всматриваясь въ ходъ сраженiя за рѣкою и порываясь мужествомъ на помощь братьямъ, потребовали себѣ отпуска, получили отказъ Трубецкаго, не послушались и бросились на бой. Примѣръ нашелъ подражателей. Казацкiе Атаманы Козловъ, Межаковъ, Коломна и Романовъ сказали прямо своему Главному Предводителю, что отъ несогласiя начальниковъ гибнутъ напрасно войско и Россiя,—не ждали от-

* Часы дня въ началѣ XVII вѣка считались у насъ отъ возхода, часы ночи отъ заката солнца.

вѣта на упреки, кликнули товарищей и полетѣли также на битву.

Ударами дружинъ и казаковъ разстроена часть боевой линіи непріятеля. Кн. Пожарскій примѣтилъ дѣйствіе и умѣлъ извлечь изъ него важную пользу. Гетманъ отбитъ и отступилъ къ Поклонной горѣ; вылазка отражена, собрано на мѣстѣ боя и предано землѣ болѣе 1,000 Литовскихъ труповъ *.

Неудача не устрашила Гетмана: онъ успѣлъ ночью на 23 Августа ввести часть обоза въ Китай подъ прикрытіемъ отряда изъ 600 человѣкъ. Этотъ отрядъ овладѣлъ крѣпостцею, поставленною Кн. Трубецкимъ подлѣ церкви Св. Великомученика Георгія, хотя казаки стояли по близости у Донскаго монастыря.

Дабы пресѣчь сообщенія Кремля и Китая съ Гетманомъ, Кн. Пожарскій перевелъ свои войска на правый берегъ Москвы рѣки, сдѣлалъ нѣсколько окоповъ подлѣ церкви Св. Климента на нынѣшней Пятницкой улицѣ.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ 24 Августа, обѣ стороны готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Гетманъ со всѣми силами перешелъ отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю.

Кн. Трубецкой расположилъ свое ополченіе у Лужниковъ по лѣвому берегу рѣки, Кн. Пожарскій сталъ на правомъ берегу по близости церкви Св.

* Никон. Лѣтоп. т. 8 стр. 191; лѣтоп. о мятеж. стр. 158; рукоп. Палицына л. 189.

Пророка Илiи Обыденнаго, другiе Низовскiе Воеводы расположились на пожарищѣ Деревяннаго города и по рву, его окружавшему. Окопы у Климентовской церкви заняты казаками.

По этому расположенiю войскъ надлежало Кн. Пожарскому первому встрѣтиться съ Гетманомъ.

Съ разсвѣтомъ понедѣльника силы противныхъ сторонъ сблизились, началась битва. Кн. Трубецкой съ его ополченiемъ не принимая участiя въ сраженiи, оставили занятое ими мѣсто и пошли къ укрѣпленному своему стану. Толпы казаковъ изъ любопытства ходили взадъ и впередъ около церкви Св. Великомученика Никиты,—то переправлялись съ праваго берега на лѣвый, то съ лѣваго на правый. Такимъ образомъ одному Низовскому войску и горсти казаковъ, въ Климентовскомъ окопѣ поставленныхъ, надлежало выдерживать бой. Гетманъ не могъ не знать объ отступѣ Кн. Трубецкаго и усиливая нападенiя на Низовцовъ, постепенно вводилъ въ дѣло всѣ свои полки.—До шестаго часу дня всѣ атаки Ходкевича встрѣчали упорное сопротивленiе. Въ 6 часу послѣдовалъ самый яростный натискъ всѣми силами Ляховъ, вылазка изъ города подкрѣпила его ударомъ во флангъ Низоваго войска. Тутъ наша конница смѣшалась, опрокинута на пѣхотные полки и произвела разстройство въ послѣднихъ. Часть нашей линiи втоптана въ Москву рѣку, Климентовскiй окопъ — оставленъ казаками, Ляхи, вышедшiе изъ-за стѣнъ Кремлевскихъ, заняли его, ввели туда обозы съ запасами и на церковной ко-

локольнѣ выставили свое знамя. Кн. Пожарскій и Мининъ, припертые къ Москвѣ рѣкѣ, напрягали отчаянныя усилія, требовали помощи отъ Трубецкаго и получали—одни отказы. Положеніе ихъ становилось отъ часу болѣе труднымъ и опаснымъ, однако случайность поправила его на время.

Казаки, оставившіе Климентовскій окопъ, увидя надъ церковью непріятельскія знамена, примѣтивши обозъ, туда вступавшій, почувствовали упреки совѣсти, жалость о храмѣ, и можетъ быть надежду на хорошую добычу. Они возвратились къ церкви, напали съ бѣшенствомъ на окопъ, перекололи множество непріятелей, гнали прочихъ частію къ Кремлевскимъ стѣнамъ, частію къ Гетманскому войску. Тревога у окопа обративъ на себя вниманіе Литовскихъ полковъ, дала Низовскому войску часъ для возстановленія порядка въ его разорванной линіи; — но этотъ часъ былъ слишкомъ кратокъ и дѣло снова начало принимать сомнительный видъ. Казаки усмотрѣвъ нѣсколько Низовскихъ дворянъ, стоявшихъ въ бездѣйствіи, охладили воинственный свой жаръ. Мѣсто его заступила горесть и негодованіе, посыпались упреки дворянамъ за богатство ихъ, жалобы на свою бѣдность и голодъ, громкія клятвы, что не пойдутъ болѣе на непріятеля.

Гетманъ узнавъ, что казаки не подаютъ помощи Низовцамъ,—усилилъ нападенія на послѣднихъ, стѣснилъ ихъ, поставилъ свой подвижной лагерь (бивакъ) у Екатерининской церкви, расположилъ тамъ артил-

лерію, занялъ ровъ своими войсками и даже подвинулъ часть ополченія своего за ровъ.

Кн. Пожарскій и Мининъ предвидѣли съ горестію несчастный конецъ битвы, но сохраняя присутствіе духа, рѣшились испытать новое средство. Послано за Келаремъ Аврамiемъ, который въ часы битвы приносилъ въ церкви Св. Иліи молитвы Богу о дарованіи побѣды. Прибывъ къ Князю и Минину, старецъ нашелъ ихъ съ нѣсколькими дворянами въ слезахъ. Его просили отправиться въ казацкіе таборы, убѣждать, чтобы непредали врагамъ своихъ братьевъ. При горести Полководцевъ, Аврамій прослезился и самъ, забылъ свою старость и полетѣлъ къ Климентовскому окопу. Здѣсь онъ увидѣлъ множество убитыхъ Литовцевъ. Казаки съ оружіемъ стояли по близости. Умный старецъ утѣшалъ послѣднихъ, хвалилъ и между прочимъ сказалъ: «отъ васъ началось доброе дѣло. Вы всегда стояли крѣпко за православіе отцевъ, не думали о ранахъ, о наготѣ, о голодѣ, и въ дальнія государства пронесли славу о своей доблести. Ужели попустите нынѣ, чтобы всѣ добрыя дѣла ваши, вся прежняя слава и самое начало блистательнаго труда здѣсь, погибли въ одно мгновеніе».

Глубоко тронутые казаки просили старца, чтобы шелъ къ ихъ товарищамъ и уговаривалъ ихъ къ содѣйствію, сами же клялись умереть и не возвращаться съ боеваго поля безъ побѣды.

Поощряя ожившій жаръ, старецъ далъ казакамъ новый воинскій кликъ, имя Св. Сергія.

Отъ Климентовскаго окопа обратился онъ къ другимъ мѣстамъ. У церкви Св. Никиты находилось множество казаковъ. Одни были еще на правомъ берегу, другіе переходили на лѣвый, чтобы возвратиться въ свои станы. Аврамій остановилъ ближайшихъ, просилъ ихъ со слезами идти на помощь къ братьямъ. Казаки стоявшіе на правомъ берегу полетѣли въ пылъ боя; тѣже, которые перешли на лѣвую сторону, не ждали увѣщаній старца, но кто по лавамъ, кто въ бродъ, побѣжали въ слѣдъ за товарищами.

Ободренный успѣхами, мудрый инокъ обратился къ казацкимъ станамъ. Здѣсь увидѣлъ онъ, что своевольные ратники одни пѣли, другіе занимались игрой, не помышляя о битвѣ.

Тѣже убѣжденія имѣли тотъ же успѣхъ. Къ Екатерининской церкви, гдѣ были главныя силы Гетмана, летѣли казаки со всѣхъ сторонъ: одни босые, другіе въ лохмотьяхъ, но всѣ съ оружіемъ и кликами: «Сергіевъ, Сергіевъ». Частый свинцовый градъ посыпался отовсюду на непріятеля. Дымъ пальбы разостлался темнымъ облакомъ по кровавому полю. Кн. Пожарскій успѣвши привести въ порядокъ свою конницу и подкрѣпя ее всею пѣхотою, двинулъ густыя колонны на рѣшительный ударъ. Климентовскій окопъ снова покоренъ Россіянами. Здѣсь однихъ Венгровъ пало болѣе 700 чел. Начались яростныя нападенія на Гетманскій станъ, но когда побѣда еще колебалась, небо какъ бы въ награду добродѣтели Минина, предоставило ему сла-

ву рѣшить участь жестокой битвы. Указывая Кн. Пожарскому на слабую оконечность лѣваго непріятельскаго крыла. Мининъ просилъ конницы для удара во флангъ, получилъ ее изъ резерва съ храбрымъ Ротмистромъ Хмѣлевскимъ, перешелъ рѣку у Крымскаго двора, смялъ Литовцевъ, и растройство этой части войска ихъ сообщилось всей линіи. Пѣхота и остальная конница довершили пораженіе непріятеля. Гетманъ бросилъ станъ, артиллерію и запасы въ добычу побѣдителямъ.

Войска наши до того разгорячились, что хотѣли продолжать битву даже по наступленіи вечерней темноты. Начальники остановили ихъ, сказали, что для одного дня не бываетъ двухъ радостей, и велѣли преслѣдовать Гетмана только пальбою. Пальба продолжалась еще два часа, представляя безпрерывнымъ огнемъ и дымомъ подобіе пожара въ ночи.

Всю ночь простоялъ непріятель въ ужасѣ у Донскаго монастыря, и рано въ слѣдующее утро началъ поспѣшное отступленіе къ Литовскимъ границамъ *. Онъ потерялъ въ сраженіи кромѣ мно-

* Никон. лѣтоп. т. 8, стр. 183—195; лѣтоп. о мятеж. стр. 259—262; рукоп. Палицына л. 188—194. — Свиданіе Кн. Пожарскаго съ Палицынымъ и переговоры послѣдняго съ казаками взяты преимущественно изъ рукописи Аврамія, какъ очевидца и дѣйствователя въ незабвенной битвѣ 24 Августа. Въ другихъ лѣтописяхъ о томъ же сказано короче, но прибавлено, будто Келарь убѣдилъ казаковъ обѣщаніемъ монастырской казны. — Послѣдняго обстоятельства въ рукописи нѣтъ.

жества убитыхъ, около 10,000 плѣнными, всю артиллерію, весь богатый обозъ *.

Пораженіемъ Гетмана обезпечена осада Москвы; воспоминаніями о подробностяхъ дѣйствій подавался поводъ къ упрекамъ, а не способъ къ возстановленію согласія между предводителями войска. Этого способа надлежало искать въ общей цѣли, въ потребности частаго совѣщанія Полководцевъ.

По старшинству чина Кн. Трубецкой требовалъ, чтобы по крайней мѣрѣ для совѣтовъ пріѣзжали Кн. Пожарскій и Мининъ въ его таборы. Низовскіе Вожди не желали отказать въ этомъ требованіи, но и не могли его исполнить. Они опасались участи Ляпунова **: буйство казаковъ не вело къ лучшей мысли.

При такомъ затрудненіи старшіе и младшіе Начальники всего войска составили общій приговоръ съѣзжаться для совѣтовъ на рѣчкѣ Неглинной въ виду каменныхъ стѣнъ Кремля и Китая, напоминавшихъ каждому воину обязанности его предъ Государствомъ.

Частыми свиданіями, общей нуждой и пользой начинало установляться согласіе между Предводителями. Облежаніе города стѣснялось отъ часу болѣе, между тѣмъ пришли вѣсти, что Гетманъ за-

---

* Число плѣнныхъ показано въ Наказѣ Посламъ нашимъ къ Персидскому двору 1618 г.

** Ляпуновъ убитъ казаками Заруцкаго, пріѣхавъ, по приглашенію ихъ, на совѣщаніе.

мышляетъ снабдить осажденныхъ припасами продовольствія.

Дабы вѣрнѣе не допустить къ тому непріятеля, Полководцы наши провели циркумваллаціонную линію (ровъ, валъ и плетень), примкнувъ оба конца ея къ правому берегу Москвы рѣки.

Потерявши въ битвахъ подъ Москвою всю пѣхоту, Гетманъ не отважился съ одною конницею идти на окопы Россіянъ, и долженъ былъ отступить къ Вязьмѣ, куда ожидалъ прибытія Короля Сигизмунда съ новою сильною арміею.

Осада довела непріятеля въ Кремлѣ и Китаѣ до крайности. Нельзя было ждать продолжительнаго сопротивленія съ его стороны; между тѣмъ слухи о Королѣ побуждали нашихъ Полководцевъ ускорять взятіемъ Столицы. Предполагалось кончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ и вдругъ открылось новое возмущеніе. Казаки завидуя обилію и жалованью дворянъ Низовскаго войска, начали громко роптать на голодъ, на свою бѣдную одежду, готовились истребить дворянъ и разойтись въ свои домы.

Троицкая обитель услышала съ горестію о смутѣ, грозившей продолженіемъ бѣдствій Россіи.

Не имѣя денегъ въ монастырской казнѣ, истощенной уже прежде на пособія Государству, Архимандритъ Діонисій, Келарь Аврамій и старѣйшіе иноки рѣшились послать подъ Москву церковныя ризы и утварь, украшенную дорогими жемчугами, чтобы Казаки обратили ихъ себѣ на жалованье.

Посылка сопровождалась умилительною просьбою не оставлять начатаго дѣла безъ конца,—и произвела чудесное дѣйствіе. Воины суровые и жадные, но еще не совсѣмъ забывшіе уваженіе къ святынѣ и добродѣтели, устыдились безвременнаго своего ропота, возвратили утварь чрезъ двухъ избранныхъ старшинъ и поклялись терпѣть всякія бѣдствія, чтобы исполнить просьбу святой обители. *

Возстановилось согласіе въ войскѣ. Начальники повели его на приступъ 22 Октября и Казаки первые ворвались въ укрѣпленія Китая. Множество непріятелей пало, прочіе спаслись въ стѣнахъ Кремля.

Взятіемъ Китая открылось Россіянамъ ужасное положеніе ихъ противниковъ.—Отъ лютости голода на пищу осажденныхъ употреблялись самыя нечистыя животныя, закалаемы были Русскіе плѣнники, выкапывались изъ земли трупы людей,—и лѣтописцы наши говорятъ, что они своими глазами видѣли множество чановъ съ соленымъ мясомъ человѣческимъ.

Испытывая равныя бѣдствія, Кремль не могъ продолжать своей упорной обороны. Начались переговоры о сдачѣ. Бояре Думы, подвергшіеся осадѣ вмѣстѣ съ Ляхами, должны были еще болѣе послѣднихъ чувствовать всю силу страданій. Съ ними были жены и семейства ихъ. Не зная, гдѣ найти спасеніе отъ близкой гибели, Бояре вспомнили о свой-

* Рукоп. Палицына л. 194 и 194. Никоновская лѣтопись (т. 8. ст. 194) смѣшалаэ тотъ случай съ увѣщаніями Палицына въ бою при Москвѣ.

ствахъ Кн. Пожарскаго, забыли свою гордость и приговоръ объ измѣнѣ защитника Москвы. Послана просьба къ Князю и Минину, чтобы приняли женъ Боярскихъ *безъ позору*.

Великодушный Князь не помнилъ ничего болѣе, кромѣ несчастія своихъ соотечественниковъ. Жены бояръ приняты съ честію, каждой доставлены попеченія родныхъ и друзей, способы къ приличному содержанію,—и этотъ новый опытъ добродѣтели едва не обратился въ пагубу тому, кто показалъ его. Казаки хотѣли убить Князя: онъ былъ виновенъ въ глазахъ ихъ тѣмъ, что не далъ ограбить боярскія семейства. *

Пріемомъ знатныхъ женъ подана осажденнымъ непріятелямъ надежда на улучшеніе ихъ участи. Ляхи просили безопасности личной и согласія принять ихъ плѣнными въ вѣдомство Кн. Пожарскаго, но не Трубецкаго. Первое обѣщано, второе оставлено волѣ Полководцевъ.

Въ воскресенье—25 Октября—поставлены полки Низовцевъ подъ ружье у Каменнаго моста, отворились ворота Кремля, вышли Бояре Думы и множество другихъ знатныхъ людей, захваченныхъ Ляхами при раззореніи Москвы. Въ числѣ ихъ находился шестнадцати-лѣтній отрокъ Михаилъ Федоровичь Романовъ съ его матерью.—Онъ имѣлъ политическое значеніе предъ Ляхами, какъ племянникъ покойнаго Царя Феодора I и сынъ Боярина Феодора Никитича Романова, — въ иночествѣ Митрополита

* Никон. Лѣт. т. 8. стр. 196; Лѣт. о мят. стр. 263—265.

Филарета, — того самаго, который былъ посломъ Россіи къ Королю Сигизмунду.

Кн. Дмитрій Михайловичь принялъ знаменитыхъ страдальцевъ съ уваженіемъ къ ихъ несчастіямъ и роду. Отрокъ Михаилъ съ матерью отосланы въ Костромскія помѣстья ихъ; прочимъ оказаны пособія и приличная честь; * но и этотъ случай едва обошелся безъ кровопролитія. — Казаки пришли также къ Каменному мосту съ оружіемъ и знаменами, намѣреваясь оспоривать у Низовцевъ силою пріемъ Бояръ. Стоило не малаго труда уговорить своевольныхъ ратниковъ, чтобы возвратились въ свои таборы.

Изъ Ляховъ, сдавшихся въ плѣнъ, Струсъ и полкъ его приняты въ станъ Кн. Трубецкаго; полкъ Будилы вошелъ въ станъ Кн. Пожарскаго. Казаки напали на полкъ Струса и произвели столько убійствъ, что весьма немногіе плѣнники спаслись отъ смерти, и то по надеждѣ богатаго выкупа. Напротивъ воины полка Будилы не тронуты ни кѣмъ, и ни у кого изъ нихъ не отнято имущества. Только плѣнные разосланы по городамъ.

При вступленіи въ Кремль, Низовцы съ умиленіемъ и слезами смотрѣли на слѣды поруганія, причиненнаго чужестранцами въ тамошнихъ соборныхъ Храмахъ; Казаки бросились отыскивать казну. Заграбя все, что осталось отъ Ляховъ, они не стыди-

* Грамота 1613 г. N 203 л. 610 и 611 т. I. С. Г. Г. и Д. Никон. Лѣт. т. 8. стр. 197; Лѣт. о мят. стр. 265. Лѣтоп. Палиц. л. 197.

лись еще требовать * себѣ жалованья у Начальства, хотѣли отнять у него послѣднія деньги и потомъ убить Начальниковъ. Дворяне вступились, не дозволили совершить злодѣйства и дѣло кончилось шумомъ безъ крови. Вообще по взятіи Московскихъ укрѣпленій Казаки Трубецкаго буйствомъ, пьянствомъ, развратомъ и грабительствомъ доказали, сколь мало заслуживали они довѣріе благоразумныхъ Низовскихъ Полководцевъ. По словамъ Палицына они вели себя хуже невѣрныхъ **.

Изъ дѣйствователей въ пользу Сигизмунда Андроновъ попался въ руки Россіянъ вмѣстѣ съ плѣнными Ляхами при сдачѣ Кремля ***; Салтыковъ еще прежде стѣсненія осады удалился въ Польшу и не возвращался въ оскорбленное имъ отечество.

Ляховъ было въ Кремлѣ и Китаѣ городѣ около 29,900; при сдачѣ взято въ плѣнъ 9,000; слѣдовательно около 20,000 убито во время приступовъ и погибло отъ голода ****.

Обычай возвращаться ратникамъ въ домы по окончаніи похода и предъ наступленіемъ зимы, особенно же трудность продовольствія въ мѣстахъ опу-

---

* Мѣста, означенныя въ предшедшемъ примѣчаніи — и особенно лѣт. о мят. стр. 265.

** Рукоп. Палицына 201 — 203.

*** Тамъ же 197. Андроновъ послѣ повѣшенъ въ Москвѣ. Лѣт. о мятеж. л. 286.

**** Разсужденіе Вице-Канцлера Барона Шафирова о причинахъ войны съ Швеціею. Изд. въ 1722, Лѣт. 45. При немъ напечатано письмо Царя Михаила Феодоровича къ Французскому Королю мая 1615 лис. 365.

стошенныхъ побудили Полководцевъ нашихъ удержать въ Москвѣ лишь немногихъ воиновъ. Между тѣмъ посылались разъѣзды по Смоленской дорогѣ и вдругъ по перехваченнымъ грамотамъ Сигизмунда получено извѣстіе, по времени года неожиданное, что Король прибылъ съ войсками въ Вязьму на походѣ къ Москвѣ, коей сдача вѣроятно не была еще ему извѣстна. Эта новость ужаснула Русскихъ Полководцевъ. Они писали въ Казань о помощи, но тамъ Шульгинъ едва не умертвилъ гонцевъ, присланныхъ къ нему съ Московскими грамотами.

Обманомъ въ надеждахъ и расчетахъ, казавшихся вѣрными, Полководцы приведены отъ унынія къ чувству, совершенно противуположному. — Они и тѣ сподвижники, которые оставались еще въ Москвѣ, обрекли себя на смерть при защитѣ праваго дѣла.

Подвигая войска свои къ Москвѣ, Король дошелъ до городка Погорѣлаго Городища, сдѣлалъ нѣсколько жестокихъ приступовъ, отбитъ съ урономъ и предложилъ тамошнему Воеводѣ Князю Юрію Шаховскому о сдачѣ. Мужественный Воевода отозвался, что онъ готовъ быть подданнымъ Короля, въ то время, когда Москва признаетъ власть его надъ собою.

Не желая терять больше людей въ покушеніяхъ противъ ничтожнаго городка, Сигизмундъ отправилъ въ Москву молодаго Жолкевскаго (сына Гетмана), Князя Мезецкаго и Дьяка Граматина, бывшихъ въ посольствѣ Русскомъ при немъ, для убѣж-

деній, чтобы отданъ былъ престолъ Царей Владиславу. Жолкевскому приданъ сильный отрядъ войска.

Появленіемъ отряда, принятаго за передовый полкъ непріятельской арміи, распространились въ Столицѣ ужасъ и смятеніе. Чтобы успокоить народъ, Полководцы наши собрали отрядъ воиновъ, и въ боевомъ порядкѣ встрѣтили Жолкевскаго. Такого пріема не ожидалъ Польскій Начальникъ. Послѣ краткой нерѣшительной битвы, отведя своихъ воиновъ отъ дѣла, онъ спрашивалъ Стольника Философова, захваченнаго въ плѣнъ, желаютъ ли еще въ Россіи видѣть царствованіе Владислава, снабжена ли Москва людьми и запасами?

Философовъ отвѣчалъ, что хлѣба и людей довольно въ Столицѣ, но тамъ всѣ поклялись умерѣть, а Владислава не принимать.

Съ такимъ отвѣтомъ Жолкевскій возвратился къ Сигизмунду. Сдѣлали новый допросъ Философову предъ Королемъ и получили прежній отвѣтъ. — Стало яснымъ, что уже должно покорять оружіемъ то Государство, которое прежде съ охотою предлагало престолъ свой Королевичу; но какъ завоеваніе обширной Россіи не легко было даже и не для Сигизмунда: то послѣдній рѣшился испытать, не можно ли какимъ либо блистательнымъ ударомъ произвести перемѣну мыслей въ Москвѣ.

Съ этою цѣлію Король началъ осаду Волоколамска; и дѣлалъ самые жестокіе приступы. — Здѣсь были неустрашимые защитники Казацкіе Атаманы Марковъ и Епанчинъ. — Всѣ приступы Ляховъ от-

биты съ величайшимъ для нихъ урономъ; должно было отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній тѣмъ болѣе, что и самое взятіе Волоколамска обѣщало уже менѣе пользы, чѣмъ вреда: поелику осада доставляла Россіянамъ время и причину къ сбору новыхъ войскъ.

При отправленіи въ походъ, Король думалъ, что его приверженцы въ Россіи по-крайней-мѣрѣ не заставятъ Литовскую армію терпѣть голодъ. — Событія разочаровали его. — Гдѣ ни появлялись войска его, вездѣ находили зиму, опустошенныя или крѣпкія мѣста, упорныхъ враговъ, недостатки въ самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни. Не приготовясь къ такому роду войны, Король долженъ былъ помышлять о возвратѣ въ свою землю. — Началось отступленіе продолжительное и бѣдственное. Морозъ и голодъ истребляли людей *, — легкія войска наши пошли въ слѣдъ за непріятелемъ, — взяли болѣе 1,000 плѣнныхъ, не давали уклоняться отъ большой додороги для добыванія припасовъ **.

Извѣстіями объ отступленіи Короля обрадовано было все Государство. — Москва получила еще пріятную новость. — Заруцкій успѣлъ было захватить Переяславль-Рязанскій, — но Воевода Михайло Матвѣевичь Бутурлинъ собравъ нѣсколько ратниковъ, пошелъ противъ Атамана мечтателя, произошла битва, Заруцкій разбитъ наголову, взялъ свою жену и не многихъ Казаковъ, еще при немъ оставших-

* Ник. Лѣт. ст. 198 и 199.

** Разсужденіе Барона Шафирова стр. 46.

ся, пошелъ къ границамъ, — и зажигая города, какіе находилъ возможнымъ захватить въ расплохъ, — предавалъ смерти Воеводъ.

Около тогоже времени прибылъ изъ Новагорода посланецъ Дубровскій съ письмами Генерала де ла Гардія. Сообщалось Боярамъ и Полководцамъ о скоромъ прибытіи Принца Филиппа въ Новгородъ. Отвѣтствовано, что въ Россіи не помышляютъ болѣе о врученіи верховной власти чужестранцу, что самые переговоры въ Ярославлѣ начаты были съ единственною цѣлію отвратить Шведовъ отъ безвременнаго вмѣшательства въ главное наше дѣло, отъ развлеченія нашихъ силъ; когда же Москва очищена, войска наши рады встрѣтить ихъ и имѣютъ способы для освобожденія Новгородской области.

ГЛАВА VI.

Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство. — Остальное время жизни Палицына, Минина и Князя Пожарскаго.

По изгнаніи чужестранныхъ воиновъ изъ Москвы, по удаленіи опасности, коею угрожали нашествіе Короля Сигизмунда и замыслы Атамана Заруцкаго, Полководцы избавители отечества спѣшили кончить безсмертный свой подвигъ дарованіемъ Россіи Государя, который соединя въ своемъ лицѣ всѣ власти и силы управленія, имѣлъ бы способы обуздать честолюбіе старыхъ и новыхъ

искателей престола, уничтожить безначаліе съ его бѣдственными слѣдами.

Бояре, Члены прежней Правительственной Думы, раздѣляли мысли Полководцевъ. Посланы приглашенія, чтобы изъ всѣхъ городовъ высшее Духовенство, Дворянство и лица, уполномоченныя отъ прочихъ сословій, прибыли въ Москву для Земскаго Совѣта *.

Составилось многочисленное собраніе Государственныхъ чиновъ, начались разсужденія и споры, кому занять престолъ въ обширной Россіи. Связи, расчеты, надежда и страхъ не были безъ голоса. Многіе Бояре не стыдились прибѣгать къ подкупу; но деньги, не подкрѣпленныя правомъ рода и заслуги, еще легче теряли цѣну, чѣмъ неясныя права безъ денегъ **.

Въ тогдашнее время четыре человѣка были особенно въ виду Государственныхъ чиновъ: Князья Мстиславскій, Трубецкой, Пожарскій и сынъ Митрополита Филарета Михаилъ Феодоровичь Романовъ.

Князь Мстиславскій былъ ближайшій родственникъ Царя Іоанна IV, но въ послѣднее время предсѣдательствуя въ Московской Думѣ и безмолвно исполняя указы Короля Сигизмунда, какъ страдательное лицо, онъ показалъ всю слабость своего духа.— На сторонѣ его не было ни военныхъ людей, ни голосовъ большинства, противнаго Ляхамъ.

---

* Грамота N 203 л. 612 т. I. С. Г. Г. и Д. Никон. Лѣтоп. т. 8 стр. 200.

** Никонова Лѣтоп. т. 8 стр. 201.

У Кн. Трубецкаго не было недостатка
столюбіи, но посредственность дарованій ег
обузданность его ратниковъ были слишкомъ с
въ памяти Москвы и Россіи.

Кн. Дмитрій Михайловичь Пожарскій снискавъ безсмертными заслугами общее довѣріе, обладая душею сподвижниковъ, могъ бы надѣяться успѣховъ при выборѣ, когда бы его правила сходствовали съ качествами Царей Василія и Бориса въ такой степени, какъ удобства къ достиженію цѣли. Но праводушіе Князя было выше опаснаго искушенія. Онъ вмѣстѣ съ другими Членами подалъ голосъ въ пользу Михаила Феодоровича Романова.

Къ единодушному выбору Михаила собраніе приведено какъ правами, такъ особыми обстоятельствами времени. Онъ былъ представителемъ правъ Митрополита Филарета, двоюроднаго брата Царю Феодору I, послѣднему потомку династіи Рурика. Носилась молва, что Феодоръ I объявлялъ иногда намѣреніе сдѣлать своимъ преемникомъ двоюроднаго брата. Всѣмъ было памятно, что въ царствованіе Бориса удѣломъ Боярина Феодора Романова было невольное постриженіе въ иночество, разлука съ семействомъ, потеря богатыхъ имуществъ; виною права рода, разумъ и добродѣтели. Новѣйшія страданія Митрополита во время посольства его къ Сигизмунду не имѣли другихъ источниковъ. Оживляя общее участіе къ отцу, они выгоднымъ образомъ отражались на судьбу его сына.—Послѣдній не былъ дѣятелемъ въ переворотахъ смутнаго времени, не имѣлъ причинъ

къ преимущественной дружбѣ и непріязни противу лицъ и политическихъ сторонъ, принадлежалъ къ знатному роду; почему имя его не производило ни опасеній за разномысліе, ни особенной скорби для гордости.

Разосланы грамоты о присягѣ новому Царю. Вездѣ исполняли ихъ съ порывами радости, кромѣ Арзамаза. Здѣсь Шульгинъ стоялъ съ Казанскимъ ополченіемъ. Онъ объявилъ, что не дастъ присяги безъ совѣта Казани.—Войска и жители Арзамаза не слушали болѣе коварнаго Дьяка. Они поцѣловали крестъ Михаилу.—Съ немногими совѣтниками Шульгинъ спѣшилъ въ Казань, но жители и этого города встрѣтя его въ Свіяжскѣ, объявили, что ему не зачѣмъ ѣхать далѣе. Чрезъ нѣсколько дней потомъ онъ захваченъ подъ стражу, отвезенъ въ Москву и оттуда въ Сибирь, гдѣ умеръ въ ссылкѣ, * не бывъ прежде ни добрымъ начальниковъ, ни вѣрнымъ подданнымъ.

Выборомъ Михаила положено основаніе тому порядку, который довершилъ успокоеніе Государства; — подвигами, предшествовавшими щастливому событію, поставлены Кн. Пожарскій, Мининъ и Палицынъ наравнѣ съ великими мужами всѣхъ временъ и народовъ. Послѣ описанія общей заслуги ихъ, осталось показать прочее теченіе ихъ жизни.

При назначеніи посольства отъ Государственныхъ Чиновъ съ предложеніемъ престола новому Монарху Россіи, Келарь старецъ Аврамій включенъ

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 274.

въ число другихъ Посланниковъ. Онъ находился также и при Царскомъ вѣнчаніи Михаила, которое совершено въ Москвѣ 11 Іюля 1613 года. *

Считая за тѣмъ конченными свои заботы о земномъ отечествѣ, Аврамій занимался уже однимъ исполненіемъ обязанностей инока. — Чрезъ пять лѣтъ однако встрѣтился ему еще одинъ важный случай. Владиславъ думая завоевать престолъ, который не умѣлъ получить по доброй волѣ Россіи, вступилъ осенью 1618 въ наши предѣлы, осаждалъ Москву, отраженъ и надѣялся по крайней мѣрѣ овладѣть знаменитою обителью Св. Сергія съ сокровищами; которыя тамъ предполагались. Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій умѣли найти средства для обороны. Артиллерія съ монастырскихъ стѣнъ дѣйствовала такъ удачно, что охладилась охота Ляховъ къ осадѣ и приступамъ; послику же скоро настала зима и нельзя было непріятелю не чувствовать ея дѣйствій въ опустошенныхъ окрестностяхъ обители: то Литовскій Канцлеръ Сапега, не позабывшій несчастнаго отступленія Сигизмунда отъ Волоколамска, сталъ помышлять о мирѣ, какъ средствѣ избѣжать подобныхъ несчастій и прекратить войну, не обѣщавшую большихъ выгодъ землѣ его. — Тутъ вспомнилъ онъ о знакомствѣ съ Келаремъ Палицынымъ подъ Смоленскомъ и писалъ къ старцу (15 Ноября) о пропускахъ для посольства въ Москву, гдѣ предполагалось начать мирные переговоры. ** Немедлен-

* Грамоты N 203 т. 1. и N 16 т. 3. С. Г. Г. и Д.

** Рукоп. Палицына л. 219.

но донесено Двору о столь важной бумагѣ. 19 Ноября прибыли въ обитель изъ Москвы Бояринъ Федоръ Ивановичь Шереметевъ и Окольничій Кн. Мезецкій, назначенные къ совѣщаніямъ съ Польскими Вельможами; а 1 Декабря 1618 подписано въ деревнѣ Деулинѣ или Сватковѣ перемиріе на 14 лѣтъ. Эта деревня въ 11 верстахъ отъ Троицкаго Монастыря. Архимандритъ и Келарь поставили тамъ церковь на имя Св. Сергія въ воспоминаніе мира *.

Изъ лѣтописей видно, что Келарь Аврамій подписывался тѣмъ же званіемъ до 1621 года; по новѣйшимъ же розысканіямъ открылось, что знаменитый старецъ удалился въ послѣдствіи въ Соловецкій Монастырь, гдѣ вѣроятно началъ свое иночество. Тамъ скончался онъ въ 1626 году, оставя намъ книгу, сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева Монастыря отъ Литвы и Поляковъ и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ. Изъ этой книги помѣщены здѣсь разныя поясненія событій, какъ то показываютъ примѣчанія подъ текстомъ.

Гражданинъ Мининъ, котораго собраніе всѣхъ Государственныхъ чиновъ Россіи въ 1613 году приняло также *выборнымъ человѣкомъ всего Государства*, при вступленіи на престолъ Царя Михаила получилъ и отъ своего Монарха свидѣтельство вниманія къ его заслугамъ. Онъ произведенъ въ Думные Дворяне — чинъ близкій къ нынѣшнему *Дѣйствительному Статскому Совѣтнику*, — но съ правомъ присутствованія въ тогдашней Великой

* Печатная Лѣтоп. Палицына л. 281.

Думѣ или Высшемъ Совѣтѣ, въ коемъ предсѣдательствовалъ самъ Государь и рѣшались важнѣйшія дѣла. Минину присвоенъ окладъ по 200 руб., почти вдвое противъ обыкновеннаго по новому его сану. Въ этомъ санѣ сохранилась подпись Минина, какъ Дворянина Думы на Грамотахъ Россійскихъ Бояръ къ Польскимъ Вельможамъ о предполагавшихся въ 1614 году мирныхъ переговорахъ *. По разряднымъ спискамъ означался нашъ великій выборный человѣкъ Думнымъ Дворяниномъ до 1616 года. Гдѣ находился съ того времени и когда скончался, лѣтописи не показываютъ, извѣстно только, что погребенъ онъ въ Нижегородскомъ Преображенскомъ Соборѣ подлѣ древнихъ владѣтельныхъ Князей. Тамъ производится поминовеніе Думному Дворянину вмѣстѣ съ именами бывшихъ удѣльныхъ Государей его родины. Императоръ Петръ Великій празднуя въ Нижнемъ 30 мая 1722, день своего рожденія, подошелъ къ надгробной плитѣ Минина, поклонился надъ нею до земли и сказалъ: *здѣсь почіетъ освободитель Россіи.* Императоръ Николай I, при воспоминаніи Минина, повелѣлъ на счетъ казны привести Преображенскій Соборъ въ благолѣпнѣйшій видъ.

Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому при новомъ Дворѣ Московскомъ предлежали не одни труды, но даже новыя испытанія и опасности.

Лѣтомъ 1613 года Россія представляла изъ себя море послѣ жестокой бури. Главное дѣло — устано-

* Грамота N 24, т. 3. С. Г. Г. и Д.

вленіе Правительства было кончено, оставалось множество других и притом чрезвычайной важности.

Грабежи Ногайцов, виды Заруцкаго, отношенія къ Швеціи, Польшѣ, Австріи, остатки безпокойствъ и безначалія, образованіе Государственной Думы при 16^{ти}-лѣтнемъ Царѣ.

Пройдемъ событія одни кратко, другія нѣсколько подробнѣе, смотря по связи ихъ къ нашимъ предметамъ, описаніемъ жизни Кн. Пожарскаго.

Ногайцы прекратили грабежи по берегамъ Оки, лишь узнали о произшествіяхъ въ Москвѣ. Князь ихъ Иштерезъ приносилъ извиненія предъ Царемъ Михаиломъ. Онъ принятъ снова въ покровительство Россіи.

Противъ Заруцкаго посланъ Кн. Одоевскій. У Воронежа произошла съ нимъ битва, не доставившая побѣды Царскому Полководцу, но побудившая коварнаго мечтателя перейти Донъ и слѣдовать къ Астрахани. Здѣсь имъ захваченъ и казненъ Воевода Кн. Хворостининъ. Владычество Атамана продолжалось цѣлую зиму; но лѣтомъ собралась надъ нимъ гроза. Одоевскій со стороны Волги, Старшина Хохловъ со стороны Терека пришли къ Астрахани. Жители города оставили властелина незаконнаго и ненавистнаго, многіе Казаки сдѣлали тоже и Заруцкій бѣжалъ съ своею женою на р. Уралъ, но не нашелъ безопаснаго мѣста. Онъ схваченъ и привезенъ въ Москву. Здѣсь покровитель мнимаго потомства Царей посаженъ на колъ, жена его, вдова двухъ Лже-

димитріевъ Марина умерла въ темницѣ, сынъ ея повѣшенъ въ 1614 году *.

Съ Швеціею война длилась еще около четырехъ лѣтъ. Кн. Трубецкой, бывшій Начальникъ Московскаго стана, посланъ съ 8,000 корпусомъ къ Новугороду. Ему приданы помощниками Кн. Мезецкій и Бутурлинъ. Начальники перессорились между собою, — воины ихъ большею частію Казаки дѣлали на мѣстахъ зимовья такіе же грабежи, какъ подъ Москвою. Простоявъ зиму съ 1613 на 1614 годъ у Торжка, корпусъ весною достигъ р. Мсты у села Бронницъ — въ 30 верстахъ отъ Новагорода. Генералъ де-ла Гарди вышелъ противъ Россіянъ, стѣснилъ ихъ, захватилъ множество плѣнныхъ и Полководцы наши возвратились въ Москву безъ войска. Чрезъ нѣсколько потомъ времени самъ новый Король Швеціи Густавъ Адольфъ прибылъ съ арміею къ Пскову, сдѣлалъ нѣсколько приступовъ жестокихъ, но безуспѣшныхъ. Англія предложила посредничество къ примиренію сѣверныхъ Державъ и миръ подписанъ въ деревнѣ Столбовѣ. Россія потеряла Ингрію и Карелію, земли, коими она могла сообщаться съ западною Европою чрезъ Балтійское море, но возвратила Новгородъ, Ладогу, Тихвинъ и всѣ другія мѣста, захваченныя Шведами **.

---

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 276, 285 и 286.

** Столбовскій мирный договоръ ратификованъ въ Стокгольмѣ. Онъ напечатанъ при 19 номерѣ Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Смот. также страницы 280, 300 и 301 лѣтописи о мятежахъ.

По сношеніямъ съ Австріею, начатымъ въ Ярославлѣ, Императоръ Матіасъ объявя себя посредникомъ между Россіей и Польшей, предложилъ послѣдней прекратить военныя дѣйствія, увѣдомить его объ основаніяхъ требованій Владислава и предоставить дѣло суду Вѣнскаго Кабинета.

Слова сильнаго Монарха не могли остаться безъ нѣкотораго вѣса. Они подавали поводъ или предлогъ Варшавскому Сейму не спѣшить убыточными приготовленіями къ походамъ, отъ коихъ потери были неизбѣжны, а выгоды сомнительны.

Отъ медленности Сейма новое Русское Правительство выигрывало нѣсколько мѣсяцовъ для возстановленія внутренняго спокойствія.

Польскіе Вельможи дали знать Русскимъ о согласіи своемъ на перемиріе до прибытія въ Москву Императорскаго Посольства и окончанія переговоровъ съ нимъ *.

Прежде, чѣмъ явилось это Посольство, Царь Михаилъ отправилъ свое въ Австрію. Въ наказѣ Бояръ Послу Ушакову велѣно между прочимъ при рѣчи о Ярославскихъ сношеніяхъ отозваться: «что у нашихъ Государственныхъ сословій не было мысли о врученіи скипетра Максимиліану или другому иностранному Принцу; что или *Кн. Пожарскій дѣлалъ предложенія о томъ безъ вѣдома сословій, — въ каковомъ случаѣ слова его не имѣютъ силы потому, что предметъ*

* Грамота Польскихъ Вельможъ отъ 9 іюня 1613 N 13 т. 3 С. Г. Г. и Д.

столь важный не рѣшается безъ общихъ совѣтовъ,—или сановникъ Грегори самъ выдумалъ случай, дабы получить отъ Императора какую либо милость; что Австрійскому Министерству непристойно заводить новые переговоры объ этомъ предметѣ, но помня дружество предковъ Императора и Царя, нужно укрѣплять его для пользы обѣихъ Державъ» *.

Австрія даже узнавъ о возшествіи Михаила на престолъ, назначила посольство не къ Царю, но къ Московскимъ Боярамъ для новаго опыта.—Посольство слѣдовало въ 1614 г. къ нашей границѣ **, и вѣроятно получа точнѣйшія извѣстія объ утвердившейся власти Михаила, не продолжало пути къ Москвѣ.—Само собою разумѣется, что горячее посредничество, за которое взялся было Вѣнскій Дворъ, долженствовало охладиться.

Обузданіе внутренняго безначалія и устройство Правительственной Думы представляло Царю Михаилу заботы, Князю Пожарскому безпокойства и даже опасности.

Духъ мятежа, укоренившійся между казаками и поселянами ратниками, произвелъ многочисленные скопы бродягъ и разбойниковъ, наводнившихъ особенно сѣверныя области отъ Углича и Бѣжецка до Каргополя, гдѣ надѣялись лучшей добычи. Мятежники выбрали старшиной себѣ отчаяннаго грабите-

---

* Наказъ Ушакову, данный въ Іюнѣ и Декабрѣ 1613 N 15 т. 3. С. Г. Г. и Д.

** Это видно изъ грамоты Русскихъ Вельможъ Декабря 1614 N 23 т. 3. С. Г. Г. и Д.

ля Баловня,—злодѣйства же ихъ возрасли до такой степени, что не отыскивалось примѣра имъ даже *въ дикой древности* *.

По приговору Государственныхъ Чиновъ поручено Суздальскому Архіепископу Герасиму и Боярину Лыкову дѣйствовать на буйныя скопища сперва кроткими, потомъ и строгими мѣрами. При употребленіи послѣднихъ произошла упорная битва, скопища потерпѣли совершенное пораженіе; главные виновники наказаны, прочіе мятежники прощены **, или скрылись, разсѣявшись по всей пространной Россіи.

Царю Михаилу при возшествіи на престолъ едва совершилось 16 лѣтъ. Первыми совѣтниками юнаго Монарха долженствовали быть его родственники. Но отецъ его мудрый и добродѣтельный Филаретъ былъ еще подъ стражею въ Литвѣ и домогательства о свободѣ его не имѣли успѣха нѣсколько лѣтъ.

Между другими Членами Думы на первый разъ было большое число Бояръ и Окольничихъ, состарѣвшихся въ козняхъ при переворотахъ и опасностяхъ смутнаго времени. Новому Государю неудобно было начинать управленіе крутыми перемѣнами въ лицахъ и должностяхъ.—Прибавлены къ Думѣ только: Кн. Пожарскій, получившій Боярство отъ Земскаго Совѣта, а утвержденіе въ немъ отъ Царя; Мининъ и Кн. Трубецкой.

---

* Слова Никон. Лѣт. т. 8 стр. 214.

** Наказъ Архіепископу и Боярину 4 Сентября 1614. N 22 т. 3. С. Г. Г. и Д. Лѣтоп. о мятеж. стр. 288 и 289.

При такомъ составѣ, въ Думѣ не много было друзей Князю Пожарскому. Воспоминанія о временахъ Владислава, о приговорѣ на счетъ измѣны защитника Москвы, о новыхъ правахъ на довѣріе Государя, опасное противникамъ, не оставались безъ голоса предъ посредственностію, которая рѣдко забываетъ непріятности и еще рѣже престаетъ ненавидѣть отъ мыслей о своей несправедливости.

Во время Царскаго вѣнчанія Михаила показано Князю необыкновенное отличіе. Ему поручено было подносить скипетръ, охранять корону, чтобъ не касались къ ней, кому не слѣдовало, стоять съ золотымъ шаромъ, символомъ Державы. *. — Въ томъ же случаѣ употреблено кромѣ Князя, только трое Бояръ: Мстиславскій и Иванъ Никитичь Романовъ родственники Царя, и Кн. Трубецкой, но и этимъ Боярамъ поручались дѣйствія меньшей важности; другіе товарищи ихъ были только зрителями торжества, между тѣмъ всѣ они почитали себя старшими противъ избавителя Россіи. У насъ до временъ Царя Феодора III, старшаго брата Петру Великому, гораздо щекотливѣе были расчеты по старшинству мѣстъ, чѣмъ въ Европѣ нынѣ по чинамъ. Какія бы заслуги ни оказалъ Бояринъ или Воевода, онъ долженъ былъ уступать высшее мѣсто или начальство тому изъ своихъ товарищей, чей отецъ или дѣдъ имѣлъ подобное преимущество надъ предками заслуженнаго

---

* Грамота 11 Іюля 1613 N 16 т. 3. С. Г. Г. и Д.

лица. Предпочтеніе младшихъ привлекало къ нимъ зависть со всѣми утонченіями и стрѣлами ея вымысла. Возрастъ Государя и гордое прямодушіе Князя не обѣщали большихъ препятствій на извилистыхъ путяхъ. Во всѣ времена зависть представляла чужіе отличные подвиги дѣйствіемъ случая; славу и мужество признаками, внушавшими осторожность, чтобы не было дано большой силы тамъ, гдѣ можно сдѣлать изъ нея и опасное употребленіе.

Послѣ коронованія велѣно было возвратить Князю Пожарскому вотчину Ляндехъ, отнятую у него приговоромъ Думы.

Грамота написана 30 іюля 1613 въ выраженіяхъ темныхъ и невыгодныхъ владѣльцу. Здѣсь, чтобы понять цѣль и признакъ, нужно вспомнить, что въ старину подобныя бумаги составлялись единообразно, и подписывались не Государемъ, а Думными Дьяками; почему изобрѣтеніе новаго вида для грамотъ, или обоюдности, навлекавшія сомнѣніе о правѣ, принадлежали не той власти, которая оказывала милость. Между тѣмъ подавался ими поводъ къ нескромности и переносамъ.

Князь долго не представлялъ Государю о пересмотрѣ случая потому, что сомнѣвался о причинахъ его или потому, что ждалъ удобнаго времени *.

Другой случай болѣе важный для Князя, представился 6 Декабря 1613 года.

---

* Этотъ пересмотръ послѣдовалъ чрезъ восемъ лѣтъ, когда возвратился въ Россію родитель Царя Михаила, и

Государь пожаловалъ боярство Окольничему Борису Михайловичу Салтыкову.

Намъ неизвѣстно, не сынъ ли былъ этотъ сановникъ тому, который памятенъ по оглашеніямъ въ измѣнѣ; но заключить должно, что онъ былъ не изъ числа друзей Князя, а между тѣмъ поручено послѣднему, чтобы онъ съ Дьякомъ сказалъ, по обычаю, новому Боярину Царскую милость.

Князь подалъ записку Государю, что ему сказывать боярство Салтыкову и быть меньше новопожалованнаго лица невмѣстно. За тѣмъ предоставя исполнить порученіе одному Дьяку, онъ поѣхалъ къ себѣ въ домъ.

Салтыковъ принесъ жалобу о взысканіи за безчестіе, показывая, что Кн. Пожарскому не только противъ него, но и противъ младшаго брата его можно быть меньше многими мѣстами.

По приговору Бояръ, жалоба уважена Государемъ. Велѣно Кн. Пожарскаго привезти и выдать просителю головою *. Могло ли бы безъ предварительныхъ расчетовъ непріязни выйти такое послѣдствіе, отъ такой вины и противъ такого лица, нетрудно угадывать. Между тѣмъ кромѣ унизительнаго обряда, Князь подвергся даже временному

Князь уже пользовался постоянною милостію Государя. Грамота 5 Іюля 1621 N 56 Т. 3. С. Г. Г. и Д.

* Грамота 6 Декабря 1613 напечатанная въ 3 Т. С. Г. Г и Д. подъ N 14. Выдача головою состояла въ принужденіи идти къ сопернику, умолять его, чтобы простилъ, и предаваться на время его волѣ.

удаленію отъ Двора. Въ первой половинѣ 1614 г. упоминается онъ въ званіи Воеводы ничтожнаго степнаго городка Самары. Государственныя бумаги наши не придавали на то время ему самаго имени Боярина, изъ чего можно сомнѣваться, не было ли оно снято на извѣстный срокъ *.

Несчастію Князя предшествовали совѣщанія о наказахъ посольству, назначенному въ Вѣну. Горечь тогдашнихъ сужденій, представлявшихъ избавителя Россіи съ невыгодной стороны какъ предъ Государемъ его, такъ и предъ чужестраннымъ Кабинетомъ,—видна изъ самыхъ словъ наказа. Сужденія продолжались въ Іюнѣ и кончились въ Декабрѣ 1613 **. Тутъ начало могло приготовлять, а конецъ оправдывать нерасположеніе къ лицу, которое было безотвѣтно противу заочныхъ посягательствъ на его честь.

Въ слѣпотѣ страстей не примѣчено даже, что объясненіе Ярославскихъ переговоровъ предосудительно не одному Князю Пожарскому, что оно съ большимъ приличіемъ и соотвѣтственностію цѣли могло быть замѣнено другими оборотами. Самый отказъ Максимиліана отъ предложеній брата его и чрезвычайныя обстоятельства Россіи подавали къ тому способы.

Несправедливость противу добродѣтели никогда не бывала вѣчною, удаленіе Князя Пожарскаго

* Грамота N 29 Т. 3. С. Г. Г. и Д.

** На самомъ наказѣ означены Іюнь и Декабря 1613 см. гр. N 15 Т. 3. С. Г. Г. и Д.

отъ Двора не могло быть продолжительнымъ. Въ Декабрѣ 1614 онъ уже вмѣстѣ съ Боярами и другомъ своимъ Мининымъ подписывалъ Государственныя бумаги *, но сколько заключить можно по наказамъ и порученіямъ, которыя возлагались на него при продолжавшейся Польской войнѣ, полное довѣріе Государя къ нему возвратилось не прежде прибытія Митрополита Филарета въ Россію. Сущность наказовъ и порученій видна будетъ ниже.

Возобновленію непріязненныхъ дѣйствій между Россіей и Польшей предшествовала переписка нашихъ Земскаго Совѣта и Думныхъ Бояръ съ Вельможными Панами двора Сигизмундова.

Еще въ Мартѣ 1613 Земскій Совѣтъ упрекая Пановъ нарушеніемъ мира при Царѣ Василіѣ, также условій Жолкевскаго, изъявилъ готовность войти въ новыя соглашенія о дружбѣ, только невключать въ нихъ ничего о правахъ Сигизмунда или Владислава на Русскій престолъ: потому что событія измѣнили существо дѣла въ самыхъ началахъ. **

Польскіе Вельможи слагая нарушеніе мира на Россіянъ, соглашались на перемиріе до посредническаго рѣшенія Австріи о Владиславѣ. ***

---

* Подпись его на грамотѣ того времени N 20 Т. 3. С. Г. Г и Д.

** Грамота Земскаго Совѣта 10 Марта 1613 N 7 т. 3. С. Г. Г. и Д.

*** Грамоты Пановъ 9 Іюня 1613 N 13, Русскихъ Бояръ Декабря 1614 N 24 т. 3. С. Г. Г. и Д.

Любопытны изъясненія Пановъ о причинахъ разрыва при Царѣ Василіѣ. Эти причины, по словамъ ихъ, были: 1. Не

На грамоту Пановъ съ Іюня 1613 до послѣдняго мѣсяца 1614 года не было отвѣта, въ отвѣтѣже сказано, что поелику наши Государственные чины не дѣлали Императору предложеній, чтобы онъ взялъ споры ихъ съ Сигизмундомъ на свой судъ, то они и не признаютъ обязанности Россіи подчинять себя рѣшеніямъ такого суда. *

Переписка не препятствовала приготовленіямъ къ новой борьбѣ сторонъ. Войска наши первыя приготовились и пошли въ 1614 году къ Смоленску.

Предводителями Русской арміи опредѣлены Князья Черкаскій и Троекуровъ, служившіе за два года до того подъ начальствомъ Кн. Пожарскаго. — Послѣдній былъ еще въ Самарѣ.

Полководцы наши не успѣли взять Смоленска, непріятель нападалъ на ополченія наши въ расплохъ, заставалъ иногда въ окопахъ пьяныхъ

всѣ плѣнные Литовцы получили свободу по условіямъ; 2. Не все имущество, захваченное при смерти Отрепьева у Ляховъ, было возвращено владѣльцамъ; 3. Царь Василій не отправилъ въ Варшаву великаго посольства для укрѣпленія мирнаго договора. — Паны сверхъ того винили Царя Василія за союзъ съ Швеціею, заключенный впрочемъ послѣ извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ Польши; относили къ вѣроломству его домогательства у Турокъ и Татаръ, чтобы воевали противъ Сигизмунда. Они не возражали однако на упрекъ Россіянъ, что не исполнено Варшавскимъ Дворомъ условіе о немедленномъ отозваніи отъ Тушинскаго Лжедимитрія Литовской вольницы, Князей Ружинскаго, Вышневецкаго, Сапеги и прочихъ съ ихъ послѣдователями и подчиненными толпами.

* Грамота Бояръ. декабря 1814 N 24. С. Г. Г. и Д.

стражей. Подъ конецъ похода сдѣлалось волненіе въ нашемъ войскѣ и оно возвратилось въ Москву, потерпѣвъ значущій уронъ.

Въ 1615 году война съ Польшею производилась малыми сшибками, но сдѣланъ замѣчательный набѣгъ непріятеля на внутреннія наши области. Удалецъ Лисовскій былъ предводителемъ Ляховъ. Въ отрядѣ его было около 2000 конницы, но къ нему пристало много Русскихъ ратниковъ, привыкшихъ къ своевольствамъ и грабежамъ.

Начавъ дѣйствія осадой Брянска, Лисовскій не умѣлъ или не могъ взять укрѣпленнаго мѣста, обратился къ Карачеву, захватилъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Воеводою Кн. Шаховскимъ, тѣмъ самымъ, который прежде столь мужественно защищалъ Погорѣлое городище противъ цѣлой арміи Сигизмунда.

Слухи объ успѣхахъ Лисовскаго до того встревожили Царя Михаила, что онъ послалъ противу Польскаго храбреца Боярина Князя Д. М. Пожарскаго, придавъ ему въ помощь Дворянина Исленьева и Дьяка Заборовскаго. *

Въ наказѣ, данномъ Боярину отъ имени Государя, предписано ему принять подъ свое начальство ратниковъ, собравъ ихъ изъ областей Москвы, Тулы, Орла и Калуги; осмотрѣть людей, побуждать строгостію къ службѣ тѣхъ, кого не будетъ на лицо, идти чрезъ Боровскъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ на непріятеля, оставлять нужное число войска для

---

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 291.

охраненія разныхъ городовъ, посылать разъѣзды для развѣдыванія о Литовцахъ, ставить полевыя укрѣпленія, гдѣ нужно, учреждать порядокъ для боя, сражаться, сколько будетъ силъ, отступать при неудачѣ, дѣлать съ пыткою допросы лазутчикамъ, увѣдомлять окрестныя начальства о своихъ движеніяхъ и мѣрахъ, — собирать въ города хлѣбные запасы съ указанныхъ мѣстъ. *

Принявъ начальство надъ людьми, которыхъ надлежало еще собирать, получа наставленіе, показывающее, какую степень довѣренности желали Бояре, мало знакомые съ войною, внушить къ опытному полководцу, Кн. Пожарскій покушался склонить Нѣмцовъ, находившихся у Лисовскаго, чтобы перешли въ Русскую службу. ** Имѣло ли успѣхъ это приглашеніе, лѣтописи не обьяснили; но прибытіе знаменитаго воина на поле чести, собрало къ знаменамъ его Россіянъ. Даже тѣ, которые прежде были въ своевольныхъ скопищахъ Баловня и не послушали Боярина Лыкова, предлагавшаго имъ прощеніе вины, когда вступятъ въ военную службу,—явились къ избавителю Россіи, дали клятву о вѣрности, обѣщая загладить преступленія свои подъ его начальствомъ.

Лисовскій узналъ, кто ему противникъ, и нерѣшился ожидать его приближенія. Выжегши Ка-

---

* Наказъ 25 Іюня 1615 N 28 т. 3. С. Г. Г. и Д.

** Возваніе Князя N 29 тамъ же. Подъ этою грамотою напечатанъ снимокъ съ подписи Князя.

рачевъ, онъ бросился къ Орлу, чтобы овладѣть имъ прежде прибытія Князя. Князь предвидѣлъ это покушеніе. По утру въ Воскресенье войска обоихъ противниковъ приспѣли къ одному и томуже мѣсту. Передовый отрядъ нашъ подъ начальствомъ дворянина Пушкина завязалъ немедленно дѣло.

Увидя сраженіе, другія войска наши, объятыя внезапнымъ страхомъ, обратились въ бѣгство и увлекли съ собою Исленьева.—Князь Пожарскій остался на мѣстѣ съ 600 ратниковъ, вѣрныхъ обязанностямъ службы. Противъ него было у Лисовскаго 2000 человѣкъ. Нѣсколько часовъ продолжался упорный рукопашный бой. Силы нашего отряда начинали истощаться, для поддержки ихъ, для огражденія отъ ударовъ во фланги, составлено прикрытіе изъ обоза, но и при этомъ пособіи ратники наши замѣчая превосходство непріятеля, просили своего Полководца отойти къ Болхову. Князь отозвался съ жаромъ: «нѣтъ, «именно на этомъ мѣстѣ должно всѣмъ умереть».

Доблестью Вождя оживилось мужество въ сподвижникахъ.

Не надѣясь одолѣть упорной твердости Россіянъ и не зная, что они оставлены многими товарищами, Лисовскій спѣшилъ уклониться отъ выстрѣловъ, приносившихъ въ ряды его смерть. Онъ остановился въ двухъ верстахъ отъ нашего обоза, потерявъ не мало людей убитыми и ранеными, да 300 человѣкъ плѣнными.

Слухомъ объ успѣхѣ ободрились и тѣ наши ратники, которые въ немъ неучавствовали. — Къ

вечеру прибыли въ обозъ Исленьевъ и Заборовскій, ночью собрались прочія войска. Тутъ Кн. Пожарскій перешелъ отъ обороны къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Увидя движенія Россіянъ, Лисовскій спѣшилъ удалиться къ Кромамъ. Его преслѣдовали по пятамъ; онъ сдѣлалъ искусный поворотъ въ право, усиленными переходами приблизился къ Болхову, едва не захватилъ этого мѣста, — и отбитый, бросился къ Бѣлеву.

Услыша о появленіи непріятеля, Воеводы Бѣлева Кн. Михайло Долгорукій и Бунаковъ оставили свое мѣсто и бѣжали въ лѣса. Польскій наѣздникъ предалъ огню городъ, покинутый начальствомъ, обратился къ Лихвину, отбитъ, пошелъ къ Перемышлю и располагался овладѣть Калугой. Для обезпеченія этого значительнаго города, Кн. Пожарскій долженъ былъ отправить отъ себя столько ратниковъ, что ему не съ кѣмъ уже было преслѣдовать своего противника и надлежало въ Лихвинѣ ждать ополченія, которое шло туда изъ Казани.

Лисовскій скоро свѣдалъ о дѣлахъ у Калуги и непошелъ туда. Между тѣмъ Казанское ополченіе явилось къ Князю и онъ двинулся къ Перемышлю. Непріятель узналъ и это движеніе, зажегъ Перемышль и направился между Вязьмою и Можайскомъ къ Ржеву. Жестокою болѣзнію вынужденъ Князь отправиться въ Калугу. Ратники безъ него не пошли за Литовцами, Казанскіе полки спѣшили самовольно къ своимъ домамъ.

Отсутствіе Князя отъ войска было незамѣнимо. Лисовскій опустошилъ предмѣстія Ржева, пролетѣлъ вихремъ уѣзды Кашина, Углича, Ярославля, Костромы, Суздаля, Владиміра, Мурома, Переяславля-Рязанскаго, нападалъ безуспѣшно на нѣкоторые города, но успѣлъ раззорить множество селеній на пути и проходя между Серпуховымъ и Тулой, въ Алексинскомъ уѣздѣ встрѣтился съ полкомъ Кн. Куракина. Произошла сшибка, мало вреда причинено непріятелю, но время года положило конецъ его набѣгу. Лисовскій пошелъ въ свое отечество чрезъ Сѣверскую область. Царь Михаилъ отдавалъ повелѣнія многимъ Воеводамъ преслѣдовать удальца. Они не могли его настигнуть и подверглись опалѣ за недостатокъ искуства или усердія.

Въ 1616 году Россія и Польша не употребляли важныхъ усилій ни для военныхъ дѣйствій, ни для заключенія мира. Для обѣихъ сторонъ было нужно выигрывать время: Царю Михаилу, чтобы кончить дѣла со Шведами; Королю Сигизмунду, чтобы прекратить домашнія несогласія. Въ этихъ видахъ, то шли переговоры, на коихъ ничего не постановлено, то происходила малая война.

Черкасы пробрались мимо Торопца въ области Новагорода, Углича, Вологды, Устюга, даже до Ледовитаго моря, сдѣлали много вреда жителямъ и сами погибли подлѣ Олонца *.

У Смоленска стоялъ съ нашими ополченіями Воевода Бутурлинъ, а для прикрытія его дѣйствій

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 302.

присланы съ войсками Князья Сулешевъ, Прозоровскій, Барятинскій и Тинбаевъ да Воевода Лихаревъ. Противъ нихъ начальствовалъ надъ Ляхами Панъ Госевскій, столь памятный по Москвѣ. Онъ имѣлъ при себѣ Полковника Лисовскаго, но послѣдній скоро умеръ отъ паденія съ лошади. Время проходило въ построеніи окоповъ, переходахъ войскъ съ мѣста на мѣсто, ничтожныхъ сшибкахъ, доколѣ не пронеслась молва о скоромъ прибытіи большой Польской арміи съ Владиславомъ къ Днѣпру. По этимъ слухамъ наши Полководцы оставили свои мѣста и безъ повелѣнія пошли къ Москвѣ. Непріятель ихъ преслѣдовалъ и причинилъ значущій уронъ. На Воеводъ, неоправдавшихъ царскаго довѣрія, положена опала *.

Осенью 1617 г. Владиславъ явился подъ Дорогобужемъ. Тамошній нашъ Воевода Ададуровъ отворилъ ему ворота и далъ присягу, какъ Государю.

Въ Вязьмѣ были Воеводами Князья Пронскій, Бѣлосельскій и Гагаринъ. Первые два убѣжали къ Москвѣ, а казаки, имъ подчиненные, ушли самовольно воевать *свои* пограничныя мѣста. Князь Гагаринъ долженъ былъ по необходимости удалиться также изъ Вязьмы: у него недоставало ратниковъ для обороны. Пронскій и Бѣлосельскій лишены имѣнія, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

---

* Грамоты 10 Іюля и 23 Октября 1616 г. NN 32 и 33, т. 3. С. Г. Г. и Д. — Лѣтоп. о мятеж. стр. 303—305.

Подвигаясь къ Вязьмѣ Владиславъ послалъ войска по сторонамъ. Городъ Мещовскъ захваченъ ими, а Козельскъ далъ присягу вѣрности Владиславу, какъ Государю.

Въ Вязьму вступилъ непріятель 19 Октября. Отсюда былъ открытъ ему путь къ Москвѣ, но позднее время года произвело нерѣшительность въ дальнѣйшихъ движеніяхъ, и Литовская армія расположилась зимовать въ окрестностяхъ Вязьмы. — Царь имѣлъ время собрать войска и поставить одинъ корпусъ подъ начальствомъ Князя Черкаскаго у Волоколамска, другіе съ Княземъ Лыковымъ при Можайскѣ.

Пребываніемъ непріятеля у Вязьмы угрожаема была Москва, произшествіями у Козельска приведена въ ужасъ Калуга. — Жители этого послѣдняго города просили Царя, чтобы для защиты ихъ прислалъ Князя Пожарскаго *. Государь соизволилъ на просьбу. — Изъ наставленія, даннаго притомъ Князю **, видно, что съ нимъ отправлено изъ Москвы 300 стрѣльцовъ. Онъ долженъ былъ принять подъ свое начальство по спискамъ тѣхъ людей, которые уже собрались въ Калугѣ съ Воеводою Кн. Гагари-

---

* Ник. Лѣт. т. 8, стр. 222; Лѣт. о мятеж. стр. 307. Здѣсь сказано: «пріидоша изъ Калуги къ Государю въ Москву изъ всѣхъ чиновъ всякіе люди, и биша челомъ со слезами, чтобы Государь Калуги Литовскимъ людямъ не выдалъ, послалъ бы въ Калугу Боярина съ ратными людьми; *и били челомъ имянно*, чтобы Государь послалъ Боярина своего Князя Д. М. Пожарскова.»

** Наказъ 18 Октября 1617 № 36, т. 3. С. Г. Г. и Д.

нымъ, да собрать еще ратниковъ съ Тулы, Орла, Рязани, Воронежа и Мценска, пригласить на службу Казаковъ, дать имъ жалованье. Для расходовъ отпущено 5,000 руб. и позволено заимствоваться деньгами изъ Калужскаго питейнаго сбора, съ тѣмъ, чтобы *всѣ издержки писать въ книги для счета.* Далѣе предписано наблюдать, чтобы у всѣхъ ратниковъ были ружья и они обучены были искусной стрѣльбѣ; чтобы ни въ городѣ, ни въ селеніяхъ не было воровства, разбоя, зерни, пьянства и распутства; чтобъ изъ Калуги и уѣзда ея люди не ѣздили къ Литовцамъ для лазутчества и торговъ; чтобы посылаемъ былъ Кн. Гагаринъ съ частію войска, по временамъ же и самъ Главный Начальникъ ходилъ на Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ (измѣнниковъ), а между тѣмъ сооружались бы укрѣпленія на случай осады, и нигдѣ не было небрежности или оплошности, ратники же смѣнялись бы каждые два мѣсяца, считая этотъ срокъ отъ прибытія ихъ въ Калугу. — Другія подробности наказа сходны съ тѣми, какія выражены по случаю набѣга Лисовскаго.

Сличая пространныя наставленія, данныя Князю, съ тѣми, какія давались другимъ Воеводамъ *, замѣтить можно, что послѣднія содержали означеніе предпріятій въ кратчайшихъ общихъ чертахъ. Въ нихъ выражены надежда Государя на службу и усердіе, и начальники не стѣснялись мелкими по-

* Любопытные могутъ сдѣлать это при чтеніи грамотъ NN 28, 33 и 36, т. 3. С. Г. Г. и Д.

дробностями. Вспомнимъ, что наказы отъ Царскаго имени составлялись въ Думѣ по разсужденіямъ большинства, которыя всегда менѣе скромны на словахъ, чѣмъ на письмѣ; что по существу разныхъ подробностей нетрудно угадывать цѣль: ограниченіе довѣрія, умноженіе отвѣтственности.

Для Кн. Пожарскаго стоилъ труда самый проѣздъ въ Калугу: дороги были наводнены Литовцами. Первымъ его дѣломъ была посылка приглашеній къ Казакамъ, производившимъ безпорядки въ Сѣверской области. Дано знать имъ, что Государь прощаетъ прежнія вины. Обрадованные Казаки не медля ни часу * полетѣли въ Калугу и тамъ оказали послѣ многія опыты усердія къ службѣ.

Недолго Кн. Пожарскій ожидалъ непріятеля у Калуги. Сюда подошли Генералы Чаплинскій отъ Козельска, Опалинскій отъ Вязьмы. — Князь вывелъ войска свои за городъ и вступилъ въ бой. — Сраженіе продолжалось цѣлый день, съ обѣихъ сторонъ пало довольно людей, но безъ рѣшительнаго успѣха. Чрезъ 10 дней послѣ того Литовскіе Генералы сдѣлали ночное нападеніе на Калугу, но отбиты, преслѣдованы Княземъ и понесли большую потерю. Не предвидя ничего лучшаго отъ новыхъ покушеній, Опалинскій бросился къ Серпухову. Здѣсь уже ожидалъ его Воевода Бѣгичевъ, посланный Княземъ Пожарскимъ для охраненія страны.— Опалинскій прогнанъ, Чаплинскій стѣсненъ въ его

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 308.

станѣ, оба отступили къ Вязьмѣ, лишась изъ войска * своего большой половины.

Въ 1618 не прежде половины Іюня Главная Литовская армія начала движенія къ Москвѣ. 27 Іюня появилась она предъ укрѣпленнымъ городкомъ Борисовымъ въ 10 верстахъ отъ Можайска. Сдѣланъ приступъ къ Борисову и отбитъ, начата осада, между тѣмъ нашъ корпусъ, поставленный при Можайскѣ съ Княземъ Лыковымъ утѣсненъ. Государь велѣлъ Кн. Черкасскому слѣдовать отъ Волока на соединеніе съ Лыковымъ, а Кн. Пожарскому перейти изъ Калуги въ Боровскъ **.

Двинувшись по назначенію, Черкасскій хотѣлъ поставить окопы у Лужецкаго монастыря. Къ тому же мѣсту пришли Поляки, завязалось жаркое дѣло и кончилось тѣмъ, что непріятель отбилъ у Россіянъ обозъ ихъ, а полководецъ и войска наши едва успѣли укрыться въ Можайскѣ.—Здѣсь по соединеніи съ Лыковымъ, оба корпуса расположились въ укрѣпленномъ станѣ подлѣ города.

Наскуча осадой Борисова и надѣясь большихъ выгодъ отъ покоренія Можайска, Литовская армія повела подступныя рвы къ этому городу, открыла по немъ пальбу, перевела значительную часть полковъ своихъ къ Лужецкому монастырю, обложила укрѣпленный станъ Кн. Лыкова и Черкасскаго, отрѣзала его отъ сообщеній съ Москвою,—отняла подвозы и у города и у стана.

---

* Никон. Лѣт. т. 8, стр. 230.

** Тамъже, стр. 229—231.

Отъ скопленія людей и недостатка запасовъ оказался въ Можайскѣ голодъ.

Царь Михаилъ подкрѣпивъ Кн. Пожарскаго отрядомъ дворянъ, присланнымъ къ нему изъ Москвы, предписалъ ему слѣдовать отъ Боровска къ Можайску, дабы вывести оттуда Воеводъ съ ихъ ратниками.

Во время пребыванія у Боровска Князь посылалъ отряды на Литовцевъ, но съ такою предусмотрительностію, что наши успѣвали наносить непріятелю значительный вредъ безъ урона себѣ.

На походѣ отъ Боровска къ Можайску Князь, недалеко отъ Борисова, встрѣтилъ Воеводу Ивашкина съ его ратниками. Ивашкину ввѣрена была защита Борисовскаго замка, но онъ самовольно покинулъ свое мѣсто. Находя этотъ поступокъ несообразнымъ съ цѣлію предпринятыхъ дѣйствій, Князь приказалъ отряду стрѣльцовъ занять снова замокъ. Наши едва успѣли прогнать отсюда Литовскую конницу, вступившую въ оставленные окопы.

Изъ Борисова начались немедленно тайныя сношенія съ Черкасскимъ и Лыковымъ, предложено имъ, чтобы оставили часть войска для защиты Можайска, самиже съ остальными силами обратились на Боровскую дорогу.

Опасно было подобное движеніе вблизи непріятельской арміи, но Полководцы наши воспользовались бурною ночью. Кн. Пожарскій повелъ свои полки на встрѣчу тѣмъ, которыхъ ждалъ изъ Можайска, и полный успѣхъ сопровождалъ мѣру, хорошо разочтенную. Черкасскій, Лыковъ и войска

ихъ пропущены мимо полковъ, пришедшихъ для ихъ освобожденія; всѣ обратились къ Боровску; въ Можайскѣ оставленъ отрядъ съ Воеводою Волынскимъ.

Для обезпеченія дѣйствій на Москву, Владиславъ почиталъ нужнымъ занятіе Можайска. Сдѣлано нѣсколько жаркихъ приступовъ; Волынскій обратилъ ихъ во вредъ непріятеля *.

За сближеніемъ осени, Литовской арміи оставалось не много времени для такихъ дѣйствій, отъ которыхъ зависѣли участь Москвы и Россіи; притомъ же Королевичь получилъ извѣстіе, что Гетманъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ казаковъ Петръ Конашевичь, извѣстный въ лѣтописяхъ нашихъ подъ именемъ Сагайдачнаго, шелъ къ Москвѣ чрезъ Орловскую губернію, и тѣмъ подавались Владиславу способы дѣйствовать прямо на нашу столицу соединенными силами Литовской и Гетманской арміи.

При столь важныхъ причинахъ, Владиславъ рѣшился оставить осаду Можайска, чтобъ идти на Москву. Еще изъ стана подъ Можайскомъ обнародовалъ онъ воззваніе къ нашимъ государственнымъ сословіямъ, напоминалъ имъ о прежней присягѣ, говорилъ, что онъ *будучи въ правдивой* христіанской вѣрѣ, мыслитъ единственно, какъ съ добровольнымъ обращеніемъ Россіянъ къ нему, унять пролитіе невинной крови, напрасное раззореніе земли; увѣрялъ, что

* Лѣтоп. о мятеж. стр. 309—315; Никон. Лѣтоп. т. 8, стр. 230—234.

если добрыми умыслы и истинными сердцы обратятся сословія наши къ нему Государю: то придетъ имъ благодать отъ Бога и милость отъ Государя; за упрямствомъ же, опричь крови и большаго раззоренія нельзя ничего надѣяться *.

Вскорѣ послѣ этого воззванія Владиславъ перешелъ съ арміею къ Звенигороду, и остановился тамъ, ожидая сближенія Гетмана.

По вѣстямъ о выводѣ войскъ нашихъ изъ стана подъ Можайскомъ, Царь Михаилъ предписалъ Черкасскому и Лыкову идти со всѣми ополченіями ихъ къ Москвѣ, а Князю Пожарскому съ его полками расположиться въ Боровскѣ **.

Прибытіе корпусовъ Лыкова и Черкасскаго въ столицу причинило тамъ большое волненіе. Младшіе начальники приходили съ шумомъ къ Боярамъ, охуждали мѣры Правительства и указывали такія, которыхъ не понимали сами. Съ трудомъ унятъ мятежъ, но вмѣсто его разнеслись по городу другія непріятныя новости. Гетманъ Сагайдачный съ 20,000 казаковъ овладѣлъ городомъ Ливнами, сожегъ его, поступилъ такимъ же образомъ съ Ельцомъ и началъ осаду Михайлова. Здѣсь онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе жителей, которые, слыша о жестокости Запорожцевъ, рѣшились дорого продать свои головы ***.

* Грамота Владислава, писанная въ Августѣ 1618 N 39, т. 3. С. Г. Г. и Д.

** Лѣтоп. о тятеж. стр. 314.

*** Лѣт. о мятеж. стр. 315 и 317; Ник. Лѣтоп. т. 8, стр. 236.

Царь предписалъ Кн. Пожарскому вмѣстѣ съ Окольничимъ Кн. Волконскимъ идти противъ Сагайдачнаго. Но едва прибыли Полководцы наши къ Серпухову, какъ постигла Князя Пожарскаго тяжкая болѣзнь. Государь велѣлъ быть ему въ Москвѣ, а Волконскому слѣдовать къ Коломнѣ, чтобы препятствовать переправѣ Запорожцевъ чрезъ Оку. Гетманъ успѣлъ окончить эту переправу силою, Волконскій отступилъ въ укрѣпленія Коломны, ратники его, дворяне и казаки взволновались и послѣдніе оставя начальника, обратились къ окрестностямъ Владиміра. Тамъ производили они грабежи и проливали кровь соотечественниковъ вмѣсто крови непріятелей. Дворяне остались въ Коломнѣ, Сагайдачный не хотѣлъ тратить людей * на приступы, обошелъ Коломну и Каширской дорогой достигнувъ Москвы, поставилъ передовыя войска у Донскаго монастыря.

Бояре, находившіеся въ Москвѣ, вышли противъ Сагайдачнаго, но до сраженія не дошло. Ужасъ объялъ нашихъ думныхъ Полководцевъ и сообщился ихъ воинамъ **. — Между тѣмъ Гетманъ сдѣлалъ обходъ и у Тушина соединился съ арміею Владислава, уже пришедшею туда изъ Звенигорода.

Болѣзнь Князя Пожарскаго сверхъ всякаго ожиданія обратилась на тотъ разъ не во вредъ, а въ пользу Россіи. Она доставила Царскому престолу

* Никон. Лѣт. т. 8, стр. 237.

** Лѣтоп. о мятеж. стр. 318.

одного изъ лучшихъ защитниковъ на самое опасное время — и скоро миновалась.

При началѣ движеній Литовской арміи на Москву, Царь Михаилъ созвалъ соборъ изъ высшаго Духовенства, Бояръ и другихъ сословій *; объявилъ ему, что по свѣденіямъ изъ Можайска Владиславъ пошелъ оттуда 6 Сентября къ Столицѣ; что Государь вознамѣрился лично подвергнуться опасностямъ осады и предлагалъ съ нимъ вмѣстѣ оборонять городъ, не щадя жизни.

Собраніе изъявило готовность раздѣлять опасности Царя и тогдаже положено: послать Бояръ, Кн. Ивана Черкасскаго въ Ярославль, Кн. Лыкова въ Нижній-Новгородъ для сбора ополченій на помощь Москвѣ; прочимъ Боярамъ и въ томъ числѣ Кн. Пожарскому остаться при Царѣ.

Лыковъ и Черкасскій отправились по назначенію не прежде 17 *Сентября*; а 20 прибылъ Владиславъ подъ Москву.

Начались приступы и отдѣльныя битвы. Польская армія не имѣла успѣха ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Важнѣйшее покушеніе противъ Москвы предпринималъ Гетманъ Сагайдачный. Это былъ приступъ къ Арбатскимъ воротамъ, назначенный въ ночь на 1 Октября. О намѣреніи непріятеля предувѣдомлены были Царскіе Воеводы двумя Французами, перешедшими къ намъ изъ стана Литовска-

---

* Соборъ, держанный 9 Сентября 1618, N 40, т. 3. С. Г. Г. и Д.

го.—Въ часъ, ими сказанный, выломлены ворота у нашихъ укрѣпленій петардою, но въ окопахъ у воротъ было приготовлено довольно людей для защиты мѣста, и нападеніе Запорожцевъ отбито съ великимъ урономъ для нихъ. Сагайдачный долженъ былъ отвести людей своихъ въ станъ, откуда пришли *.

Во время осады Кн. Пожарскій *сражался на приступахъ и отдѣльныхъ битвахъ, не щадя головы своей и не внимая никакимъ обольщеніямъ непріятеля* **.

Цѣлый мѣсяцъ продолжалось обложеніе Москвы; противныя стороны то нападая, то защищаясь, говорили между тѣмъ о мирѣ чрезъ уполномоченныхъ Пословъ: обѣимъ была равная нужда въ прекращеніи войны, желали только привести дѣло къ концу съ условіями, сколь можно выгоднѣйшими. Настала глубокая осень съ ея распутицей и непогодами. Стояніе подъ суровымъ открытымъ небомъ, недостатокъ продовольствія, особенно для конницы, ежедневно возраставшій, грозили послѣдними бѣдствіями войскамъ, неуспѣвшимъ кончить свое нашествіе скоро и щастливо.

Для спасенія ихъ отъ голода, Владиславъ двинулся отъ Москвы къ Троицкому монастырю, Сагайдачный отошелъ къ Калугѣ. Выше было сказано, что послѣ этого движенія возобновились пере-

---

* Никон. Лѣтоп. т. 8, стр. 237.

** Грамота 19 Сентября 1619, N 48 т. 3, С. Г. Г. и Д.

говоры и подписано (1 Декабря 1618) перемиріе въ Деулинѣ или Сватковѣ.—Въ сторону Литвы уступлены города Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Бѣлый и Почепъ. Намъ возвращены мѣста, дотолѣ завоеванныя Ляхами, но что всего важнѣе, получилъ свободу, родитель Царя, Митрополитъ Филаретъ. Умъ, добродѣтели и опытность этого знаменитаго страдальца, получившаго скоро затѣмъ санъ Патріарха, имѣли самыя благотворныя послѣдствія для Россіи. Лѣтописи наши, при всей скромности современнаго повѣствованія, оставили намъ о Филаретѣ слѣдующія примѣчательныя слова: «онъ не только (превосходно) исполнялъ обязанности высокаго духовнаго сана, *но и вся земская правляше, отъ насилія многихъ отня, ни отъ кого же въ Московскомъ государствѣ сильниковъ не бысть, опричь ихъ Государей. Кои служаху Государю и въ безгосударное время, а биша непожалованы, онъ же Государь (Патріархъ) тѣхъ всѣхъ взыска и пожалова и держанье ихъ въ милости, никомуже не выдаваху . . .* *

Въ этихъ чертахъ довольно ясно выражено, какое вліяніе на дѣла Правительства принадлежало большинству Думы до прибытія Филарета въ Москву.

Царь Михаилъ повидимому желалъ скорѣе ознакомить родителя своего съ Кн. Пожарскимъ, дѣла коего были въ явномъ противорѣчіи съ приговорами или внушеніями Думныхъ Бояръ.

* Никон. Лѣтоп. т. 8, ст. 245; Лѣт. о мят. стр. 329.

Въ этомъ намѣреніи поручено Князю встрѣтить Митрополита, когда прибудетъ изъ - за границы въ Можайскъ. *

Скоро послѣ того мы находимъ въ Государственныхъ бумагахъ нашихъ знаки милостей Царя къ освободителю Россіи.—Тогда, а не прежде, состоялись грамоты о пожалованіи Князю Ильинской вотчины и о правахъ на помѣстье Ландехъ, объясненія темноты, допущенной прежде. Въ новой грамотѣ о вотчинѣ Ландехѣ прямо сказано, что она выдана *по совѣту Патріарха Филарета.* **

Протекло почти 15 лѣтъ по возвращеніи родителя Государева въ Россію. Въ это время усмирены всѣ внутреннія волненія, залѣчены многія глубокія раны, причиненныя нашему отечеству Самозванцами и мятежами.

Патріархъ Филаретъ скончался 1 Октября 1633, между тѣмъ срокъ перемирія, постановленный Деулинскимъ договоромъ, прошелъ, Владиславъ получилъ престолъ отца своего въ Варшавѣ, Паны его начали къ титулу Польскаго Короля придавать именованіе Русскаго Царя.

Какъ сверхъ того было не мало другихъ причинъ къ возобновленію войны между Россіею и Польшею: то Царь Михаилъ собравши въ Можайскѣ армію въ 26,300 чел. и ввѣривъ ее предводительству Боярина Шеина, прославившагося оборо-

* Грамота 14 Іюня 1619, N 43 т. 3. С. Г. Г. и Д.

** Грамоты 19 Сентября 1619 и 5 Іюля 1621 NN 48 и 56, т. 3. С. Г. Г. и Д.

ной Смоленска въ 1610 и 1611 годахъ, предписалъ двинуться къ этому городу, чтобы возвратить оплотъ нашей границы отъ запада.

На первыхъ шагахъ наша армія имѣла значительные успѣхи: Дорогобужъ, Рославль и нѣсколько другихъ городовъ завоеваны; но въ дальнѣйшемъ ходѣ происшествія измѣнили свой видъ. Потерявъ часть войска въ битвахъ, Шеинъ стоялъ съ другою въ окопахъ у Смоленска. Появился Владиславъ, обошелъ окопы и занялъ Московскую дорогу. Отъ этого движенія войско наше, стоя между Смоленскою крѣпостію и непріятельскою арміею, подвергалось ежедневнымъ потерямъ, то отъ сраженій, то отъ болѣзней и недостатковъ всякаго рода.

По извѣстіямъ о столь опасномъ положеніи нашего войска, Царь поручилъ собрать новую армію въ 30,000 чел. у Можайска, дабы подать помощь для Шеина *.

Полководцемъ новаго войска опредѣленъ Князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкаскій, но сборъ его чрезвычайно замедлился. Правительство не имѣло денегъ, прежніе запасы истощились, налоги чрезвычайные поступали неисправно! **

* Это число войскъ показано знаменитымъ нашимъ военнымъ писателемъ Д. П. Бутурлинымъ на CLIV ст. введенія въ описаніе Русскихъ походовъ XVIII вѣка. Старинная лѣтопись показывала при Шеинѣ болѣе 100,000 войска (Лѣт. о мятеж. стр. 343). По времени и способамъ Царя Михаила не могло быть въ арміи подъ Смоленскомъ такого огромнаго числа, которое трудно было продовольствовать.

** Грамота 29 Января 1634 N 99, т. 3. С. Г. Г. и Д.

При такомъ положеніи дѣлъ, Государь ввѣрилъ Князю Пожарскому главное предводительство надъ войсками, которыя надлежало еще собирать на пособіе арміи у Смоленска.

Въ станѣ Шеина, послѣ потерь его, находилось уже не болѣе 8,000 воиновъ. Отъ жестокой крайности тамъ подписаны 14 Февраля 1634 условія, въ силу коихъ надлежало при нашемъ войскѣ оставить 12 только пушекъ, всю же прочую Артиллерію, порохъ, снаряды, казну и принадлежности обоза отдать непріятелю, послѣ чего дозволялось полкамъ возвратиться въ Москву съ обязательствомъ не служить противъ Польши въ теченіи четырехъ мѣсяцовъ.

Такимъ образомъ назначеніе Князя Пожарскаго, замедленное можетъ быть новыми тайными происками враговъ его, измѣнилось въ своемъ основаніи. Отправляясь въ походъ, знаменитый Полководецъ долженъ былъ въ арміи Шеина встрѣтить не сподвижниковъ, но изнуренныхъ людей безъ оружія, съ разсказами вѣрными или преувеличенными объ ихъ несчастіяхъ, и силахъ непріятеля. — Тутъ уже надлежало думать не о славѣ завоеваній, но о защитѣ земли своей.

Владиславъ покусился напасть на городъ Бѣлый, доставшійся Россіянамъ въ 1632 году. Нападеніе отбито. Войска наши собирались отъ часу болѣе къ Западной границѣ. Имя новаго ихъ Предводителя было памятно и любезно Россіи; къ Королю Польскому начали приходить вѣсти о военныхъ приготовленіяхъ Турокъ.

Событіями, здѣсь упомянутыми, наклонялись обѣ стороны къ миру. Открыты переговоры въ Вязьмѣ и тамъ подписаны условія мира 5 Іюня 1634. — Уступки, сдѣланныя прежде по Деулинскимъ соглашеніямъ, подтвердились; къ нимъ еще прибавленъ Черниговъ, а въ замѣнъ того Владиславъ отказался отъ всѣхъ требованій на Русскій престолъ, и кажется тогдаже возвратилъ Царскія утвари, захваченныя Ляхами при сожженіи Москвы.—Переговоры о мирѣ съ нашей стороны поручены были Боярамъ Шереметеву и Кн. Львову.

Изъ тѣхъ занятій, которыя достались Кн. Пожарскому по службѣ въ мирное время, извѣстны намъ между прочимъ управленіе Приказомъ Ямскимъ въ 1627 и Приказомъ Суднымъ въ 1635 году. Эти должности нѣсколько сходны съ нынѣшними Главнымъ Почтовымъ Управленіемъ и Министерствомъ Юстиціи. Но мирныя заслуги гражданина рѣдко бываютъ столь блистательны, какъ подвиги воина, хотя бы иныя изъ нихъ требовали большихъ и постоянныхъ усилій ума, хотя бы польза ихъ была огромна и несомнительна. Онѣ имѣютъ часто свидѣтелями себѣ только Бога и совѣсть.

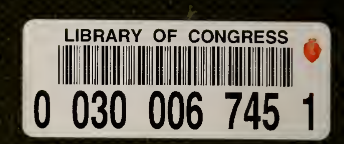
Посвятивши всю жизнь свою на служеніе отечеству, Кн. Дмитрій Михайловичь сошелъ тихо въ свою могилу. Кончина его послѣдовала въ 1640 году. Царь почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ и слезами.—Въ Суздальскомъ Евфиміевомъ монастырѣ почіетъ прахъ избавителя Россіи. При многихъ горестяхъ, неразлучныхъ отъ бытія человѣка,

знаменитый Князь могъ наслаждаться и чистѣйшею радостію: онъ при жизни видѣлъ успокоеніе страны, ему любезной,—при смерти могъ быть увѣреннымъ, что память его будетъ украшеніемъ и примѣромъ для самой добродѣтели. Въ наше время единственнымъ потомствомъ Князя его слава.

Жители Нижняго-Новагорода просили дозволенія поставить Князю Пожарскому и Минину памятникъ и для того собрали значительный капиталъ. Въ чувствахъ и пожертвованіяхъ Нижегородцевъ приняли участіе цѣлая Россія: Императоръ Александръ одобривъ съ душевною радостію порывы признательности своего народа, нарочно отправлялся въ Москву, чтобы украсить своимъ присутствіемъ открытіе памятника, поставленнаго тамъ на Красной Площади въ 1817 году.

Памятникъ представляетъ то мгновеніе, когда Мининъ убѣждалъ Кн. Пожарскаго принять на себя трудное дѣло спасенія отечества, и Князь, позабывъ свои раны, взялъ мечь.

Надъ сооруженіемъ памятника трудились лучшіе наши художники Мартосъ и Екимовъ: первый по части ваянія, вторый по работамъ изъ мѣди.— Надпись на памятникѣ: Князю Пожарскому и Минину благодарная Россія.

LIBRARY OF CONGRESS
0 030 006 745 1